

Университет и город в России (начало XX века)

История науки

Новое
Литературное
Обозрение

Сборник посвящен исследованию городского контекста эволюции университетов Российской империи предреволюционного периода. Исследователи из России, Германии и Эстонии показывают, как была связана жизнь «университетского человека» начала XX века с его непосредственным окружением. История науки переосмысливается ими в плане изучения условий производства знания и его институциональной основы. Авторы разносторонне анализируют «локальную» историю университетов Петербурга, Москвы, Казани и Тарту (Дерпта, Юрьева)...

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
<http://history.museums.spbu.ru/>

УДК 572.9(091)(47)"185/193"
ББК 28.718r(2)6
У.74

*Книга напечатана при содействии Фонда Фольскваген
(Проект «Германские и российские университеты
в Первой мировой войне.
Сравнительные исследования отношений общества,
науки и политики»)*

У 74 Университет и город в России (начало XX века) / Под редакцией Труде Маурер и Александра Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 784 с., ил.

Сборник посвящен исследованию городского контекста эволюции университетов Российской империи предреволюционного периода. Историки из России, Германии и Эстонии показывают, как была связана жизнь «университетского человека» начала XX века с его непосредственным окружением. История науки переосмысливается ими в плане изучения условий производства знания и его институциональной основы. Авторы разносторонне анализируют «локальное» прошлое университетов Петербурга, Москвы, Казани и Тарту (Дерпта, Юрьева), отходя от привычных – ведомственно-факультетских или идейно-политических – подходов. Обилие сравнительного материала и немецкий «акцент» книги определяются тем, что именно Германия и ее университеты оставались в тот период образцом (или точкой отталкивания) в меняющейся социальной жизни российской высшей школы.

УДК 572.9(091)(47)"185/193"
ББК 28.718r(2)6

ISBN 978-5-86793-714-0

© Авторы, 2009
© Новое литературное обозрение. Художественное оформление, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Труде Маурер</i> . Университет и (его) город: новая перспектива для исследования истории российских университетов	5
<i>Александр Дмитриев</i> . По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь русской высшей школы (1900–1917 годы)	105
<i>Евгений Ростовцев</i> . Университет столичного города (1905–1917 годы)	205
<i>Дмитрий Цыганков</i> . Московский университет в городском пространстве начала XX века	371
<i>Искандер Гилязов</i> . Город Казань и Казанский университет в начале XX века	460
<i>Сирье Тамул</i> . Тарту и его университеты (1905–1918 годы)	584
<i>Труде Маурер</i> . Русский Юрьевский университет и немецкий Страсбургский университет: утраченные форпосты	703
Сведения об авторах	761
От редакторов	762
Именной указатель	764

Евгений Ростовцев

УНИВЕРСИТЕТ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (1905—1917 ГОДЫ)

История российской высшей школы начала XX века в последнее время входит в число наиболее востребованных тем в научной литературе. Причина этого интереса очевидна — ее изучение помогает понять условия жизни и формирования интеллектуальной элиты страны накануне одного из самых грандиозных переломов в ее истории. В фокусе настоящей статьи — университет столицы Империи и проблемы его взаимоотношений и с общественной средой Петербурга, и с правительственными сферами в период с начала первой русской революции и до 1917 года — до начала второй русской революции.

Важными для нашего исследования являются труды, посвященные изучению психологии российской интеллигенции¹, феномену «петроградской оппозиционности»², психологии и организации российского студенчества³ и студенческому революционному движению⁴, институциональным основам деятельности органов столичного самоуправления начала XX века⁵, русскому либеральному и общественному движению⁶. При этом особо следует подчеркнуть ценность работы советских историков для реконструкции деятельности социалистических организаций и «освободительного движения» в университете. Например, безусловным достижением советской историографии 1960—1980-х годов было преодоление установок «Краткого курса истории ВКП(б)», ставившего знак равенства между либеральным и студенческим движением⁷.

Интересен взгляд на историю Петербургского университета ряда зарубежных исследователей второй половины XX века, изложенный в общих работах по истории

русской высшей школы⁸. Среди них особенно полезны для нас работы Дэвида Уортенвейлера⁹ и Самуэля Кассова¹⁰, в которых рассматривается правительственная политика в отношении высшей школы и ставится проблема взаимодействия академических корпораций с институтами гражданского общества.

Нельзя не отметить, что одной из проблем отечественной историографии долгое время была как раз определенная тематическая ограниченность и некоторая заданность исследовательских работ в области университетской истории. Исследования, как правило, строились либо в рамках политической истории (прежде всего изучения освободительного движения)¹¹, либо в рамках истории науки (научных школ и биографий ученых)¹². Таким образом, изложение истории университета в рамках этих исследовательских «нарративов» часто оказывалось в каком-то смысле вырванным из общего контекста социальной истории России и Петербурга. Например, вне сферы внимания исследователей оказывались социальные связи университета с городской средой, городским сообществом. В то же время городское самоуправление в определенной мере отражало общественные настроения и стремительные изменения социальной и идеологической атмосферы начала XX века. В этой связи соотношение университетской истории с историей городского сообщества¹³ кажется продуктивным для выяснения той роли, которую играла университетская корпорация в русской общественной жизни этого периода.

Среди проблем историографии можно указать на перенесение современных ей понятий на историю дореволюционной высшей школы. Например, один из ведущих советских историков университетского образования А.Е. Иванов настаивал на отказе от «бюрократической» терминологии «профессор», «младший преподаватель», как основанной на «номенклатурно-правовом статусе», в пользу содержательной, объединяющей всех их в «однородных терминах», — «профессура», «преподаватель».

ли», «профессорско-преподавательский состав»¹⁴. Дело, однако, заключается в том, что различный «номенклатурно-правовой статус» «младших преподавателей» и «профессуры» предполагал принципиально разные возможности влияния этих двух групп преподавателей на политику университета.

Другой проблемой советских историков была попытка искусственно подогнать историю университетской жизни к историографическим догмам, связанным с марксистско-ленинской идеологией, что приводило подчас к странным результатам. Например, И.П. Лейберов вопреки очевидным фактам утверждал, что 1909—1913 годы — эпоха А.Н. Шварца и Л.А. Кассо — являлись периодом «затишья» студенческого движения в сравнении с периодом 1914—1915 годов¹⁵. Рассмотрение истории университетов через призму ленинского понимания их назначения в общественной жизни (в пропагандистских целях В.И. Ленин не раз обращался к сюжетам, связанным с задачами высшей школы в революционном движении)¹⁶ заставляло историков «придумывать» исторические роли для основных действующих лиц, которые в карикатурном плане можно представить в виде то «испуганной», то «прогрессивной», то «продажной» профессуры, «революционного» студенчества и «полицейского» государства. Можно заметить, что в какой-то степени те оценки, которые давались профессуре, зависели от задачи исследования — в истории революционного студенческого движения она была, как правило, «реакционна», особенно после 1905 года, а в общих работах по истории университета, как правило, «прогрессивна». В результате мы имеем ситуацию «фаскированной» историографии, где существует многочисленная (десятки названий)¹⁷ литература по отдельным эпизодам университетской истории, однако до сих пор нет связной истории университета этого периода, не считая нескольких самых общих очерков¹⁸.

На наш взгляд, причина такого положения заключается в идеологических исследовательских установках, которые связывали советскую историографию. Результатом

идеологически заданного подхода к университетской истории являлось не только то, что основное внимание в научной литературе уделялось истории освободительного движения в стенах университета и отнюдь не истории собственно академической корпорации, но и то, что из сферы внимания историков невольно «выпадал» ряд важных источников.

Источники же темы многочисленны и разнообразны. В литературе широко использовались нормативная и делопроизводственная документация, мемуары¹⁹, отчеты университета, эпистолярное наследие университетов, публицистика и т.п. Многие из источникового массива опубликовано, не менее богаты и архивные материалы²⁰. Вместе с тем следует отметить выборочность подхода некоторых историков к показаниям источников и односторонность их критики. Так, в качестве одного из основных источников для реконструкции событий первой русской революции, происходивших в университете, использовалась книга А. Дьяконова «1905 и 1906 годы в Петербургском университете» (1907). В то же время, по признанию такого авторитетного советского исследователя, как Ю.Д. Марголис, эта работа «весьма уязвима», поскольку в ней «явно преувеличена роль студенчества в революционном движении»²¹. Добавим от себя, что не менее «уязвимы» и мемуары других деятелей революционного студенческого движения, изданные уже в советское время²², согласующие свои показания с определенными историко-идеологическими представлениями советской эпохи.

Примечательно в то же время, что в многочисленной литературе практически не используется такой ценный источник, как «Журналы (Протоколы) заседаний университетского Совета». Между тем на «советские протоколы» следует обратить особое внимание. Важно, что они содержали кроме стенограммы выступлений членов профессорского Совета многочисленные «приложения» (официальные решения Совета, его переписку с органами государственной власти, организациями и частными лицами, письма членов Совета, их «особые мнения»

и т.п.). Протоколы Совета за интересующий нас период опубликованы²³, однако в ряде случаев в печатном тексте протоколов присутствуют некоторые конъюнктурные изъятия и изменения, поэтому нам показалась важной их сверка с рукописными оригиналами и в некоторых случаях использование последних²⁴. Можно предположить, что критическое осмысление показаний именно этого источника позволит более полно представить связную картину университетской политики, а следовательно, и прояснить механизм ее формирования, ее основные пружины. На наш взгляд, невнимание к этому источнику в советской историографии²⁵ не случайно и связано не столько с тем, что его показания мало согласуются с представлениями об «университете» как о беззащитной жертве политических преследований со стороны «режима», сколько с тем, что Совет университета и его центр, так называемая «Советская комиссия», в свете показаний «протоколов» отнюдь не выглядят «статистами» в борьбе между революционными партиями и правительством, как их иногда пытались представить в историко-партийной литературе.

Однако самым главным здесь все же является другое обстоятельство — из «Протоколов» Совета, несмотря на постоянную активную политическую и общественную позицию его членов, видно, что университетский мир начала XX века был намного ярче и богаче, чем было принято его представлять в историографии. Здесь не только шла настоящая борьба за науку, но было и многое другое, важное для молодежи начала века, — в числе этого «другого» и увлеченность собиранием общей университетской библиотеки и библиотек факультетов, и многочисленные кружки по интересам, и землячества, и неполитические корпорации со своими обрядами и символикой, и система вспомоществования бедным, и кодекс чести, обязательный для преподавателей и студентов, и вовлеченность выпускников в академическую и неакадемическую жизнь *alma mater*, и многое другое.

По характеру к «Протоколам» Совета примыкает такой источник, как «Отчеты университета»²⁶, — источник,

показания которого хотя и широко, но, как нам представляется, довольно односторонне использовались в литературе. Прежде всего «Отчеты...» исследовались с целью реконструкции научной жизни университета и социального состава студенчества, в то же время их содержание намного шире и позволяет многое понять в истории общественной жизни университета и бытовых сторонах его существования. В этом смысле очень важно также задействовать «неполитические» показания мемуарных источников, которые в советской литературе не часто использовались (а целый ряд публикаций и появился уже в постсоветскую эпоху)²⁷, тем более что некоторые стороны университетской жизни (например, история повседневности) без учета этих источников вообще плохо поддаются реконструкции.

Исходя из изложенных соображений, мы видим несколько основных задач нашей работы: показать место университета в городском ландшафте Петербурга начала XX века, восстановить структуру и состав университетской корпорации, дать очерк быта и образа жизни университетских людей (преподавателей и студентов), показать участие и роль деятелей университета в разных сферах жизни городского сообщества (научной, культурной, просветительской, политической, административной), а также дать краткий очерк политики университета, прояснив по возможности механизм ее формирования в период с начала первой русской революции до начала второй русской революции.

I

УНИВЕРСИТЕТ В ГОРОДСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Петербург начала XX века не только представлял собой крупнейший академический центр страны, но и являлся заметным научным центром в европейском и мировом масштабе. Эта роль определялась деятельностью ученых

и располагавшихся здесь высших учебных заведений, среди которых наибольшее значение имели Императорская Академия наук и Императорский университет. Действительно, несмотря на резкий рост числа высших учебных заведений в Петербурге в период после первой русской революции (если в 1895 году в городе было 21 высшее учебное заведение, то в 1914 году их стало уже 60)²⁸, университет оставался крупнейшим из них как по числу студентов, так и по количеству преподавателей.

Напомним, что столичный университет территориально располагался близко к стрелке Васильевского острова (в административном отношении это I участок Васильевской части города) — центральным корпусом университетского комплекса было историческое здание Двенадцати коллегий²⁹, бывшее когда-то центром российской политики. В начале XX века здесь располагались деканаты всех факультетов университета и большая часть всех университетских аудиторий. Известный художник, критик и историк искусства А.И. Бенуа дал яркую характеристику этому зданию в своих воспоминаниях, не без некоторой доли самокритики оценив тот вклад, который впоследствии (после революции 1917 года) сам внес в его внешний облик: «Здание коллегий, в котором со времени Александра I помещался университет, представляло собою... величественное целое, испорченное лишь тем, что во всю его длину расположен за решеткой сад, деревья которого заслоняют значительную часть здания. В дни моего детства и молодости университет красили в сплошной кирпично-красный цвет, и это если и не было особенно оригинально, то все же подчеркивало величавую однообразную громадность здания. Позже (по моему же совету) его стали красить в красный и белый цвет... но надо сознаться, что такая окраска, не прибавив особенной живописности, нарушила то, что в этой архитектуре было благородно-горделивого»³⁰.

Знаменитый писатель В.В. Вересаев, учившийся в университете в конце XIX века, вспоминал то впечатление, которое на него произвело это здание: «Бесконечно длин-

ное, с полверсты... Концом своим упирается в набережную Невы, а широким трехэтажным фасадом выходит на Университетскую линию. Внутри такой же бесконечный, во всю длину здания, коридор, с рядом бесчисленных окон»³¹. Кстати, еще во многих воспоминаниях (А. Ахматовой, В. Рождественского, В. Шкловского и др.) мы находим неизменное «очарование бесконечным, светлым и широким коридором»³². А.Н. Бенуа вспоминал, что, пока в аудиториях шли лекции, в этом коридоре «происходило своего рода гуляние юношей, одетых в одинаковые черно-зеленые мундиры с синими воротниками и золотыми пуговицами. Здесь происходили встречи, завязывались знакомства, возникали споры... вследствие сравнительной узости коридора в нем получались заторы и толкотня. В этом же коридоре происходили, несмотря на строжайший запрет, студенческие сходки»³³. В главном здании университета располагались (как и сейчас) еще несколько важных центров общеуниверситетской жизни: церковь, библиотека, актовый зал, кабинет ректора, канцелярия, зал профессорского Совета.

К началу XX века в состав университетского комплекса на Васильевском острове входил еще ряд зданий: ректорский дом (купленный университетом в 1837 году), здания ботанической аудитории, ботанических кабинетов и оранжереи (построены в 1860-е), «дом для игры в мяч» (передан университету в 1867 году; в начале XX века здесь располагались физические кабинеты, музеи уголовного права и древностей), студенческое общежитие (здание Коллегии императора Александра II, построено в 1882 году), химическая лаборатория (сооружена в 1894 году), Физический институт (построен в 1899 году), жилой флигель (возведен в 1900 году), студенческая столовая (построена в 1902 году). Кроме перечисленных университет имел в собственности и использовал еще ряд зданий, расположенных в различных частях Васильевского острова; наиболее обширным из них было здание на 16-й линии, дом 29 (построено в 1903 году сначала как студенческое общежитие, затем — одно из зданий физико-математиче-

ского факультета)³⁴. Как видим, в последней трети XIX — начале XX века университет существенно расширил площадь занимаемой им городской территории.

Для понимания атмосферы университетской жизни также важно, что университетский комплекс располагался в месте, которое в литературе иногда называют «академическим центром»³⁵, поскольку здесь на небольшом пространстве в несколько кварталов находились крупнейшие столичные музеи (Кунсткамера, Зоологический музей, Музей почвоведения, Военно-морской музей), Академия наук, Пушкинский Дом, Первый кадетский корпус, Клинический повивальный институт, Историко-филологический институт, Академия художеств; чуть дальше, на ближайших линиях и набережных острова, располагались и многие другие образовательные учреждения: Морское училище и Николаевская Морская академия, Горный институт, Патриотический и Елизаветинский институты, Бестужевские курсы, Археологический институт, Санкт-Петербургские мореходные классы (Соединенное училище дальнего плавания), Первое реальное училище, несколько частных и государственных гимназий. Также на Васильевском острове, недалеко от университета, располагались научные общества и культурные учреждения самого разнообразного профиля: Общество ревнителей истории, Общество библиотековедения, Новая художественная мастерская, «Цех поэтов», музей «Старый Петербург», Общество для распространения Священного Писания, Бюро по прикладной ботанике и селекции, Минералогическое общество, Главная физическая обсерватория, знаменитое издательство М.О. Вольфа (которое университет использовал для издания своих трудов) и целый ряд других. Многие из этих разнообразных учреждений имели весьма давнюю историю, будучи основанными еще до появления на Васильевском острове университета (некоторые — в екатерининское время)³⁶, что, кстати, по предположениям, высказывавшимся в литературе, и предопределило размещение университета в 1819 году в здании Двенадцати коллегий³⁷.

Неудивительно, что значительная часть жизни большинства «университетских людей», чьи интересы были связаны с науками и искусствами, проходила именно на Васильевском острове, причем некоторые жили в университетском комплексе постоянно. Так, ректор университета жил в так называемом ректорском флигеле, расположенном рядом с главным зданием и соединенном с ним аркой (сейчас здесь находятся различные административные службы университета)³⁸. Большинство профессоров и университетских служащих также жило недалеко от университета. Некоторые из них жили, как и ректор, в казенных квартирах, которыми располагал университет (расположенных как в специальном трехэтажном флигеле, примыкавшем к химической лаборатории, так и в главном здании, других рабочих корпусах)³⁹, но в описываемый период большинство все же снимало квартиры поблизости⁴⁰. В университетском комплексе в Филологическом переулке располагалось и упомянутое выше студенческое общежитие — построенное в 1882 году по проекту архитектора Л.Н. Бенуа здание Александровской коллегии (сегодня здание занято хозяйственной частью университета)⁴¹, его жители — студенты университета — именовались «коллегиантами». Однако при постоянно увеличивавшемся притоке студенчества помещений общежития не хватало, и большинству нуждающихся в жилье студентов приходилось снимать его на ближайших линиях Васильевского острова.

Таким образом, закономерно, что значительную часть жителей Васильевского острова составляли трудовая интеллигенция и студенты, связанные с «академическим центром», а также служащие различных учреждений. Известный исследователь социальной истории Петербурга Н.В. Юхнева отмечает, что кварталы от Университетской и Николаевской набережных до Большого проспекта в начале XX века были заселены по преимуществу учеными, преподавателями учебных заведений и учащимися⁴². Однако надо помнить и о другой многочисленной части населения острова, связанной с близостью порта и

заводских предприятий, расположенных на этой территории, — моряках и рабочих. Поэтому можно сказать, что, несмотря на обилие учебных заведений и научных институтов, Васильевский остров начала XX века в своей большей (западной) части относился скорее к демократическим районам города. Район же университета можно отнести к пограничным территориям «парадного» Петербурга, за которыми очень близко начинался уже совсем другой, «непарадный» город. В частности, следует отметить, что неподалеку за университетским комплексом располагались кварталы с дурной репутацией (например, у находящегося неподалеку Андреевского рынка располагались многочисленные притоны, процветала проституция⁴³). Говоря о «территориальных проблемах» университета, надо также иметь в виду, что Васильевский остров является не самым благоприятным местом города не только в социальном, но и в климатическом отношении — благодаря своей линейной планировке его восточная часть продувается с двух сторон сильными северными ветрами⁴⁴, основная же проблема района — периодические наводнения, случавшиеся здесь чаще других центральных районов, которым были наиболее подвержены (помимо западной приморской части Васильевского острова) кварталы, расположенные севернее Среднего проспекта, и стрелка острова⁴⁵.

Долгое время восточная часть Васильевского острова (I участок Васильевской части) отличался повышенной концентрацией нерусского населения, что было связано в значительной степени как раз с преподавательским и учащимся составом учебных заведений, расположенных в этом месте, и служащими находящейся здесь Биржи и торговых контор. К 1910 году этническая ситуация постепенно меняется, и уровень русского населения приближается здесь к среднему по городу, однако по-прежнему непропорционально высокой по отношению к среднероссийскому числу остается доля немецкого населения (7%), а состав инонациональной части населения был одним из самых пестрых в столице⁴⁶. Эти обстоятель-

ства, кстати, во многом отражали как рост абсолютного числа русских студентов в университете, так и пеструю этническую картину университетского студенчества, о которой мы поговорим ниже. Следует помнить, что численно весь «академический мир» Петербурга составлял в начале XX века ничтожный процент (1–2%) населения быстрорастущего города, число жителей которого к началу Первой мировой войны пересвалило за 2,2 млн человек (увеличившись за это время почти на 600 тыс.)⁴⁷.

Таков был в общих чертах тот социальный контекст, в котором существовал университетский мир начала прошлого века. Безусловно, этот мир распадался естественным образом на две основные части — мир преподавателей и мир студентов; постараемся в самых общих чертах охарактеризовать их быт и ту корпоративную атмосферу, которая в них господствовала.

II ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ МИР В ПРОСТРАНСТВЕ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА

Для понимания организации «преподавательского мира» столичного университета прежде всего необходимо охарактеризовать институциональные особенности его устройства, связанные с положениями университетского устава 1884 года⁴⁸. Основной структурной единицей преподавательской корпорации был факультет. Напомним, что в начале века университет делился на четыре факультета: историко-филологический, юридический, физико-математический и восточных языков. Факультетские советы состояли из профессоров, как читающих обязательные лекции на данном факультете, так и уже вышедших на пенсию (и могущих вообще не вести занятий), — эти органы принимали все основные решения, связанные с внутрифакультетской жизнью (избрание профессоров и приват-доцентов, оставление на факультете студентов,

распределение специальных средств, изменение учебных планов, присвоение ученых степеней и т.п.), утверждение которых если и требовалось вышестоящими структурами, то в большинстве случаев носило формальный характер.

Факультеты, в свою очередь, делились на отделения (разряды), каждый из которых имел собственные выработанные факультетом (утвержденные затем университетским Советом и Министерством народного просвещения) учебные планы. Однако отделения факультета не являлись какими-либо административными или структурными единицами, условно объединяя не преподавателей, а студентов. Структурной ячейкой, которая объединяла преподавателей, была кафедра (количество и названия кафедр были закреплены в уставе). Между тем формально кафедра также не была административной единицей, скорее обозначая направление преподавания. Поэтому, например, один и тот же приват-доцент мог объявлять курсы по разным кафедрам. Кафедры не только не имели формальных заседаний и не принимали никаких решений, но и не имели даже формального главы, поскольку в некоторых случаях одну кафедру в полном соответствии с буквой университетского устава замещали два (или более) равных по статусу профессора. Правда, в абсолютном большинстве случаев профессор на кафедре был один, и именно он на практике и принимал все важные решения, связанные с ее работой.

Профессора составляли университетский (профессорский) Совет, который принимал все основные решения, связанные с жизнью университета. Во главе Совета стоял назначенный министерством (а с 1905 года — избранный) ректор из числа университетских профессоров. В обязанности ректора входило как руководство текущими делами университетской жизни, так и взаимодействие с другими учреждениями и Министерством народного просвещения, которому подчинялся университет. Напомним, что ректорами университета в этот период были профессора А.М. Жданов (1903—1905), И.И. Боргман (1905—1910), Д.Д. Гримм (1910—1911) и Э.Д. Гримм (1911—1918).

В течение всего указанного периода, согласно уставу 1884 года, в состав факультетов С.-Петербургского университета входило 44 кафедры. При этом по факультетам они распределялись следующим образом: 1) историко-филологический — 10; 2) физико-математический — 11; 3) юридический — 13; 4) восточный — 10. Университетский устав определял и количество ординарных и экстраординарных профессоров по факультетам: 1) историко-филологический — 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных и 4 лектора новых языков; 2) физико-математический — 12 ординарных профессоров, 5 экстраординарных; 3) юридический — 11 ординарных профессоров, 4 экстраординарных; 4) восточный — 6 ординарных профессоров, 3 экстраординарных и 8 лекторов восточных языков⁴⁹. При этом по количеству студентов на первом месте был юридический факультет (около половины всех студентов), на втором месте стоял физико-математический факультет (35–40%), на третьем — историко-филологический (7–9%) и на последнем — восточный (1,5–3%)⁵⁰. Таким образом, малолюдные факультеты, очевидно, оказывались в лучшем кадровом положении, чем многочисленные.

Из табл. 1 видно, что количество штатных единиц было несколько больше числа кафедр, поэтому университет имел возможность замещать некоторые кафедры несколькими профессорами. Например, на историко-филологическом факультете кафедра всеобщей истории традиционно замещалась тремя профессорами. Однако университет предпочитал не использовать все профессорские вакансии, часто ограничиваясь только решением задачи замещения освободившейся кафедры.

Как правило, университетские кафедры замещались ординарными или экстраординарными профессорами (или исполняющими должность [и. д.] ординарных или экстраординарных профессоров). Должность ординарного профессора присваивалась после пребывания (не менее двух лет) в должности экстраординарного (при освобождении штатной вакансии ординарного профессора).

Таблица 1
**Штатное расписание
 С.-Петербургского университета 1884 года
 Состав учебного персонала⁵¹**

Наименование должностей	Назначено по штату
Профессоров богословия	1
Ординарных профессоров	41
Экстраординарных профессоров	17
Астроном-наблюдатель	1
Астроном-вычислитель	1
Прозектор	2
Помощники ректора	2
Лекторы новых языков	4
Лекторы восточных языков	8
Ассистенты старшие	23
Ассистенты младшие	20
Всего	120

Приставка «исполняющий должность» означала, что профессор не имеет докторской степени. В очень редких случаях кафедры замещались «заслуженными профессорами», то есть отслужившими 30 лет в профессорском звании и получающими пенсию «внештатными профессорами», в исключительных случаях — «приват-доцентами, читающими обязательные курсы». Два последних варианта почти всегда были связаны с переходным состоянием кафедры от одного «полноценного профессора» к другому. При этом назначены по штату (штатное расписание утверждено еще в 1884 году вместе с уставом университетов) были соответственно 41 ординарный и 17 экстраординарных профессоров (см. выше штатное расписание — табл. 1).

Статус «сверхштатного» профессор мог иметь по разным причинам (отсутствие вакансии штатного профессора, работа в другом учебном заведении и т.п.). Вне зависимости от своего статуса и степени реального участия в

учебном процессе профессора составляли *университетский (профессорский) Совет*, где пользовались равными правами. На практике это приводило к тому, что примерно половина членов Совета пребывала в составе университета либо «вне штата», либо «сверх штата», а заседания профессорской коллегии часто проходили при минимальном кворуме. Если штатные профессора и лекторы университета получали законодательно зафиксированное вознаграждение (жалованье и «квартирные»), то оплата лекций и занятий сверхштатных и внештатных профессоров и приват-доцентов (не включенных в штатное расписание) определялась факультетами и утверждалась Советом университета.

Распределение преподавательского состава и учебного персонала в университете в целом отражено в таблице 2.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на некоторые колебания, преподавательский состав и учебный персонал в целом численно выросли (более чем на четверть). При этом рост достигался главным образом за счет той группы младших преподавателей, которая не получала фиксированного жалованья, — количество приват-доцентов имело четкую тенденцию к увеличению от 55,2% (1905) до 66,7% (1915) преподавательского состава. Надо учитывать, что количество профессоров, так же как и учебно-вспомогательного персонала, определялось штатным расписанием и имело лишь слабо заметный тренд в направлении увеличения (за счет сверхштатных должностей). Кстати, последнее обстоятельство вело к тому, что в составе учебного персонала учебно-вспомогательный несколько сократился (с 19 до 17%).

Понятно, что в этих условиях доля штатных профессоров, в руках которых находились основные нити управления университетом, на протяжении рассматриваемого периода, напротив, сокращалась — по отношению ко всему учебному персоналу университета в 1905 году она составляла 18,7%, а в 1915 году уже 12%; по отношению к преподавательскому составу тенденция была еще более яркой: от 27,8% (1905) до 15,6% (1915). Естественно, что

Таблица 2

 Учебный персонал С.-Петербургского
 (Петроградского) университета, 1905—1914 годы⁵²

Должности	Годы													
	1904/05	1905/06	1906/07	1907/08	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15			
Штатные ординарные профессора	34	33	33	34	34	32	32	32	32	33	32			
Штатные экстраординарные профессора	15	13	11	9	11	13	13	10	8	10	8			
Всего штатных профессоров	49	46	44	43	45	45	45	42	42	43	40			
Сверхштатные ординарные профессора			3	3	3	3	3	3	4	5	4			
Внештатные и заштатные профессора	25	27	24	25	24	22	23	23	26	27	29			
Профессора богословия	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1			
Всего профессоров (членов Совета)	75	74	72	72	73	71	72	70	73	76	74			

Продолжение табл. 2

Должности	Годы															
	1904/05	1905/06	1906/07	1907/08	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15					
Лекторы	4	4	10	11	10	11	13	13	11	11	11					
Нанятые преподаватели	6	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—					
Приват-доценты	105	116	126	142	139	162	154	163	177	162	171					
Всего младших преподавателей	115	127	136	153	149	173	167	176	188	173	182					
Всего преподавателей	190	201	208	225	222	244	230	246	267	240	256					
Лаборанты	23	23	24	25	28	31	31	31	31	30	30					
Хранители кабинетов	31	32	34	35	37	42	42	44	40	37	39					
Прочие ⁵¹	15	14	14	8	7	6	6	4	4	4	5					
Всего учебно-вспомогательного персонала (без приват-доцентов)	69	68	72	68	70	79	79	79	75	71	74					
	(из них — 22 пр.-доц.)	(из них — 19 пр.-доц.)	(из них — 20 пр.-доц.)	(из них — 14 пр.-доц.)	(из них — 14 пр.-доц.)	(из них — 16 пр.-доц.)	(из них — 16 пр.-доц.)	(из них — 16 пр.-доц.)	(из них — 18 пр.-доц.)	(из них — 20 пр.-доц.)	(из них — 18 пр.-доц.)					
прочие ⁵¹	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2					
Всего учебного персонала (учитывая совмещенные должности)	261	271	282	295	294	325	320	327	338	322	332					
	/239/	/252/	/260/	/281/	/280/	/309/	/304/	/311/	/320/	/302/	/314/					

в результате таких изменений постепенно менялось соотношение тех членов университетской корпорации, которые имели право голоса в университетском Совете, и тех, кто его не имел. Если в 1905 году из 239 человек, занятых в учебном процессе, его имели 75 (31,3%), то в 1915 году из 314 человек — только 74 (23,5%).

Итак, мы видим, что преподавательская корпорация университета институционально оказалась разделенной на две неравные части: меньшую — профессоров и большую — «младших преподавателей», число которых постоянно росло. Между тем рост преподавательской корпорации за счет «младших преподавателей» был обусловлен не только увеличением числа «оставленных на факультете», но в ряде случаев и необходимостью. Дело в том, что количество студентов в начале века значительно выросло. Так, если в 1905 году на одного университетского штатного профессора в среднем приходилось 92 студента, то в 1914 году — уже 173 студента. В условиях предметной системы, когда студент был обязан прослушать определенное количество часов в год, приват-доценты не только «разгружали» профессоров, но и обеспечивали основной объем аудиторных занятий⁵⁵.

При этом закрепленное университетским уставом и штатным расписанием разделение преподавателей на группы коренным образом сказывалось не только на формальном преподавательском статусе, но и на оплате труда. Действительно, проникновение в ряды преподавательской корпорации университета гарантировало обретение довольно высокого социального статуса, однако отнюдь не означало достижения достаточного материального благополучия. Размер заработка университетского преподавателя зависел от многих факторов: его статуса в университетской иерархии, популярности его лекций среди студентов, количества последних на том или ином факультете, программы факультетского преподавания (соотношения числа обязательных и необязательных курсов, количества недельных часов, необходимых студентам для зачета полугодия и т.п.). Как отмечено

выше, постоянное гарантированное фиксированное жалование получали только штатные сотрудники университета, которых по штатам 1884 года в столичном университете было не более 86 человек (при 96 штатных должностях, включая служительские), из них 66 штатных преподавателей: ординарные профессора получали 3000 руб. в год, экстраординарные – 2000 руб., лекторы иностранных и восточных языков по 1000 руб. Впрочем, десять представителей из числа профессуры одновременно замещали одну из дополнительных административных должностей (ректор, проректор, декан, секретарь факультета), которые давали дополнительно от 1500 до 300 руб. в год. Все остальные должности учреждались Советом университета и оплачивались особо из «специальных средств» (прежде всего денег, собранных за обучение). Для некоторых приват-доцентов должность лаборанта или хранителя кабинета (которыми, согласно уставу, как правило, заведовали профессора) была не только и не столько «трамплином» для возможного попадания в профессорскую элиту, сколько источником гарантированного, пусть и скромного, дохода (600–800 руб. в год).

В то же время важнейшим источником дохода многих преподавателей была так называемая гонорарная система, связанная с получением денег за лекции и семинарские занятия непосредственно от студентов, которая гарантировала профессорам, лекторам и приват-доцентам, читающим обязательные курсы (а профессорские курсы являлись, как правило, таковыми), устойчивый приток денежных поступлений. Естественно, что преимущество в этом имели те преподаватели, чьи курсы явились обязательными для максимального числа студентов, распределяемых внутри факультетов по отделениям. Поэтому материальное обеспечение сильно разнилось – если, например, некоторые преподаватели юридического факультета, имея иногда до тысячи записавшихся (при шести часах в неделю), при монополии на определенный курс обеспечивали себе гонорар в 6000 руб. за семестр, то преподаватели восточного факультета, даже читая обязатель-

ные курсы по определенному отделению (разряду), могли при пяти студентах и двух часах в неделю получать гонорар в 10 руб. в семестр. Что касается дополнительного вознаграждения (кроме гонорара) приват-доцентов и профессоров, находящихся за штатом, то оно осуществлялось как из фиксированной суммы, ассигнуемой Министерством народного просвещения по представлению университетов, так и из специальных сумм, распределяемых Советом университета, однако его конкретный размер в любом случае определялся (кроме, разумеется, общей суммы тех ресурсов, которыми располагал университет) прежде всего позицией Совета профессоров факультетов: как правило, средний размер такого вознаграждения был небольшим и составлял 200–300 руб. за один годовой час (600–1200 руб. в год), при этом факультет, Совет университета и министерство могли и вовсе не выделять вознаграждения внештатным профессорам и приват-доцентам за чтение лекций⁵⁶, обязательной являлась только выплата гонорара. У ряда приват-доцентов гонорары могли быть весьма значительными — прежде всего у тех, кто читал общие обязательные курсы. Например, приват-доцент А.С. Лаппо-Данилевский читал обязательный курс «Методологии истории» для исторического отделения историко-филологического факультета университета; это означало, что студенты были обязаны посещать (и платить за это гонорар) именно его занятия, поскольку никакой альтернативы курсу академика факультет не предоставлял⁵⁷. Однако в большинстве случаев приват-доцентские курсы не являлись обязательными, и приват-доцент получал от своей работы весьма небольшой доход, в особенности на малолюдных факультетах. По воспоминаниям И.Ю. Крачковского, впоследствии академика, а в начале века студента и приват-доцента восточного факультета, «приват-доцентура далеко не обеспечивала даже скромных потребностей семейного человека»⁵⁸. Именно поэтому многие приват-доценты вынуждены были одновременно с работой в университете вести занятия в других высших и средних учебных заве-

дениях столицы или давать частные уроки. Неудивительно, что при таком положении дел в большинстве российских университетов такое разделение преподавателей на «два сорта» породило в начале XX века почти открытое противостояние между «старшими» и «младшими». Особую силу это противостояние имело в Московском университете, Совет которого, несмотря на требования младших преподавателей, решительно отказался от предоставления им права решающего голоса в университетской корпорации⁵⁹.

В 1905 году такое противостояние наметилось и в столичном университете в связи с общей либерализацией университетской жизни. Первоначальный план предоставления младшим преподавателям права участвовать в работе Совета, выдвинутый в октябре 1905 года, был отвергнут профессорами незначительным большинством (23 голоса против 20)⁶⁰. В то же время следует учитывать, что ректор, большинство членов так называемой Советской комиссии (своеобразного президиума Совета) и деканы физико-математического (В.М. Шимкевич) и историко-филологического (Ф.А. Браун) факультетов поспешили выступить со специальным заявлением, в котором, назвав решение Совета неправильным и нецелесообразным, по существу, потребовали его пересмотра⁶¹. Основными противниками допуска представителей младших преподавателей в Совет выступали представители старшего поколения университетской корпорации (так называемые «заслуженные профессора»), в то время как активно действующая профессура, которая находилась под постоянным давлением «приват-доцентов» своих кафедр, поддерживала реформу. Постепенно давление в пользу «младших преподавателей» усиливалось. В декабре 1905 года Совет избирал представителей Петербургского университета в комиссию министерства по выработке нового университетского устава — все избранные делегаты находились в числе авторов недавнего обращения в поддержку «младших преподавателей»⁶². Неудивительно, что вскоре, в ходе обсуждения в Совете нового университет-

ского устава, его позиция была пересмотрена — согласно протоколу заседания 21 декабря 1905 года «большинством 17 против 14 голосов Совет признал желательным и целесообразным участие младших преподавателей в Совете»⁶³.

Таким образом, в Петербургском университете противоречия между «старшими» и «младшими» тоже были, однако такого резкого противостояния, как, например, в Москве, здесь не произошло благодаря, по меньшей мере, двум обстоятельствам. Во-первых, состав «приват-доцентской» корпорации здесь был слишком представлен. В нее входили историки А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, С.В. Рождественский, М.А. Дьяконов, В.Н. Бенешевич, Е.В. Тарле, историк и экономист М.И. Туган-Барановский, филологи Д.К. Петров, В.М. Истрин, С.А. Венгеров, К.Г. Залеман, философы Н.О. Лосский, И.А. Лапшин, петрограф Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, зоолог Н.В. Насонов и другие известные ученые. Многие из них имели ученую степень доктора (при том, что она отсутствовала у ряда профессоров), многие были действительными членами высшего научного учреждения страны — Академии наук, — поэтому отношение к ним как к «младшим товарищам» для Совета было во всех смыслах затруднительным; а с другой стороны, у таких «младших преподавателей», часто в карьерном отношении состоявшихся и достойно материально обеспеченных, не было необходимости в конфронтации со «старшими». Во-вторых, в среде «младших преподавателей» доминировали либеральные политические настроения, близкие либеральному большинству Совета. Характерно, что при обсуждении будущего университетского устройства «младшим преподавателям» удалось фактически связать проблему расширения собственных академических прав с общей программой либерализации высшей школы⁶⁴.

Завершая тему «старших» и «младших» членов преподавательской корпорации, следует отметить, что, приняв в 1905 году принципиальное решение о введении предста-

вителей младших преподавателей в состав Совета в рамках проекта нового устава, профессора не могли (и, по-видимому, не хотели) разрешить действительное присутствие младших преподавателей в Совете до его введения в жизнь⁶⁵. Поэтому, несмотря на благожелательное отношение профессуры к «правам» «младших преподавателей», их реальное влияние на университетскую политику в рассматриваемый период оставалось незначительным.

Религиозный и социальный состав преподавательской корпорации и учебного персонала в целом был достаточно стабилен и однороден. В социальном плане большинство преподавателей происходило из семей дворян и чиновников, в религиозном — из православных. Для примера укажем, что в 1910/11 учебном году из 304 человек учебного состава православные составляли 266 человек, католики — 16, члены протестантских церквей — 35, армяно-григориане — 3, иудеи — 2, мусульмане — 1 человек, буддисты — 1 человек. При этом среди университетской профессуры представителей нехристианских конфессий вовсе не было — 60 православных и по 6 протестантов и католиков. Таким образом, если в целом в учебном персонале представители неправославного вероисповедания составляли более 20%, то в университетской элите (среди профессоров — членов Совета) — около 15%⁶⁶. Разумеется, эта ситуация скорее отражала правительственную политику и карьерно-профессиональные устремления этнорелигиозных групп российской интеллигенции, нежели фобии университетской элиты, в религиозном плане толерантной, — достаточно напомнить, что долгое время университет возглавляли поочередно два избранных ректора-лютеранина — два родных брата — историк Эрвин и историк-юрист Давид Гриммы.

Следует помнить, что так называемая «академическая среда» (в которую главным образом входили преподаватели высших учебных заведений) в начале XX века в России представляла собой весьма узкую социальную прослойку. Жизнь этой «касты избранных» имела сложное и разноплановое устройство, далеко выходящее за фор-

мальные рамки академического взаимодействия, определенные существовавшими нормативными актами. Пропуском в корпорацию был успех на научном диспуте, при этом не случайно сами диспуты часто превращались в настоящие общественные явления, собирая порой полный актов зал⁶⁷. О диспутах по гуманитарным и социальным дисциплинам обычно делали подробные репортажи в газетах.

Допуск в мир «избранных» означал не только обретение формальных привилегий, но и возможность посещения многочисленных неформальных профессорских салонов (М.М. Ковалевского, И.М. Гревса, Э.Д. Гримма, С.А. Адрианова и других членов корпорации). Яркие картины этих вечеров рисует мемуаристика. Разговоры на таких вечерах велись предельно откровенные, без всяких опасений. Например, И.В. Егоров, в советские годы видный общественный и политический деятель, ученый, а в 1900-е — начале 1910-х годов студент историко-филологического факультета, присутствовавший на одном из таких вечеров у С.А. Адрианова (в качестве его секретаря), вспоминал, как ректор Э.Д. Гримм «под влиянием винных паров стал на чем свет стоит поносить Николая II», заявив, что «ждет не дождется», когда императора «задушат Преображенские солдаты»⁶⁸.

Бывали случаи, когда такие «корпоративные обеды» были обязательны, например после магистерского или докторского диспута. Диссертант по традиции должен был организовать обед, на который приглашались декан, оппоненты и близкие ему люди. Как правило, такой обед проводился в ресторане, но иногда и на квартире диспутанта. На обеде, согласно традиции, один из профессоров произносил речь, полную шуточных замечаний о диспутанте и об оппонентах⁶⁹. Из мест собраний профессоров, расположенных недалеко от университета, можно отметить ресторан Кинча на углу Большого проспекта и 1-й линии Васильевского острова. По воспоминаниям В. Вересаева, «туда часто заходили по вечерам профессора университета поужинать, выпить бутылку вина или

пива», иногда там проходили и «застольные» беседы профессора со своими учениками.⁷⁰ Другое место «отдыха» профессоров — знаменитые рестораны «Допон» и «Бродячая собака». Ресторан «Допон» располагался во дворе дома № 24 по набережной Мойки и был одним из любимых мест профессорских вечеринок, в том числе магистерских и докторских банкетов⁷¹. «Бродячая собака» — известное литературно-артистическое кабаре, помещавшееся в 1911–1915 годах в доме на Михайловской площади (угол Итальянской ул.), было задумано как кабаре «исключительно для артистов, художников и литераторов»⁷², однако фактически превратилось в один из основных центров встречи художественной и гуманитарной интеллигенции 1910-х годов. Из преподавателей университета его частыми посетителями были М.А. Головань, А.Е. Пресняков, С.А. Адрианов, М.А. Полиевктов и другие «гуманитарии»⁷³.

Итак, допуск в академическую корпорацию был непростым, но зато, оказавшись в ее рядах, человек приобретал определенный пожизненный социальный статус. Правда, жизнь в среде «избранных», как ни печально, заканчивалась смертью (как и у всех прочих). Однако и здесь в корпорации был собственный ритуал и заданный порядок, хотя похороны университетских деятелей часто превращались в явление общественное по своему существу. Например, среди похорон, превращавшихся в общегородские манифестации (и потому широко описанных в прессе), можно указать на похороны Д.И. Менделеева и М.М. Ковалевского. Приведем, например, описание похороны М.М. Ковалевского, которое отражает в целом порядок проводов в последний путь популярного университетского деятеля: «В день похорон 26 марта 1916 года с самого раннего утра на Моховой улице, где жил покойный, начал прибывать народ и к моменту выноса тела, к 10-ти часам утра, улица представляла собой море человеческих голов... Преобладало студенчество. Прибыло несколько делегаций от различных учебных заведений и учреждений. В 10 часов гроб был вынесен на руках члном

Государственной думы Е.П. Ковалевским, проф. Д.Д. Гриммом, ректором Петроградского Университета Э.Д. Гриммом, акад. Д.Н. Овсяннико-Куликовским, проф. А.С. Постниковым и др. и на руках же его понесли в церковь св. Симеония и Анны (на Моховой). Здесь было совершено отпевание ректором Академии епископом Анастасием... грандиозная траурная процессия двинулась с Моховой по Фонтанке к Невскому проспекту. Гроб несли на руках студенты. Студенты же для поддержания порядка образовали живую цепь вокруг гроба и многочисленных колесниц с венками. Пел студенческий хор. <...> По улицам, где двигалась процессия, пришлось приостановить движение трамваев и экипажей: улицы были запружены народом. Люди толпились на балконах и в окнах домов...»⁷⁴ Конечно, похороны такого видного общественного деятеля, как М.М. Ковалевский, случай особый — покойный играл совершенно исключительную роль не только в профессорской элите, но и в либеральном движении. Однако ритуал похорон, в общем, был одинаков — профессора провожала в последний путь корпорация во главе с профессорской элитой и ректором.

Разумеется, своеобразная «кастовость» в организации общения и быта отнюдь не означала замкнутости творческой и общественной деятельности в рамках корпорации конкретных ученых. Напротив, абсолютное большинство профессоров и преподавателей университета совмещали работу в его стенах с той или иной формой внеуниверситетской деятельности. Выше мы уже указали на одну из причин такого положения — необходимость поиска дополнительного заработка. Однако была, на наш взгляд, и другая причина, связанная с идеей служения обществу, которая, как известно, являлась базовой установкой всего русского интеллигентского мировоззрения. Стоит напомнить, что начало XX века обоснованно рассматривается в литературе как эпоха становления «гражданского общества» в России; в этой связи поднимается и вопрос о роли элиты и интеллигенции в его формировании⁷⁵. Действительно, представители профессуры столичного

университета принимали участие в целом ряде общественно значимых проектов. Примечательно, что для некоторых членов корпорации, например М.М. Ковалевского, участие в таких общественных проектах было важнее других видов деятельности⁷⁶. С нашей точки зрения, можно выделить четыре основные сферы участия представителей университетской корпорации в общественной жизни Петербурга: средства массовой информации, академическая жизнь города, образовательные и социальные проекты, культурная и светская жизнь. Разумеется, четкую грань между общественными институтами, связанными с той или иной названной сферой активности университетской интеллигенции, провести сложно, и это деление довольно условное, проведенное нами с целью более удобной систематизации материала.

Трудно представить себе петербургскую прессу без «перьев» профессоров и приват-доцентов столичного университета. Примечательно, что, предоставляя отчеты о своей деятельности за истекший год, многие профессора и приват-доценты указывали свои выступления в периодической печати, не имеющие порой со «строгой наукой» ничего общего. Особенно много в газетной прессе печатались представители юридического факультета, профессиональные знания которых были в большей степени востребованы массовым читателем. В основном, конечно, это были газеты и журналы либерального направления («Право», «Слово», «Страна», «Полярная звезда», «Вестник народной свободы», «Утро России» и т.п.). Среди постоянных газетных авторов — профессора и приват-доценты юридического факультета А.А. Жижиленко, В.Н. Латкин, В.Ф. Дерюжинский, В.А. Лсбедев, И.Х. Озеров, А.И. Каминка, А.Г. Тимофеев и многие другие⁷⁷. Невозможно представить себе «ландшафт» петербургской журналистики первых десятилетий XX века и без таких университетских деятелей, как профессор юридического факультета М.М. Ковалевский, издатель и один из редакторов «Вестника Европы», автор многочисленных публикаций в «Русских ведомостях» и «Биржевых ведомо-

стях»⁷⁸. Несколько отставали от «юристов» представители историко-филологического факультета (А.Е. Пресняков, И.М. Гревс, Ф.Ф. Зелинский и др.). Среди преподавателей этого факультета одним из самых активных газетных авторов был профессор И.А. Бодуэн де Куртенэ. Его литературные и публицистические статьи появлялись в петербургских газетах, будучи адресованы массовому читателю — в газетах «Народное хозяйство», «Наша жизнь», «Товарищ», «Русь», «Двадцатый век», «Речь», «Биржевые ведомости», а также и в польском еженедельнике «Кгај», выходившем в Петербурге⁷⁹. Профессиональная специфика физико-математического факультета в большей степени предполагала удовлетворение запросов читающей публики в соответствующих областях. В этом смысле, обращаясь к массовому читателю, преподаватели этого факультета так или иначе отвечали на его запросы, в том числе и на научное знание. Например, приват-доцент физико-математического факультета Б.П. Вейнберг редактировал с 1907 года научно-популярный журнал «Природа в школе»⁸⁰. К этому же жанру можно отнести многочисленные научно-популярные брошюры, которые печатались в изданиях для «народа», в частности в известной серии «Библиотека общественной пользы». Среди массы популярной литературы попадались и работы, освещавшие самые разные аспекты жизни Петербурга — от экологии до городского хозяйства — и в этом смысле претендовавшие на то, чтобы вызвать соответствующий интерес горожан. Например, в 1906 году лаборант кабинета физической географии В. Шипчинский напечатал в журнале «Общества охранения народного здоровья» статью «Влияние города Петербурга на теплопрозрачность лежащего над ним воздуха»⁸¹, а в упомянутой серии «Библиотека общественной пользы» вышла брошюра приват-доцента юридического факультета М.А. Курчинского «Муниципальный социализм (задачи городского хозяйства)»⁸².

Среди проектов, важных для академической жизни города, прежде всего надо указать на деятельность ряда

научных обществ, существовавших как при университете, так и вне его стен. Остановимся вначале на наиболее крупных научных обществах, существовавших при университете. Здесь надо оговориться, что формально связь обществ с университетом (после ходатайства профессорского Совета об их учреждении) ограничивалась представлением отчетов о своей работе (что, кстати, делалось также далеко не всегда⁸³) и проведением заседаний в стенах университета; некоторые общества получали также от университета небольшие субсидии. На практике, однако, большинство обществ было тесно связано с академической работой университетских профессоров, являясь одновременно центрами притяжения научной общественности Петербурга и других городов России в степы университета.

В области естественных наук наиболее известно Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, существовавшее при университете с 1868 года⁸⁴ и состоявшее в рассматриваемый период под председательством великого князя Александра Михайловича. Фактическое руководство Обществом осуществляли профессор А.А. Иностранцев (президент), профессор В.И. Палладин и приват-доцент Ф.Е. Тур (в разное время секретари). А.А. Иностранцев, состоявший также профессором Бестужевских курсов, Технологического института, Военно-медицинской академии, Академии Генерального штаба, был одним из основателей геологического образования и геологических исследований в России⁸⁵, средоточием которых было Общество, направлявшее экспедиции в разные районы страны. Действительно, в этот период Общество осуществляло деятельность по всей России, имея более 400 действительных членов, в числе которых кроме преподавателей физико-математического факультета, были практически все видные петербургские ученые, специалисты в области ботаники (1-е отделение), зоологии, физиологии (2-е отделение), геологии и минералогии (3-е отделение), не входящие в число формальных работников университета, — это прежде всего пре-

подаватели Горного, Лесного и Политехнического институтов, сотрудники Геологического комитета, других научных учреждений города. Председателем отделения ботаники, например, являлся академик И.П. Бородин, организовавший впоследствии (1915) на его базе Русское ботаническое общество, а председателем отделения зоологии и физиологии — Н.М. Книпович, работавший преподавателем Педагогических курсов Фребелевского общества⁸⁶. Успехам многочисленных предприятий Общества способствовали правительственные и университетские пособия, которые оно получало на проведение экспедиций; Общество даже было в состоянии само присуждать ученые премии⁸⁷. Некоторые проекты Общество осуществляло при помощи других ученых и хозяйственных учреждений. Например, в постройке и оснащении судна «Александр Ковалевский» для Мурманской биологической станции помимо университета приняли участие Политехнический институт и Отдел торгового мореплавания⁸⁸. Результаты научной деятельности Общества естествоиспытателей и его членов нашли отражение в издаваемых Обществом «Протоколах» и «Трудах». Каждый том «Трудов» имел подзаголовок, отражающий профиль соответствующего отделения Общества: «Отдел геологии», «Ботанический журнал», «Отдел зоологии»⁸⁹. В рассматриваемый период это были ведущие отечественные периодические издания в данных областях.

Рядом с Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей можно поставить Русское физико-химическое общество (при университете), которое состояло тогда из двух отделений, химического и физического, каждое из которых, по существу, было автономно, объединяя соответственно лучшие научные силы города и страны в соответствующей науке⁹⁰. Дело в том, что это Общество было создано в 1878 году путем объединения двух уже существовавших при университете организаций: Химического общества (учреждено в 1868 году по инициативе Д.И. Менделеева) и Физического общества (учреждено в 1872 году)⁹¹. Председательствовали в обществе поочеред-

но председатели двух его отделений; в этот период физическое отделение возглавляли И.И. Боргман, Н.А. Гезихус, М.А. Рыкачев, О.Д. Хвольсон; а химическое отделение – А.М. Зайцев, Н.А. Меншуткин, Н.Н. Бекетов. Общество существовало за счет субсидий университета, Политехнического института, Технологического института, Михайловской артиллерийской академии, Горного института и других высших учебных заведений России. В частности, за счет этих средств Общество издавало свой печатный орган ЖРФХО (Журнал Русского физико-химического общества), который был единственным печатным органом русских физиков и химиков⁹². Благодаря инициативе общества в декабре 1907 года в Петербурге, в стенах университета, состоялся «Менделеевский съезд по общей и прикладной химии», который собрал более тысячи участников; в заседаниях съезда было сделано более 150 докладов⁹³. Впоследствии такие съезды стали регулярными⁹⁴. По инициативе участников Общества, учеников Д.И. Менделеева, при поддержке Совета университета при университете в 1911 году был открыт мемориальный музей великого ученого, его первым директором и основным организатором стал профессор А.Е. Фаворский. Первыми посетителями музея в декабре 1911 года оказались участники II Менделеевского съезда. Менделеевскому музею в числе немногих университетских центров удалось пережить революцию и Гражданскую войну и достичь наибольшего расцвета в советское время⁹⁵. Существует он и по сей день – до сих пор в университете сохранилась также традиция проведения «менделеевских» съездов.

Менее интенсивный характер имели в начале века занятия Общества земледоведения при Санкт-Петербургском университете, которое имело сельскохозяйственную и «географическую» ориентацию. Обществом (в котором было более 70 членов) руководил профессор географии П.И. Броунов (при секретарях Н.Н. Зверинцеве и Г.Г. Шенберге). Общество проводило по несколько заседаний в год и также издавало свои труды. Доклады, сде-

ланные его членами, были связаны главным образом с изложением результатов собственных географических экспедиций, проблем преподавания географии в средней школе. Членами Общества были люди различных профессий — картографы, географы, этнографы, агрономы⁹⁶. Хотя такой пестрый состав, возможно, и снижал «академический» уровень занятий Общества, он сделал его удобным для организации экскурсий для широкой публики. Так, Обществом была организована экскурсия для участников Летних преподавательских курсов при Санкт-Петербургском университете (которые собирали учителей средней школы со всей России)⁹⁷.

К числу естественно-научных университетских обществ можно отнести и Русское антропологическое общество при С.-Петербургском университете, чья деятельность, впрочем, судя по отчетам университета, велась sporadически в 1904—1906 годах, затем с 1910 года председателем Общества был приват-доцент Н.М. Малиев, затем Ф.К. Волков. Деятельность Общества заключалась главным образом в чтении докладов по разным отраслям антропологии (в которую, в понимании того времени, включались главным образом физиологические и антропоморфные аспекты жизнедеятельности человека), докладывались результаты антропометрических исследований, проводимых в разных регионах страны⁹⁸. Антропологическое общество также издавало соответствующий ежегодник⁹⁹.

Говоря о гуманитарных обществах, нужно прежде всего упомянуть Неофилологическое общество при университете, которое существовало с 1887-го (первоначально романо-германское отделение Филологического общества) по 1918 год. Общество имело два отделения — лингвистическое (индоевропейское) и педагогическое. По словам исследователя М.Ю. Корневой, Общество «было своего рода центром теоретических исследований в области сравнительного литературоведения; отличительной чертой его был академизм»¹⁰⁰. Бессменным председателем Общества в этот период был профессор Ф.А. Браун.

В то же время Общество являлось трибуной не только для университетских (и внеуниверситетских) профессоров и приват-доцентов (А.Н. Веселовский, С.К. Булич, И.И. Лапшин, А.Н. Пыпин, Ф.Д. Батюшков, И.И. Гливенко, Ф.Ф. Зелинский, И.А. Шляпкин, Д.К. Петров и др.), но и для литераторов – Д.С. Мережковского, Вяч.И. Иванова, Н.Н. Ходотова, В.М. Гаршина и других¹⁰¹. Общество также издавало собственные «записки»¹⁰², в которых лингвистические статьи соседствовали с литературоведческим анализом символистской поэзии.

В 1889 году при университете было организовано Историческое общество, функционировавшее до 1919 года. История его создания и деятельности получила довольно широкое освещение в литературе¹⁰³. Согласно уставу, цели Общества сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Историческое общество играло особую роль в гуманитарной среде университета. Во многом направленность деятельности Общества была связана с интересами его основного организатора и бессменного лидера, профессора всеобщей истории Н.И. Кареева и, что примечательно, расходилась с основной линией историко-филологического факультета. Дело в том, что по складу научного мышления Н.И. Кареев был склонен к теоретизированию, его подход к анализу исторического процесса зачастую можно было назвать социологическим (номотетическим в терминологии той эпохи), в то время как на факультете господствовало эмпирическое направление так называемой петербургской исторической школы во главе с С.Ф. Платоновым. В результате Общество довольно быстро превратилось в организацию если не оппозиционную в научном плане, то во многом чуждую основному направлению факультета. Эта отстраненность усилилась, когда в 1899 году Н.И. Кареев был уволен из университета (продолжая при этом руководить Обществом). Примечательно, что с 1903 года секцией русской истории в Обществе долгое время руководил приват-до-

цент и действительный член Академии наук А.С. Лашпо-Данилевский, также занимавший обособленное положение на факультете. Кроме обсуждения проблем теории и методологии истории в Историческом обществе с подачи Н.И. Кареева ставились вопросы, связанные с методикой преподавания истории в средних учебных заведениях, что также никак не вписывалось в факультетские стандарты. Среди приглашенных А.С. Лашпо-Данилевским к участию в работе секции русской истории в Историческом обществе при Петербургском университете — А.А. Шахматов, Я.Л. Барсков, Б.Д. Греков, М.А. Дьяконов, А.А. Кауфман, В.А. Мякотин, Н.П. Павлов-Сильванский, М.А. Полиевктов, М.Д. Присёлков, А.Е. Пресняков, Л. Пташицкий, С.В. Рождественский, Е.В. Тарле, Е.Ф. Шмурло и др. Примечательно, что многие из перечисленных лиц не имели прямого отношения к университетской корпорации, хотя и были видными учеными. Руководителем секции всеобщей истории Общества с 1903 года являлся профессор И.М. Гревс. Среди докладчиков этой секции также были как университетские ученые, так и представители других научных учреждений города и страны — Б.А. Тураев, Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, Л.П. Карсавин, О.А. Добиаш-Рождественская, А.М. Ону, В.Э. Крусман, П.П. Митрофанов, С.Л. Степанов, П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Е.В. Тарле и др. Важно, что кроме профессиональных ученых-историков в составе Общества были и гимназические учителя, и представители интеллигенции, интересующиеся историческими штудиями. Основной формой деятельности Общества были секционные заседания, на которых проходило чтение и обсуждение рефератов членов Общества, оно также издавало (под редакцией Н.И. Кареева) журнал «Историческое обозрение», в котором публиковались труды его членов¹⁰⁴.

Как видно, общества, которые существовали в Петербургском университете, работали с разной степенью интенсивности, и если некоторые функционировали постоянно и активно, то жизнь других периодически замирала.

К числу последних можно отнести Юридическое общество при Санкт-Петербургском университете (1877–1918)¹⁰⁵ и Философское общество (1897–1923)¹⁰⁶, деятельность которых в это время носила спорадический характер¹⁰⁷.

Рассмотрим теперь некоторые аспекты деятельности преподавательской корпорации университета в организациях, возникших вне его стен, но игравших немалую роль в академической жизни города. Не имея возможности остановиться на всех общественных организациях академического характера, в которых принимали участие представители корпорации, укажем лишь на наиболее значимые из них.

Самым престижным гуманитарным научным обществом начала XX века было Русское историческое общество (РИО), ставившее задачу публикации источников по национальной истории. При формальном председательстве императора Общество возглавлял сначала А.А. Половцов, а затем (после смерти последнего в 1909 году) «августейший историк» великий князь Николай Михайлович. Долгое время Общество носило аристократический характер и включало в свой состав прежде всего историков консервативного направления и связанных с исторической наукой высокопоставленных чиновников (И.Е. Забелин, С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, Н.Д. Чечулин, Л.А. Кассо, М.К. Любавский, Н.В. Голицын и др.)¹⁰⁸. Впрочем, после того как Общество возглавил покровительствующий «либералам» великий князь, ситуация стала постепенно меняться — в состав Общества был избран, например, «либеральный академик» А.С. Лаппо-Данилевский, но, главное, Общество отошло от исключительно собирательской и публикаторской работы и существенно расширило круг своей деятельности¹⁰⁹. Так, в 1911 году была образована Особая комиссия РИО по сохранению местных архивов, а в феврале 1912 года было высочайше утверждено положение о ее деятельности. Председателем Комиссии был назначен помощник председателя РИО А.Н. Куломзин, секретарем — приват-доцент С.М. Середо-

нин, членом Комиссии был избран и профессор С.Ф. Платонов. Основной задачей Комиссии была забота о сохранении местных архивов. Она получила право привлечения к своей работе представителей центральных и местных государственных учреждений. В мае 1914 года РИО был организован Съезд представителей «губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений»¹¹⁰. По словам академика (одновременно приват-доцента университета) А.С. Лаппо-Данилевского (сменившего умершего в конце 1914 года С.М. Средонина на посту секретаря Комиссии РИО), целью съезда была выработка мер, «которые дали бы им (архивным комиссиям. — *Е.Р.*) возможность правильно и систематично работать по охране письменных памятников нашей истории». В этом направлении съезд принял ряд важных предложений. В их числе были положения о необходимости охвата сетью архивных комиссий всей территории империи и регулярного финансирования, а также выработки общих правил работы с архивными документами. Реальным результатом съезда стало выделение Министерством финансов единовременной помощи комиссиям и открытие нескольких новых¹¹¹.

Вторым (после РИО) по уровню престижа в гуманитарной науке Петербурга начала XX века было Общество любителей древней письменности (ОЛДП), которое было основано еще в 1877 году князем П.П. Вяземским. Основной задачей ОЛДП было собирание и издание древнерусских памятников¹¹². В его состав входили во многом те же историки консервативного направления, которые составляли костяк Русского исторического общества и Археографической комиссии. Кстати, в этот период его и возглавлял С.Д. Шереметьев (председатель Археографической комиссии), который предоставил Обществу помещение в своем особняке на Фонтанке. Основными отличиями ОЛДП от этих ученых организаций были высокий членский взнос (200 руб.) и то, что кроме исследователей оно объединяло в своем составе еще и коллекционеров русских рукописей и старопечатных

книг, в том числе из среды высшей петербургской знати. Отчасти именно этим можно объяснить, что университетских «либералов»-профессоров (из числа историков и филологов-русистов) там было немного, зато были представлены почти все «консерваторы». Из университетских профессоров и приват-доцентов членами Общества были Д.В. Айналов, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский, Н.П. Лихачев, Н.К. Никольский, С.В. Смоленский, И.А. Шлякин, С.Ф. Платонов¹¹³.

Рядом с ОЛДП по престижу можно поставить участие в Императорском Русском археологическом обществе. Это одно из старейших ученых обществ столицы (оно было основано в 1846 году). В это время Обществом руководил великий князь Константин Константинович (председатель Общества с 1892 по 1915 год). Возможно, в начале XX века это был самый «просвещенный» представитель русского Императорского Дома, человек, которому удавалось сохранять уважительное отношение разных кругов русской научной интеллигенции. Достаточно напомнить, что Константин Константинович сумел добиться расположения либеральной Академии наук и, с другой стороны, курировал, например, Женский Педагогический институт, где группировались довольно консервативные силы (С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский и др.). Поэтому одновременно активными членами этого Общества были и университетские «либералы», и университетские «консерваторы»: С.Ф. Платонов, А.С. Лаппо-Данилевский, Н.П. Лихачев, С.В. Рождественский, С.Ф. Ольденбург, В.В. Бартольд, А.А. Жебелёв, Н.П. Кондаков, Б.В. Фармаковский и др. Впрочем, в Обществе было много и внеуниверситетских знаменитостей – В.В. Стасов, Н.Л. Бенуа, А.И. Штакеншнейдер, граф И.И. Толстой и др. Основная деятельность Общества заключалась в чтении докладов, публикации археологических источников, издании рисунков с древних памятников, исследований в этой области, организации реставрационных работ¹¹⁴; Общество издавало несколько серий печатных трудов¹¹⁵. Надо отметить, что разные отделения Общества «контро-

лировались», если можно так выразиться, представителями разных лагерей русской интеллигенции. Если во главе отделения русской и славянской археологии стоял профессор С.Ф. Платонов (при секретаре С.В. Рождественском), то другие отделения (классическое, нумизматическое, восточное) были руководимы в разное время представителями историко-филологического отделения Академии наук и либеральной части университетской преподавательской корпорации (В.Р. Розен, П.В. Никитин, С.Ф. Ольденбург, С.А. Жебелёв и др.).

В 1901 году в Петербурге было организовано Религиозно-философское общество (первоначально «религиозно-философские собрания»), которое посещалось как мирянами, так и духовенством. Его председателем являлся епископ Сергей (Старгородский), будущий патриарх¹¹⁶. Деятельность «собраний» имела принципиальное значение в становлении нового православного религиозного сознания, хотя предреволюционная атмосфера и не способствовала спокойному «богоискательству» и обсуждению религиозно-философских проблем¹¹⁷. В какой-то момент деятельность Общества показалась властям опасной и была прекращена, но возобновилась после революции, в 1907 году, по инициативе Н.А. Бердяева¹¹⁸. Активными деятелями Общества были такие известные мыслители и писатели, как Д.С. Мережковский, В.В. Розанов, Н.М. Минский, С.Н. Булгаков, С.А. Аскольдов, Ф.А. Степун, А. Белый, А.А. Блок и др. Из университетских профессоров в нем заметно участие принимали историк церкви И.Д. Андреев, философ А.И. Введенский, приват-доценты М.И. Туган-Барановский, Б.В. Никольский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, Н.П. Анциферов. Общество играло яркую роль в интеллектуальных дискуссиях конца 1900—1910-х годов. Основными темами, обсуждавшимися на заседаниях, были проблемы «нового религиозного сознания» и роли русской интеллигенции¹¹⁹. Именно в среде Общества обсуждались идеи, нашедшие отражение в знаменитом сборнике «Вехи» (1909), большинство авторов которого были его членами. Впрочем,

некоторые из членов Общества, такие как М.И. Туган-Барановский, придерживались противоположных мировоззренческих позиций и вступили в полемику с «веховцами»¹²⁰. Определенное отражение интеллектуальные дискуссии, ведшиеся в Обществе, нашли в его трудах¹²¹.

Старейшим в России (основано в 1765 году) являлось Императорское Вольное экономическое общество (ВЭО), которое в этот период, правда, несколько утратило свой прежний широкий общественно-научный характер, более сосредоточившись на проектах прикладного плана, связанных с изучением сельского хозяйства и аграрного движения в России. Определенное общественное и научное значение имела публикация ВЭО в 1905–1906 годах обзоров аграрного движения в России и анкет (1907–1911) об отношении крестьянства к столыпинской аграрной реформе. Кроме председателя М.М. Ковалевского, членами Общества были, например, приват-доценты Н.И. Адамов, П.В. Отоцкий и профессор И.И. Кауфман¹²².

Итак, нельзя представить себе научно-общественную жизнь Петербурга начала века без университетских людей. Университетские профессора и «младшие преподаватели» играли ключевую роль (а зачастую и возглавляли) многочисленные академические и «полуакадемические» организации столицы. Например, М.М. Ковалевский, которого в этом смысле можно считать своеобразным «рекордсменом», председательствовал сразу в нескольких организациях — Вольном экономическом обществе, Юридическом обществе, Русском отделении Международного общества мира, кружках имени Льва Толстого и А.И. Герцена¹²³; профессор Х.Я. Гоби являлся вице-президентом Императорского Российского общества садоводства; профессор А.А. Иванов — председателем Русского Астрономического общества. Ряд преподавателей университета также принимали участие в таких организациях, как Общество классической филологии и педагогики, Русское Библиологическое общество, Общество ревнителей истории, Военно-историческое общество, Общество улучшения средней школы, Общество писателей о музыке, Об-

шество нормальной и патологической психологии, Русское Географическое общество, Русское Энтомологическое общество, Общество психиатров, Финно-угорское общество, Собрание преподавателей физики и множества других¹²⁴. Среди учебных учреждений столицы, в которых активно работали представители университетской корпорации, следует указать на Женский педагогический институт, Политехнический и Горный институты, а также отметить их работу в неправительственных учебных заведениях (Высшие женские (Бестужевские) курсы, курсы, Психоневрологический институт, Высшие курсы им. П.Ф. Лесгафта, Женские строительные курсы, Историко-юридические курсы М.Н. Стоюниной и т.п.), научных учреждениях (Императорская Археологическая комиссия, Императорская Археологическая комиссия, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии и т.п.). Особо можно отметить различные общественные ассоциации образовательного и просветительского характера (Лига образования, Санкт-Петербургское общество народных университетов, Общество «Маяк», С.-Петербургское общество мира, Народный дом графини Паниной и др.)¹²⁵. Среди перечисленных общественных учебных заведений особое значение имело Всероссийское общество народных университетов. Одними из наиболее деятельных его участников и лекторов были приват-доцент юридического факультета А.Г. Тимофеев (состоял с 1906 года секретарем его общественно-юридической секции)¹²⁶, приват-доценты историко-филологического факультета А.Ф. Каль, Н.О. Лосский¹²⁷. Настоящий лекционный центр развернулся с 1906 года в так называемом Соляном городке. Так называлось место, расположенное на левом берегу Фонтанки, напротив Летнего сада. Там, на месте бывших соляных складов (отсюда и название), находились два известных культурных учреждения столицы — Центральное училище технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне «Мухинское училище») и Сельскохозяйственный музей; в начале XX века в этих учреждениях развернулась активная про-

светительская деятельность¹²⁸. Среди профессоров и приват-доцентов, регулярно читавших публичные лекции с той или иной благотворительной целью, можно отметить историка С.Ф. Платонова¹²⁹, философа Н.О. Лосского¹³⁰, астронома А.А. Иванова¹³¹, юристов В.Н. Сперанского и А.Г. Тимофеева¹³², ботаников В.И. Палладина и С.В. Кравкова¹³³, музыковеда А.Ф. Каля¹³⁴ и многих других. Постоянным было участие петербургских профессоров (В.И. Палладин, А.А. Иванов и др.) в образовательных мероприятиях в пригородном Павловске, где проводились публичные лекции для народных учителей и учительниц¹³⁵. В 1906 году приват-доцент физико-математического факультета известный биолог-популяризатор А.Г. Генкель учредил «курсы по энциклопедии высшего знания»¹³⁶; в 1906 и 1907 годах в университете были учреждены летние курсы для учителей средней школы, на которых читали лекции профессора и преподаватели И.И. Боргман, В.Л. Комаров, Б.А. Тураев, В.Н. Сперанский, В.М. Шимкевич, И.А. Бодуэн де Куртенэ, С.Ф. Платонов, В.М. Нечаев, К.К. Баумгарт, Н.П. Павлов-Сильванский, П.Н. Сакулин и др.¹³⁷. Согласно отчету Педагогического общества взаимной помощи (организовавшего эти занятия), в 1907 году лекции слушало более 500 учителей и учительниц из 184 местечек России¹³⁸.

Университетские преподаватели и профессорский Совет считали своим долгом откликаться на самые разные социальные призывы — так, например, университет содействовал в организации общественно значимых конгрессов, которые постоянно проводились в столице в его помещениях. В качестве примера укажем на столь различные мероприятия, как I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (декабрь 1909 — январь 1910 г)¹³⁹, Пироговский съезд врачей (1910)¹⁴⁰, I Всероссийский съезд преподавателей физики, химии и космографии (1912)¹⁴¹, II Всероссийский съезд преподавателей новых языков (1914)¹⁴² и т.п.

Особо широким было участие преподавателей университета наряду с другими представителями петербургской

интеллигенции в различных «обществах вспомоществования» учебным заведениям. Само собой разумеется, что большинство профессоров и многие приват-доценты считали своей обязанностью состоять в Обществе вспомоществования студентам университета, которым с 1912 года руководил бывший министр народного просвещения городской голова, граф И.И. Толстой¹⁴³. Однако очень многие преподаватели состояли и в других аналогичных организациях. В первую очередь, в этой связи надо указать на Общество вспомоществования окончившим Высшие женские курсы (ВЖК). В работе именно этого Общества в 1912 году, в частности, принимали участие профессора Н.И. Кареев, Ф.А. Браун, М.Я. Пергамент, М.И. Ростовцев, С.К. Булич, А.И. Введенский и многие приват-доценты¹⁴⁴, что объяснялось прежде всего тем, что большинство из них работало параллельно с университетом и в этом учебном заведении (ВЖК). Другой яркий пример массового участия преподавателей университета в аналогичном обществе — Общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском историко-филологическом институте. Среди его членов (1914) были такие известные преподаватели, как Ф.Ф. Зелинский, Д.К. Петров, В.А. Догель, В.Ф. Шишмарёв, Н.О. Лосский, С.В. Рождественский, К.К. Сент-Илер, Е.М. Придик, А.М. Никитский, С.А. Жебелёв, А.К. Бороздин и многие другие¹⁴⁵. Бюджет этой организации, складывавшийся, главным образом, из членских взносов, составлял около 1500 руб. в год, что, в частности, позволяло за счет Общества оплачивать образование более чем 30 ученикам¹⁴⁶. Причин деятельного участия в этом Обществе университетских преподавателей нам видится, по крайней мере две: активная параллельная работа ряда из них в Историко-филологическом институте и то, что дети университетской профессуры, проживавшей в этом районе Васильевского острова, нередко оказывались учениками гимназии.

Рядом с этими обществами можно поставить и Общество вспомоществования учащимся Императорского

Женского педагогического института и Константиновской женской гимназии. Доходы Общества, составлявшие более 3000 руб. в год, расходовались главным образом на пособия ученицам гимназии и слушательницам курсов, которые позволяли им оплачивать обучение. Так, в 1914 году таких пособий было выдано около 60¹⁴⁷. На 1914 год пожизненным членом Общества являлся директор института профессор С.Ф. Платонов, членами Общества были многие профессора и приват-доценты университета – С.А. Адрианов, А.И. Гребенкин, И.И. Гливенко, А.И. Нечаев, Д.К. Петров, А.Е. Пресняков, М.А. Полиевктов, С.В. Рождественский и др.¹⁴⁸. Членство в Обществе многих из них можно связать с тем, что они в разное время привлекались С.Ф. Платоновым к преподаванию в институте¹⁴⁹. Как видно из перечисленных фамилий, в большинстве своем это представители историко-филологического факультета, которым долгое время руководил С.Ф. Платонов. Напротив, в Обществе вспомоществования студентам Петроградского политехнического института, учебного заведения, в котором с момента его основания оказались задействованы ведущие силы столичной науки не только в области точных и естественных, но и социально-экономических дисциплин, были представлены как физико-математический, так и юридический факультеты университета, в его работе принимали участие А.А. Адамов, М.А. Дьяконов, В.М. Гессен, С.И. Курбатов, А.Ф. Иоффе и др.¹⁵⁰.

Университетские профессора постоянно участвовали и в многочисленных благотворительных обществах Петербурга – в Литературном фонде¹⁵¹, Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым¹⁵², Обществе охранения народного здоровья¹⁵³, Обществе вспомоществования нуждающимся переселенцам¹⁵⁴, Лиге защиты женщин¹⁵⁵, Обществе попечения о бедных и больных детях¹⁵⁶, Обществе охраны материнства и грудных детей¹⁵⁷, Обществе благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя»¹⁵⁸ и т.п.

Говоря о благотворительной деятельности представителей преподавательской корпорации университета, нельзя не отметить и то, что им принадлежит определенная роль в институционализации благотворительного движения как в Петербурге, так и в России в целом. Начало XX века в литературе справедливо относят к «золотому веку российской благотворительности»¹⁵⁹, уже к 1906 году в столице было около 1300 обществ и учреждений, занимавшихся благотворительностью¹⁶⁰, однако какая-либо зримая координация их деятельности практически отсутствовала. В целях преодоления этого положения в 1909 году был создан Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению¹⁶¹, среди основных целей которого было изучение вопросов общественного и частного призрения, «правильная постановка благотворительности в России», «содействие образованию благотворительных учреждений»¹⁶². Председателем совета Союза был избран Я.Н. Колубовский (представлявший Общество для слепых), а председателем правления — приват-доцент юридического факультета университета С.К. Гогель (впоследствии профессор Психоневрологического института). По его словам, Союз «прилагал старания к тому, чтобы освещать жизнь русской благотворительности, ее неудачи, ее полную неустойчивость и, конечно, ее нужды»¹⁶³. По инициативе Союза в 1910 году был созван Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению¹⁶⁴. Среди основных докладчиков секции, связанной с организацией общественного призрения, были приват-доценты юридического факультета В.Ф. Матвеев¹⁶⁵, С.К. Гогель¹⁶⁶, И.М. Кулишер¹⁶⁷, М.А. Сиринов¹⁶⁸, которые с разных сторон остановились на задачах организации общественного призрения на местах. С 1912 по 1917 год Союз издавал под редакцией П.С. Курканова (с 1914 года — под редакцией Г.Ф. Ракеева) журнал «Призрение и благотворительность в России», на страницах которого кроме перечисленных выше активно выступали члены Союза приват-доценты юридического факультета П.И. Люб-

линский и Г.Г. Швиттау¹⁶⁹. Членами Совета Союза являлись профессора В.Ф. Дерюжинский (юридический факультет), много лет редактировавший журнал «Трудовая помощь»¹⁷⁰, и А.И. Введенский (историко-филологический факультет), представлявший в Союзе 17-е Петербургское городское попечительство о бедных¹⁷¹.

Многие члены университетского преподавательского сообщества состояли в Санкт-Петербургском литературном обществе — организации, возникшей в 1907 году и объединившей леволиберальную интеллигенцию (не только писательскую). Помещение Общества располагалось на Фонтанке. Общество периодически выступало с политическими акциями, такими как, например, чествование памяти первого председателя Государственной думы С.А. Муромцева, на котором выступили с речами профессора М.М. Ковалевский и Н.И. Кареев¹⁷². Правда, здесь следует отметить, что в каком-то смысле активное участие университетских людей в Обществе не пошло ему на пользу. Весной 1911 года Обществом была принята резолюция против Э.Д. Гримма и И.М. Гревса, читавших в 1911 году лекции в присутствии полиции. Резолюция привела к резкому протесту ряда университетских преподавателей — членов Общества (С.А. Венгеров, Н.И. Кареев, Ф.Д. Батюшков), в результате чего в Обществе произошел настоящий скандал, связанный с их демонстративным выходом из состава Общества. Как полагает М. Шруба, вследствие этой резолюции Общество и было закрыто властями¹⁷³ (на его основе затем было организовано Всероссийское литературное общество)¹⁷⁴. Из других литературных проектов можно отметить, например, участие представителей университетов в Обществе ревнителей художественного слова (другие названия — Академия стиха, Поэтическая академия), возникшем в 1909 году вокруг Вячеслава Иванова. В правлении Общества, в частности, состоял профессор Ф.Ф. Зелинский, выступавший и в роли постоянного лектора.

В заключение этого беглого обзора отметим также, что невозможно представить себе многочисленные частные салоны и кружки столицы без преподавателей универси-

тета. В числе известных столичных «приемов», завсегда- таями которых были университетские профессора, мож- но упомянуть ежегодные вечеринки М.В. Ватсон¹⁷⁵, втор- ники В.И. Семевского¹⁷⁶, воскресенья Ф.К. Сологуба¹⁷⁷, среды К.Ф. Головина¹⁷⁸, кружок Полонского¹⁷⁹ и др. Неко- торые из перечисленных салонов можно назвать левыми- либеральными — например, салон Ватсон (посетителями которого были «левые» историки Н.И. Кареев и Е.В. Тар- ле) или Семевских (посетители — Н.И. Кареев, С.А. Вен- геров). Некоторые, как знаменитые «пятницы Полонско- го» (после кружок им. Полонского), объединяли людей искусства и литературы (в том числе представителей уни- верситетской интеллигенции), независимо от политичес- ких взглядов («правый» Б.В. Никольский, «либерал» С.А. Венгеров и др.)¹⁸⁰.

Из сказанного очевидно, что масштаб этого участия был весьма широк, и мы вряд ли можем представить себе на- учную, культурную и светскую жизнь столицы без пред- ставителей ее университета. Однако следует подчеркнуть, что участие почти во всех общественных начинаниях, о которых шла речь выше, петербургских профессоров и преподавателей носило *индивидуальный*, а не коллектив- ный характер.

Обратимся теперь к обзору быта и общественных инте- ресов другой части университетского сообщества Петер- бурга — студенчества.

III

СТУДЕНЧЕСКИЙ МИР В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Вначале попытаемся дать краткий коллективный соци- альный и национальный портрет студенчества столично- го университета рассматриваемого десятилетия (1905— 1915).

Студенческая масса была разнообразна как в религиоз- ном, так и в социальном отношении. Материалы отчетов

университета дают нам следующую картину распределения студентов по религиозному признаку (таблица 3).

Эти данные показывают многообразие не только религиозного, но и национального облика студенчества столичного университета (до 1917 года официальные статистические подсчеты по национальностям не проводились). Следует учитывать, что среди православных кроме русских, украинцев и белорусов было немало представителей других национальностей; большинство студентов-католиков были поляками, хотя среди них были и литовцы, а большинство лютеран и реформатов имело немецкие корни, хотя среди них было немало финнов, шведов, эстонцев и латышей, а также, возможно, поляков. Абсолютное большинство мусульман составляли татары¹⁸⁵. Несмотря на ряд колебаний, приведенные данные в целом свидетельствуют о стабильности национально-религиозного состава студенчества университета начала XX века. Пожалуй, единственный явно бросающийся в глаза резкий тренд — падение числа студентов иудейского вероисповедания с 12,46% (1906–1907) до 2,93% (1914–1915), связанное с политикой Министерства народного просвещения, направленной на достижение искомого уровня численности еврейских студентов, на основе процентной нормы (3% студентов). Правда, можно предположить, что какая-то часть абитуриентов еврейского происхождения в условиях религиозной эмансипации и интенсивного процесса ассимиляции начала XX века предпочитала креститься¹⁸⁶ и оказывалась таким образом в православной группе. В какой-то степени состав студенчества (хотя и не полностью) отражал общую этническую картину, сложившуюся в Петербурге: после восточнославянского населения (русские, украинцы, белорусы) наиболее крупными этническими группами были, согласно данным 1910 года, поляки (3,4%), немцы (2,5%), евреи (1,8%), эстонцы (1,2%), латыши (1%), финны (0,9%), литовцы (0,6%) и татары (0,4%)¹⁸⁷.

Не менее пестрым был и социальный состав студенчества. О распределении студентов Петербургского универ-

Таблица 3
Распределение студентов С.-Петербургского университета по религиозному составу
 (данные приведены по учебным годам, по состоянию на 1 января)¹⁸¹

Вероисповедание	Учебный год													
	1905/06	1906/07	1907/08	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15				
Православные ¹⁸²	3902 (64,73)	5451 (67,38)	5713 (59,32)	5106 (63,72)	6275 (72,43)	6895 (71,92)	6038 (73,42)	5410 (74,29)	5664 (76,11)	5322 (77,09)				
Армяно-григориане	279 (4,63)	240 (2,97)	505 (5,24)	473 (5,9)	179 (2,07)	204 (2,13)	196 (2,38)	197 (2,7)	202 (2,71)	178 (2,58)				
Католики	833 (13,82)	897 (11,09)	1184 (12,3)	813 (10,15)	667 (7,7)	772 (8,05)	667 (8,11)	589 (8,09)	569 (7,65)	515 (7,46)				
Протестанты	624 (10,35)	561 (6,93)	894 (9,28)	867 (10,82)	515 (5,94)	746 (7,82)	598 (7,27)	583 (8)	627 (8,43)	554 (8,02)				
Мусульмане	25 (0,43)	36 (0,44)	65 (0,67)	55 (0,69)	51 (0,59)	107 (1,12)	47 (0,57)	51 (0,7)	43 (0,58)	37 (0,54)				
Иудеи ¹⁸³	341 (5,65)	875 (10,82)	1200 (12,46)	648 (8,09)	934 (10,78)	728 (7,59)	605 (7,36)	362 (4,97)	231 (3,14)	202 (2,93)				
Караимы	17 (0,28)	26 (0,32)	47 (0,49)	37 (0,46)	25 (0,29)	86 (0,9)	32 (0,39)	39 (0,54)	41 (0,55)	33 (0,48)				
Иные конфессии ¹⁸⁴	6 (0,09)	4 (0,05)	2 (0,23)	14 (0,17)	17 (0,2)	48 (0,5)	41 (0,5)	5 (0,7)	62 (0,83)	63 (0,91)				
Общее число студентов	6028	8090	9630	8013	8663	9586	8224	7282	7442	6904				

ситета по социальным группам свидетельствует нижеследующая таблица, в основе которой лежат подсчеты М.И. Матвеева¹⁸⁸, в незначительной степени¹⁸⁹ дополненные нами по отчетам университета за 1905–1914 годы.

Приведенные в таблице 4 данные, несомненно, свидетельствуют о постепенной демократизации социального состава студенческой корпорации. В то же время очевидно, что по формальным показателям в течение всего рассматриваемого периода большинство студентов относилось к привилегированным сословиям (дворянство, чиновничество, духовенство, почетные граждане, кушцы первой гильдии) — на 1 января 1905 года таковых было 80,19%, на 1 января 1915 года 59,72%¹⁹². Согласно наблюдениям М.И. Матвеева, с точки зрения элитарности социального состава студенчества столичный университет превосходил другие университеты империи¹⁹³. Примечательно, что наиболее резкое снижение числа студентов из привилегированных сословий за год — с 69,31% до 61,87% — приходится на 1910–1911 годы, то есть относится ко времени массового увольнения студентов за революционные беспорядки, причем особенно пострадавшей оказалась группа «дворян и чиновников» (сокращение с 54,84% до 45,82%). Напрашивается довольно любопытное предположение о том, что наиболее привилегированные в социальном отношении слои студенчества являлись и наиболее революционными.

В сословном отношении расхождение с общегородскими показателями в среде университетского студенчества было более значительным, чем в национально-конфессиональном. Так, по данным переписи 1910 года (критерии которой несколько отличались от критериев, принятых в отчетах университета) в Петербурге потомственных и личных дворян было 7,24%, почетных граждан и кушцов 4,41% (соответственно 3,36 и 1,05%), духовенства 0,49%, мещан и цеховых (то есть ремесленников) 19,11%, крестьян 68,77%, финляндцев 0,9%, иностранцев 1,2%¹⁹⁴. Иначе говоря, если к привилегированным сословиям на 1910 год принадлежало 67,04% студентов университета,

Таблица 4
Распределение студентов С.-Петербургского университета по социальному составу
 (данные приведены по учебным годам, по состоянию на 1 января)

Сословие	Учебный год													
	1905/06	1906/07	1907/08	1908/09	1909/10	1910/11	1911/12	1912/13	1913/14	1914/15				
Сыновья чиновников и дворян	3931 (65,21)	4750 (58,71)	4877 (50,6)	4629 (57,7)	4934 (56,9)	5257 (54,84)	3769 (41,82)	3355 (46,1)	3442 (46,25)	3132 (45,37)				
Лица духовного звания	233 (3,87)	417 (5,15)	471 (4,9)	401 (5,1)	422 (4,9)	492 (5,13)	598 (7,27)	429 (5,89)	453 (6,09)	415 (6,01)				
Почетные граждане и купцы первой гильдии ¹⁹⁰	763 (12,65)	1061 (13,11)	980 (10,2)	684 (8,5)	615 (7,7)	895 (9,34)	722 (8,78)	547 (7,51)	592 (7,97)	576 (8,34)				
Мещане, купцы второй гильдии и ремесленники ¹⁹¹	752 (12,64)	1257 (15,54)	2127 (22,1)	1495 (18,6)	1688 (19,5)	1891 (19,73)	1871 (22,75)	1803 (24,75)	1707 (22,94)	1530 (22,16)				
Крестьяне	246 (4,09)	511 (6,32)	1070 (11,1)	698 (8,7)	830 (9,5)	917 (9,57)	976 (11,87)	924 (12,69)	102 (13,72)	1049 (15,2)				
Казачье сословие	32 (0,53)	45 (0,56)	37 (0,4)	32 (0,4)	43 (0,5)	54 (0,56)	182 (2,21)	114 (1,56)	117 (1,57)	112 (1,62)				
Иностранцы подданные	71 (1,18)	49 (0,61)	62 (0,6)	69 (0,9)	75 (0,9)	73 (0,75)	98 (1,19)	92 (1,26)	96 (1,28)	83 (1,2)				
Иностранцы			6	5	6	7	8	18	14	7				
Всего	6028	8090	9630	8013	8663	9586	8224	7282	7442	6904				

то из всех горожан к ним могли отнести себя не более 12,14%. В то же время эта социальная диспропорция (непривилегированные слои представлены почти в 15 раз меньше привилегированных) была все же намного ниже, чем в среднем по стране (соотношение приблизительно 1 к 50)¹⁹⁵.

В материальном плане жизнь значительной части студенчества была непростой, особенно это касалось иногородних студентов, вынужденных снимать жилье, при том что в начале XX века столица была самым дорогим городом России. Стоимость комнаты с полным пансионом (завтрак, обед, чай с закуской) была не дешевле 20 руб., поэтому иногда студенты жили в общежитиях или снимали вдвоем комнату за 12–15 руб.¹⁹⁶. Вот, например, что вспоминал о своей студенческой жизни П.А. Сорокин, в будущем известный социолог, а в начале 1910-х студент юридического факультета университета: «Мы снимали комнату в старой квартирке. Три другие комнаты снимали трое юношей-студентов, две курсистки с Бестужевских курсов и хористка Народного дома. Типичной едой у нас были чай с булкой и куском колбасы или сыра. Пища обходилась нам не более 10–12 рублей в месяц. На все про все вполне хватало 25–30 рублей»¹⁹⁷. П.А. Сорокин не слишком грешит в воспоминаниях против истины, даже несколько «завышая» стоимость минимального набора предметов питания, которая, согласно статистическим подсчетам того времени (1913), составляла в Петербурге 7 руб. 57 коп.¹⁹⁸. Однако студентам нужны были еще и деньги на одежду и на покупку необходимых книг, так что минимальный бюджет должен был составлять порядка 30 руб. в месяц. В этих условиях плата за обучение (50 руб. в год; по 25 руб. в семестр) для многих студентов являлась весьма обременительной. Кроме того, взималась «особая плата в пользу преподавателей, лекциями которых студент или слушатель желает пользоваться, в размере одного рубля за недельный час в полугодье»¹⁹⁹. Иначе говоря, прилежный студент вынужден был тратить на образование до 100 руб. в год. Таким образом, совокупная мини-

мальная стоимость образования и жизни студента столичного университета, самостоятельно снимающего жилье, составляла около 400 руб. в год. Это уже довольно приличные деньги, сопоставимые, например, с почти 90% соответствующего среднего заработка основной группы населения столицы — фабрично-заводских рабочих того периода (451 руб. в год для 1914 года²⁰⁰).

В этих условиях для многих на счету был буквально каждый рубль. Приведем характерное описание быта университетских студентов 1900—1910-х годов²⁰¹, рисующее картину весьма экономной студенческой жизни и представленное Д.А. Засоховым и В.И. Пызиным: «Толпа студентов была разношерстной, от богатых щеголей, приехавших в университет в собственных экипажах (таких, правда, было мало), и до бедняков, живших впроголодь. Основная же масса студентов состояла из скромных, трудолюбивых людей весьма ограниченных средств. Значительная часть их подрабатывала репетиторством, считала обязательным хотя бы частично содержать себя самими, а не сидеть на шее у родителей... В шинельной университета сторожа, обслуживающие вешалки, были своего рода комиссионерами. У каждого имелась стопка учебников, пособий, конспектов, которые они продавали по поручению бывших студентов с большой скидкой. Они же продавали тужурки и шинели окончивших... Большинство студентов ходили в форменных тужурках, сюртук имели далеко не все... большинство студентов ходило в форме по двум причинам: во-первых, сразу видно, что студент, а это уже обеспечивало известное положение в обществе, во-вторых, так было дешевле. Поношенную студенческую форму можно было носить, а старую штатскую тройку считалось носить неприличным»²⁰². Авторам «Записок очевидцев» вторит другой универсант, В.Б. Шкловский: «Студенты ходили по коридору одетые в зеленые диагональные штаны, рубашки, тужурки. Крахмального белья и сюртуков было мало. Я носил тогда тужурку, но в качестве парада надевал зеленый сюртук брага прямо на ночную рубашку. Этот сюртук один раз уже

кончил университет»²⁰³. Конечно, само по себе студенческое обмундирование не было чрезмерно дешевым, о чем свидетельствует преискурант наиболее популярных среди столичных студентов мастерской и магазина Ф.Д. Соловьева (расположенных в начале Вознесенского проспекта, у Синего моста) — новый полный набор «студенческой одежды» (зимнее и весеннее пальто, две пары брюк, сюртук, тужурка, китель, жилет) стоил здесь примерно от 170 руб.²⁰⁴. Возможно, однако, что авторы приведенных выше воспоминаний несколько «сгущают» краски, и часто скромная одежда универсантов отражала не столько уровень их материального обеспечения, сколько их идеологические предпочтения. Например, В.А. Рождественский вспоминал, что носил форменную тужурку и под ней синюю косоворотку как знак принадлежности к демократическому лагерю²⁰⁵. По его словам, студенты, относившие себя к демократическому лагерю, «носили синие косоворотки под студенческой тужуркой и от всей души ненавидели “белоподкладочников” с их лощеными проборами и длинными парадными сюртуками. Различие одежды символизировало более глубокие идейные расхождения»²⁰⁶.

Однако справедливо и то, что в условиях социальной трансформации начала XX века и увеличения среди студентов количества выходцев из непривилегированных сословий общий жизненный уровень студенческой массы снижался. Эту ситуацию, в частности, иллюстрируют отчеты университетского врача. Так, по словам врача, посетившего в 1906 году 52 студенческих квартиры, он «лишь одну из них нашел хорошую» (на нее студент тратил 2/3 своего бюджета) и «две удовлетворительных», «зато весьма многие были ниже всякой критики и имели одно удобство — дешевизну»²⁰⁷. Любопытны и его наблюдения относительно питания своих пациентов: «Обычное питание студента — это чай с булкой, а чаще с ситнем или с хлебом утром и вечером и обед в столовой за 13 копеек»²⁰⁸. В то же время «соблазнов» в столичной жизни было немало, многие из студентов (особенно иногород-

ние) быстро выбивались из бюджета и, чтобы избежать жизни впроголодь, могли рассчитывать только на университетскую столовую, где цены вообще были очень низкие (обед без мяса — 8 коп., с мясом — 12 коп., стакан чая — копейка, бутылка пива — 9 коп.)²⁰⁹. Правда, очереди за дешевыми университетскими обедами выстраивались грандиозные — по воспоминаниям участников, приходилось стоять часа по полтора²¹⁰. Впрочем, иногда и дешевый университетский обед студентам был недоступен, оставалось надеяться лишь на бесплатный кипяток и хлеб и на благотворительность администрации столовой, которая иногда предлагала бесплатную тарелку щей без мяса²¹¹. И.В. Егоров вспоминал, что, когда заканчивались деньги на университетские обеды, приходилось обращаться в столовую Общества трезвости (располагавшуюся на барже у Тучкова моста). Цены там были еще ниже, чем в университете, но зато сами обеды еще скромнее: 1 коп. — тарелка супа без мяса; 1 коп. — тарелка каши без мяса²¹². Чтобы обеспечить себя, многим студентам приходилось искать работу. Однако и эти «приработки» (прежде всего репетиторство) также были доступны далеко не всем, а кроме того, оплачивались очень скромно. В одном из университетских отчетов находим, например, следующие наблюдения относительно работы студентов: «В громадном большинстве случаев это уроки, и уроки грошовые, 8—10 рублей, а концы по Петербургу большис; да немногим лучше оплачиваются и другие виды работы ввиду слишком большого количества предложений»²¹³.

Хотя для недостаточных студентов существовала обширная система стипендий — государственных, университетских, городских и частных, в процентном отношении их было явно мало. Так, в 1910 году в университете стипендию получал лишь 1 из 25 студентов²¹⁴. От платы за обучение Правлением было освобождено 15% студентов²¹⁵, правда, иногородние студенты часто получали стипендии «на оплату учения» от местных властей, от гимназий, выпускниками которых были²¹⁶. Кроме того, недостаточные студенты получали единовременные вы-

платы от Общества вспомоществования студентам университета и от разного рода благотворительных акций в пользу университетских студентов (балов, концертов, лекций профессоров, лотерей и т.п.), проходивших как в Петербурге, так и в разных других местностях империи²¹⁷. Но всего этого также, разумеется, было не всегда достаточно для нормальной жизни. Характерны в этом смысле вопросы, помещенные в анкету, составленной Правлением университета для «прошения о пособии», в их числе: «Регулярно ли Вы обедаете?»; «Обеспечены ли Вы верхним теплым платьем? носильным платьем? бельем? обувью?» На эти вопросы зачастую ответы были отрицательными. На другой вопрос: «Если Вы больны, то сколько тратите на лечение?» — был ответ «ничего»²¹⁸.

Итак, многие студенты не могли позволить себе даже такую весьма скромную во всех смыслах жизнь: жили в снимаемых «углах», одевались для петербургского климата легко, питались плохо. Как следствие такой жизни и такого питания среди студентов было немало больных, в том числе и заболевавших туберкулезом²¹⁹. Особенно страдали южане, многие из которых, оказавшись в столице, по словам университетского врача, «таяли, можно сказать, не по дням, а по часам»²²⁰. Примечательно, что некоторые из студентов, больных туберкулезом, по настоянию врача «покидали Петербург навсегда»²²¹.

Жизнь студентов, среди прочего, ухудшалась еще и тем, что в отличие от фешенебельных районов города, расположенных на Адмиралтейской стороне, вода с водопроводной станции на Васильевском острове в начале века поступала нефilterованной, в то время как большая часть сточных труб была деревянной и сточные воды попадали в почву. Неудивительно, что в результате такой санитарной обстановки периодически вспыхивали эпидемии холеры и брюшного тифа²²². Но, несмотря на распространенность этих болезней (а также гриппа), наиболее массовыми среди студентов были все-таки другие болезни, которые скорее даже можно назвать расстройствами, — невращения и малокровие, а также воспаления лег-

ких и ангина. Среди заразных болезней устойчивое распространение имели венерические заболевания, число которых всегда значительно, в несколько раз превышало число больных холерой и тифом²²³. Примечательно, что количество венерических больных резко возросло после того, как прием их был перенесен из амбулатории на квартиру врача, — например, в 1912 году, согласно данным отчетов университета, более 1000 человек (то есть каждый седьмой студент) получали помощь от университетского врача в связи с заболеванием такого рода. Другое дело, что и при новом порядке приема само решение об обращении за помощью к врачу для многих студентов было трудным. Университетский врач сетовал в этой связи на «крайне легкомысленное» отношение «большинства больных» к этим болезням²²⁴.

Вообще надо отметить, что медицинская помощь, оказываемая студентам в университете, была востребована ими очень широко. Достаточно сказать, что в 1907 году за помощью обратились 4184 студента, в 1909 году — 8346, в 1911 году — 7017, в 1912 году — 6530 студентов²²⁵. Их привлекал не только бесплатный прием у общего врача, но и возможность получить более дешевое (или также бесплатное) стоматологическое обслуживание (которое являлось весьма дорогим в Петербурге) — ежегодно более 1000 студентов пользовались услугами университетского зубного врача (или тех частных врачей, работу которых университет оплачивал)²²⁶.

Поскольку у университетской амбулатории не было «изолятора» (несмотря на просьбы о его организации со стороны врача)²²⁷ и возможности держать больных на карантине в собственном медицинском пункте, студенты направлялись в городские больницы. Часто ввиду студенческого безденежья это были близлежащие городские больницы, прежде всего — Марии Магдалины (на 1-й линии), Александровская мужская (на 15-й линии) и Петропавловская (на Петроградской стороне, на Архиерейской ул.), а также Мариинская больница для бедных (на Литейном проспекте) и Обуховская больница (на Фонтанке)²²⁸.

Обслуживание в этих больницах было практически бесплатным, но и условия содержания больных были крайне тяжелыми. И.В. Егоров вспоминал как его, студента, заболевшего тифом, в 1906 году брат привез в больницу Марии Магдалины и сдал дежурному фельдшеру, который, по словам больного, «посадил меня в грязнейшую ванну, напустил чуть теплой воды», и «когда я попросил вымыть ванну, фельдшер сказал: “Вот еще телячьи нежности, сойдет и так!”»²²⁹.

Особенно ухудшилось материальное положение студенчества в годы Первой мировой войны. Многие студенты, привыкшие получать поддержку из дома, прекратили получать ее, поскольку их семьи, разоренные войной, лишились возможности помогать им. Прежде всего это касалось выходцев из губерний Царства Польского, Западного и Прибалтийского края, которые составляли более 95% всех беженцев²³⁰. В прошениях о пособиях Татианинского комитета, которые Правление университета выдавало «студентам-беженцам» с января 1916 года, звучат панические нотки. Их авторы указывают на «дороговизну петроградской жизни», отсутствие возможности купить обувь, одежду и т.п.²³¹. Поскольку Татианинский комитет в летние месяцы пособия не выдавал, проректор прямо указывал в письме в комитет, что не получающие его в это время студенты «обречены на полуголодное существование»²³².

Несмотря на все описанные материальные тяготы и даже опасности университетской жизни, попадая в университет, молодой человек, в особенности провинциал, чувствовал, что оказывался в особом, «возвышенном» мире. По воспоминаниям одного из них, С.С. Кузнецова, впоследствии ставшего профессором, «старый Петербургский университет [речь идет об университете предреволюционных лет. — *Е.Р.*] некоторыми своими распоряжениями отражал блеск Петербурга: чопорно-вежливое и холодновато-обязательное обращение профессорско-преподавательского и технического персонала; белизна дверей и стен; совершенная прозрачность стекол в окнах и

огромных книжных шкафах из светлого ясеневого дерева... сверкали до зеркальности натертого паркета... Профессора в скромных черных сюртуках представлялись нам небожителями, проповедниками каких-то исключительных истин»²³³. Неудивительно, что многие воспринимали каждую профессорскую лекцию как откровение, а каждое слово «небожителей» фиксировалось для печати по заказу студентов либо одним из них, либо специально нанятыми стенографистами — в университете была распространена практика литографических изданий, когда законспектированные лекции отдавались на просмотр автору, а после издавались литографическим способом ограниченным тиражом (в 100–200 экз.)²³⁴.

Очень часто, однако, отношения профессорам со студентами переходили рамки академического общения и с официального уровня с течением времени выходили на уровень личный, почти интимный. Так, например, можно представить отношения двух знаменитых историков — И.М. Гревса и его ученика, студента историко-филологического факультета, Н.П. Анциферова, о которых последний подробно повествует в своих воспоминаниях²³⁵. Н.П. Анциферов пишет о том, что студенты И.М. Гревса называли его *padre*²³⁶. Между учителем и учениками возникла тесная духовная близость, требовавшая предельной откровенности. В условиях этой «откровенности» одним из ключевых вопросов отношений между студентами и наставниками был вопрос о восприятии ими общественного движения в стенах университета, и в частности студенческих забастовок. Так, Н.П. Анциферов вспоминает о своем объяснении с учителем по поводу того, что он продолжал читать лекции во время студенческой забастовки, объявленной в 1911 году. И.М. Гревс, отвечая ученику, заявил, что университет «должен как лазарет во время войны оставаться под белым флагом» и «недопустимо подготовку молодежи к научной деятельности ставить в зависимость от действий властей»²³⁷. По словам Н.П. Анциферова, позиция профессора не показалась ему убедительной, но его «твердая вера в свою правду» «про-

извела неизгладимое впечатление» на ученика, и он «ушел с еще большею любовью к Ивану Михайловичу»²³⁸. Аналогичную картину объяснения со своими слушателями другого преподавателя — академика А.С. Лаппо-Данилевского — и их аналогичной реакции (несогласия с позицией, но ее уважения и понимания) рисует другой студент университета, также впоследствии знаменитый историк Б.А. Романов²³⁹.

Надо сказать, что и преподаватели, как правило, не проявляли резко негативного отношения к «забастовщикам». По словам ректора Э.Д. Гримма, прозвучавшим в официальном письме, адресованном попечителю учебного округа, «покуда в студенчестве еще сохраняется питаемое традиционными взглядами значительных общественных слоев убеждение в том, что студенчество не только призвано, но чуть ли не нравственно обязано реагировать на события общественной и академической жизни, никакие предупредительные или карательные меры не устраивают так называемых студенческих волнений»²⁴⁰. Более того, в глазах многих «забастовщики», верные «интеллигентским традициям», казались лучшими студентами, чем академики. В этом смысле характерно высказывание А.Е. Преснякова (сентябрь 1908 года), в принципе студенческую забастовку не одобрявшего: «Студенты... начинают забастовку. Ничего из нее не выйдет, кроме ряда отвратительных положений, раздвоения между студентами, одни будут слушать лекции, ходить на занятия, другие нет — и, пожалуй, еще мешать будут. Исчезнут из аудитории, наверно, именно более симпатичные элементы, останутся вялые или гг. союзники истинно-русские. Гнусное положение»²⁴¹. Впрочем, в ряде случаев двойственную позицию профессуры по отношению к фрондирующему студенчеству можно объяснить и тем, что студенческое движение, по-видимому, вполне сознательно использовалось профессорской корпорацией в целях борьбы за университетскую «автономию».

Студенческая жизнь была не менее богата на участие в различных обществах и союзах, чем жизнь преподава-

тельская. Помимо политических можно выделить четыре основные формы студенческих организаций: корпорации, землячества, академические (научные) кружки и кружки по интересам. В отличие от политических организаций, чье присутствие в стенах университета было незаконным, эти организации являлись дозволенными и имели шанс на легализацию в порядке, предусмотренном правилами, определенными Министерством народного просвещения и Университетским советом²⁴². Отметим, впрочем, что функциональная граница между этими типами организаций на практике была весьма условна и определялась лишь отчасти.

Студенческие корпорации — несомненно, наиболее театральная форма студенческой организации; в столичном университете этого периода действовали (или, по крайней мере, заявили о себе) семь корпораций²⁴³ — «Дружба»²⁴⁴, «Sarmatia», «INGRIA»²⁴⁵, «Fraternitas Hyperborea»²⁴⁶, «Эстетика»²⁴⁷, «Денница»²⁴⁸ и «Единение»²⁴⁹. Все они строились по принципу закрытых для посторонних организаций, для попадания в которые требовалась баллотировка кандидата действительными членами общества. Некоторые корпорации подчеркивали свою исключительность ограничением максимального количества своих членов (например, «Дружба» и «Денница» — не более 60²⁵⁰, «Эстетика» — не более 44²⁵¹). Практически все большое значение придавали таким внешним атрибутам, как «штемпель» и «девиз», — в корпорации «Sarmatia», например, кроме штемпеля с соответствующей надписью, устанавливались и отличительные цвета «темно-малиновый, белый и темно-зеленый»²⁵², а в «Единении» — «желтый, красный, золотой»²⁵³. Неотъемлемый атрибут любой корпорации, также выделявший ее членов из общей массы студентов, — установление контроля над поступками членов организации и обязательное наличие «суда чести»²⁵⁴, «третейского суда»²⁵⁵ или «суда корпорации»²⁵⁶.

Провозглашенные цели создания корпораций были примерно одинаковы — «содействовать развитию здорового товарищеского общения, уважения законности, духа

порядочности и честного образа мыслей»²⁵⁷, «содействовать умственному развитию своих членов, улучшению их материального положения»²⁵⁸, «приготовить достойных и полезных членов человечества путем развития их душевных и телесных качеств»²⁵⁹. Средства их достижения, заявленные в уставах корпораций, также были примерно схожи: чтение научных рефератов, создание библиотеки с периодической литературой, организация «разумного развлечения», проведение вокально-музыкальных вечеров «с последующими танцами». Уже этот последний пункт, как минимум, предполагал допуск на собрания корпорации лиц, не имеющих отношения к университету, — представительниц прекрасного пола. Правда, из этого ряда корпоративных установок на «танцы» несколько выбивалась корпорация «Эстетика», где «вокально-музыкальные» вечера замменялись занятиями спортом²⁶⁰. Большинство корпораций предполагало членские взносы и наем специальной квартиры в городе, где могли реализоваться поставленные задачи.

Уставы некоторых корпораций подчеркивали их политическую лояльность или нейтральность: «...в корпорации не допускаются политические разговоры»²⁶¹, «в корпорации безусловно не допускаются разговоры противоположительного характера»²⁶², — что в условиях политизированности студенчества той эпохи само по себе было своеобразной политической позицией. Между тем за внешним «аристократизмом» и «академизмом» корпорации могли скрываться вполне определенные политические силы. В этом смысле интересна история с корпорацией «Единение», заседания которой, судя по секретной переписке между ректором и попечителем учебного округа, пытались использовать в качестве прикрытия для проведения студенческой сходки по поводу создания так называемой «кассы взаимопомощи», которая, в свою очередь, должна была стать пирмой для политической организации студенчества²⁶³.

Выше мы писали о многообразном религиозно-национальном составе университетского студенчества. Поэто-

му кажется естественным, что важной формой общественной организации студентов Петербурга были землячества. Санкт-Петербург начала XX века являлся центром притяжения различных национальностей, уроженцев различных областей Российской империи. Конечно, землячества как организации, объединявшие «земляков», в какой-то степени удовлетворяли тоску части студентов по «малой родине» и способствовали их адаптации в столице. Следует, однако, подчеркнуть, что эти институты носили главным образом характер не «национальных» или «региональных» клубов, а благотворительных организаций и своеобразных касс взаимопомощи. Выше уже говорилось о весьма бедственном материальном положении значительной части студенчества. Это положение понималось профессорской корпорацией, так же как и то, что средства, выделяемые Правлением университета, Обществом вспомоществования студентам, явно недостаточны, поэтому деятельность землячеств, очевидно, поощрялась руководством университета.

Уставы землячеств строились по типовой модели («нормальный устав»), одобренной в 1907 году Советом университета²⁶⁴. Согласно «нормальному уставу землячеств», их основной целью было оказание «материальной помощи товарищам»²⁶⁵. Членство в определенном землячестве было возможно по двум основаниям: происхождение из определенной губернии (города) или обучение в учебном заведении этой местности, — поэтому один и тот же студент имел право быть членом нескольких землячеств, хотя получать помощь мог только от одного²⁶⁶. Средства землячества составляли взносы его членов, добровольные пожертвования, сборы с концертов и т.п. Средства распределял избранный комитет. Он же занимался организацией благотворительных акций в пользу землячества, поиском работы для его членов и т.п.²⁶⁷. Землячества представляли всю обширную географию Российской империи (Армавирское, Астраханское, Брянское, Борисоглебское, Бессарабское, Гродненское и пр.) — через них шел основной поток благотворительной помощи студен-

честву. Обычно деньги переводились в кассу университета, а затем по представлению комитетов землячеств перечислялись на пособия отдельным студентам²⁶⁸.

Наиболее богатым, разумеется, было самое многочисленное землячество – Петербургское. По свидетельству известного художника Ю. Анненкова, поступившего в 1908 году на историко-филологический факультет Петербургского университета и активно занимавшегося организацией различных благотворительных акций Петербургского землячества, в этот период (между революцией 1905 года и войной 1914-го) благотворительные вечера приняла «эпидемический характер». По его словам, «почти полное десятилетие безостановочно, с одной эстрады на другую, с концертов студенческих землячеств (с хоровым пением и клюквенным морсом) – на благотворительные вечера (с танцами, холодным буфетом и водкой) блуждали знаменитые и полужнаменитые писатели и поэты, любимцы публики, читая отрывки из своих произведений, впитывая благоговеющие взоры молодежи... закусывая под “белую головку” в артистической комнате, набитой студенческими тужурками, влюбленными девицами и распорядительскими значками»²⁶⁹.

По характеру к землячествам примыкали другие организации, ставившие чисто экономические цели. В качестве примера укажем на такую структуру, как Касса взаимопомощи при физико-математическом факультете с книжным магазином, образованную в 1909 году. Устав Кассы взаимопомощи при физико-математическом факультете с книжным магазином очень напоминал нормальный устав землячества. Отличие заключалось только в том, что Касса не оказывала своим членам безвозмездной помощи, но предоставляла ссуды, а также в том, что источником доходов Кассы были не только членские взносы, частные пожертвования и сборы с благотворительных вечеров, но и прибыль от продажи «учебных пособий и всех необходимых предметов студенческого обихода»²⁷⁰. Вскоре после образования факультетской Кассы взаимопомощи в среде университетского студенчества развернулось дви-

жение за создание общеуниверситетской кассы, которое, правда, завершилось провалом из-за политических препятствий²⁷¹, — руководство университета и Министерство прекрасно помнили, какую роль играла Касса взаимопомощи в организации революционного движения в среде студентов университета в предреволюционные годы²⁷². Надо отметить, что в этот период чисто экономические цели могли преследовать также организации, которые по названию, казалось бы, имели совсем иные цели. Так, Художественно-драматический кружок студентов под руководством приват-доцента А.Ф. Каля (реорганизовавшийся в 1909 году из Драматической артели студентов), по существу, основной целью имел сбор средств в пользу членов кружка²⁷³.

Переходя к характеристике «научных» или «академических» студенческих организаций, вначале укажем на те объединения, которые, позиционируя себя как академические, на самом деле представляли собой явно политизированные структуры, имеющие целью «изгнать политику» (то есть либеральные и радикальные политические организации) из университетов. Консервативные и националистические группы внутри студенчества отчасти вынуждены были использовать такую тактику, поскольку получали отказ у профессорского Совета в регистрации черносотенных организаций наподобие студенческого отдела «Союза русского народа»²⁷⁴. Примерами таких легальных и внешне «неполитических» организаций являются Русская академическая корпорация (Академический союз)²⁷⁵, Санкт-Петербургское студенческое университетское общество²⁷⁶, Союз русских студентов²⁷⁷. Уставы этих организаций специально подчеркивают непартийность создаваемых сообществ. Устав Русской академической корпорации прямо запрещает ее членам участвовать в «студенческих политических партиях»²⁷⁸.

Первыми по времени создания среди таких организаций следует считать Академический союз и продолжавшую его политику Русскую академическую корпорацию, активно действовавшие во второй половине 1900-х годов.

Основные установки академистов были провозглашены ими в уставе в двух пунктах: «проведение в жизнь университета тех принципов, при которых университет служит науке (отрицание политики, участие в научных кружках)», и «поддержание русского студенчества»²⁷⁹. Примечательно, что неприязнь к «академистам» в это время была столь высока, что часть студентов, даже идейно им сочувствующих, отделяла себя от них, создав в 1907 году Санкт-Петербургское студенческое университетское общество, которое, по мнению его организаторов, должно было объединить «беспартийное студенчество на началах чисто кооперативно научных»²⁸⁰. Создатели этого Общества резко отмежевывались от Академического союза, который якобы «профанировал» «святую идею» «академизма» рядом «некорректных выходов» его отдельных членов²⁸¹.

Не добившись разрешения на создание студенческого отдела Союза русского народа, националистически настроенное студенчество не оставило между тем попыток создать «национальную» студенческую организацию под «академическим прикрытием». Одной из таких попыток стал Союз русских студентов (СРС), провозглашавший «поддержку и развитие академической жизни университета на религиозно-национальных началах». СРС долгое время не мог добиться от профессорского Совета утверждения своего устава — вернее, профессорский Совет утверждал его как бы в насмешку за исключением основных пунктов (о задачах Союза, членстве в нем, его руководящих органах)²⁸². Только в 1910 году, после радикального смягчения формулировок устава, профессорский Совет наконец его принял²⁸³. Правда, и в смягченном варианте этот документ носил явно идеологизированный характер и содержал, например, положения о том, что Союз строится на почве «идеалов Русской Государственности: православия, самодержавия и народности», и о том, что «иудеи в число членов С.Р.С. не принимаются»²⁸⁴.

Важной составляющей студенческой жизни являлись научные кружки, которые, с одной стороны, как бы про-

должны были систему университетского преподавания, с другой, отражали не только академические, но и общественные потребности студентов. В то же время научные кружки — это та сфера университетской жизни, где в полном смысле слова смыкались два мира: «преподавательский» и «студенческий». Действительно, кроме официальных занятий, научное общение шло в кабинетах для чтения, кружках, учебных музеях; более того, общение студентов и профессоров отнюдь не ограничивалось университетскими стенами. Постоянными были встречи и занятия на дому²⁸⁵. Иногда они были просто технически необходимы. Например, в 1905 году, когда университет значительную часть времени был закрыт, у себя на дому продолжали вести семинары профессора А.И. Соболевский и П.А. Лавров²⁸⁶. А академик А.С. Лаппо-Данилевский вел у себя на дому практические занятия сразу по нескольким курсам²⁸⁷; сложившаяся таким образом традиция проведения «четвергов» у него дома закрепилась на долгое время — до смерти академика в 1919 году²⁸⁸ (эти «четверги» были посвящены работе над дипломатикой русского частного акта). Другая форма общения преподавателей со студентами — организация образовательных экскурсий самого различного характера: по городу и пригородам, по стране, по Европе²⁸⁹. Научное общение профессоров и студентов не порывалось с окончанием ими университетского курса — в отчетах университета много упоминаний о научных занятиях под руководством профессоров студентов, уже окончивших курс и «не оставленных» специально при университете²⁹⁰. Такого рода общение часто переходило в постоянные «приемы» профессоров на дому. В качестве примера можно привести «среды» профессора С.Ф. Платонова²⁹¹ или «пятницы» академика А.С. Лаппо-Данилевского²⁹², «журфиксы» и занятия кружка профессора А.К. Бороздина²⁹³, «пушкинский» семинарий у профессора С.А. Венгерова²⁹⁴. Занятия на дому зачастую сопровождались «угощением» учащихся. «У Толстого заниматься очень весело — он угощает чаем с круглыми кренделями», — писал о домашних занятиях у приват-до-

цента И.И. Толстого студент С.Я. Лурье, в будущем знаменитый антиковед²⁹⁵. Именно благодаря таким консультациям в университете или на дому под руководством профессоров и приват-доцентов возникали многочисленные научные кружки, приобретавшие со временем характер, независимый от плановых университетских штудий²⁹⁶. С.Н. Валк, ученик А.С. Лаппо-Данилевского, вспоминал, как постепенно семинарий по дипломатике частного акта перерастал в «дипломатический кружок», большинство членов которого уже закончило университет²⁹⁷. Среди таких сообществ «кружок» профессора Ф.Ф. Зелинского²⁹⁸, упомянутые выше кружки профессора И.М. Гревса и Историко-литературный кружок имени А.С. Пушкина (организованный С.А. Венгеровым) и многие другие. Иной путь возникновения кружков — по инициативе студентов, которые «подыскивали» руководителя для уже сформировавшейся группы; таким, например, был Исторический кружок при университете, руководить которым студенты пригласили А.С. Лаппо-Данилевского, при «секретаре» кружка Б.А. Романове²⁹⁹. Стандартная формулировка устава студенческого кружка, определенная «примерным уставом» (принятым Советом в 1903 году)³⁰⁰, предполагала, что «членами кружка могут быть студенты и лица, установленным порядком допущенные к участию в университетских занятиях»³⁰¹. В то же время «примерный устав» не являлся обязательным сам по себе³⁰², и уставы многих кружков находили возможность по факту обойти эту норму и расширить число его деятелей, оговорив возможность участия в его работе кроме «действительных членов» также «членов-сотрудников» и «гостей» — хотя последние (если не принадлежали к университетской корпорации) могли посещать кружки только с разрешения ректора, можно предположить, что это разрешение (даже когда это требование гостями соблюдалось) было формальностью. Таким образом, студенческие кружки не только позволяли окончившим университет студентам принимать участие в его академической и культурной жизни, но и, по аналогии с преподаватель-

скими обществами, привлекали в университет заинтересованную в тех или иных кружковых занятиях петербургскую молодежь.

Научных (академических) студенческих кружков в университете было довольно много как в области точных и естественных наук, так и в области наук гуманитарных. Студенческие научные кружки издавали как свои отдельные труды, так и совместный «Сборник научных кружков Петербургского университета»³⁰³. Трудно вместе с тем сказать, сколько именно кружков действовало в университете одновременно в тот или иной момент. Многие кружки долгое время могли существовать неформально, не имея устава, а потом «легализоваться», многие, организовавшись формально, быстро «умирали», и лишь относительное меньшинство кружков предоставляло и печатало в «Отчетах университета» сообщения о своей деятельности. Не имея возможности в этом обзоре рассказать обо всех кружках (только официально в этот период их было зарегистрировано около 80)³⁰⁴, остановимся на наиболее показательных примерах проявления «кружковой» активности.

Кружки формально учреждались по представлению того или иного факультета и курировались им. Поэтому, хотя большинство кружков отличалось как раз тем, что не ограничивало свой состав студентами конкретного факультета, они так или иначе были связаны с какой-либо отраслью знания и состояли по преимуществу из студентов, формально специализирующихся в данной области. Количество кружков, созданных на разных факультетах, было различно и отражало как численность студентов на том или ином факультете, так и академическую активность его преподавателей и учащихся. На малочисленном восточном факультете, например, было всего несколько кружков, наиболее значительным из которых был кружок ориенталистов под руководством профессора В.В. Бартольда³⁰⁵, а такие многочисленные факультеты, как физико-математический³⁰⁶ и юридический³⁰⁷, имели по несколько десятков кружков.

Однако наибольший общественный резонанс имела кружковая активность историко-филологического факультета³⁰⁸. В 1900-х – первой половине 1910-х годов именно этот факультет становится одним из важных центров формирования литературы Серебряного века. Так, в 1904–1905 годах здесь на основе кружка приват-доцента Б.В. Никольского сформировался Кружок изящной словесности, объединявший стихотворцев Петербургского университета³⁰⁹. Одной из центральных фигур кружка стал молодой студент Александр Блок, чьи стихи нашли в членах кружка (С. Городецкий, Л. Семенов, А. Кондратьев и др.) своих первых критиков³¹⁰. Показательно, что А. Блок вспоминал о том, что сам по себе университет (имея в виду университетское преподавание) не сыграл в его жизни «особенно важной роли»³¹¹. Это замечание интересно сопоставить с признанием поэта о том, что «до первых курсов университета» он не знал «ни строки т.н. “новой поэзии”», той самой «новой поэзии»³¹², одним из наиболее ярких представителей которой он стал впоследствии. Последнее положение важно для понимания действительной роли творческого и интеллектуального общения в стенах университета в судьбе таких молодых талантливых людей, каким был А. Блок. Иначе говоря, университет выступал не только как центр производства и передачи знаний по разным отраслям науки, но и как центр культурного притяжения и распространения культурного опыта в широком смысле слова. В 1906 году при университете образовался так называемый «кружок молодых», устраивавший в зале Старофизического института в 1906–1907 годах «вечера искусства» с чтением литературных произведений. В работе кружка активно участвовали преподаватели, студенты и сочувствующие, среди которых укажем Ф.Ф. Зелинского, С.Л. Франка, С.М. Городецкого, А.А. Блока, В.А. Пяста, Н.А. Бердяева, М.А. Кузмина, К.И. Чуковского и др.³¹³. Кружок романо-германисгов (Романо-германский кружок) формальное оформление получил в ноябре 1909 года³¹⁴. Ему суждено было сыграть немаловажную роль в истории русской ли-

гературы. Кроме профессоров Д.К. Петрова и Ф.А. Брауна этот кружок активно посещали как студенты — будущие знаменитые литературоведы В.М. и А.М. Жирмунские, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, так и молодые поэты О.Э. Мандельштам, Н.С. Гумилев, А.А. Ахматова, Г.В. Адамович и другие деятели «Цеха поэтов»³¹⁵. Здесь, по словам Г.В. Адамовича, была «штаб-квартира русского акмеизма»³¹⁶. Одним из основных его лидеров был именно Н.С. Гумилев, который в октябре 1912 года предложил профессору Ф.А. Брауну учредить под его руководством еще один кружок «изучения поэтов», что, видимо, более соответствовало интересам ряда членов кружка романо-германистов. Но профессор Ф.А. Браун отказался от предложения за недостатком времени, и, по-видимому, замысел поэта не осуществился³¹⁷.

Совместная деятельность студентов и преподавателей историко-филологического факультета имела значение для еще одной стороны петербургской культуры начала XX века — существенным вкладом в изучение «городской среды» в Петербургском университете была деятельность учеников профессора И.М. Гревса — студентов и выпускников историко-филологического факультета университета. Профессор И.М. Гревс был не только одним из основоположников изучения в России западноевропейского средневекового города, но и одним из основателей петербургской школы гуманитарного экскурсиеведения³¹⁸. Ученики И.М. Гревса, участвовавшие в дальнейших зарубежных экскурсиях своего учителя, задались целью распространить опыт семинария профессора на свой родной город Петербург. Так, в 1910 году по инициативе двух студентов (впоследствии известных историков), А.А. Гизетти и Н.П. Анциферова, возник экскурсионный кружок при Эрмитаже. По воспоминаниям Н.П. Анциферова, из университетских учеников И.М. Гревса в кружок вошли А.П. Петров, М.А. Гсориגיעвский, Г.Э. Петри, А.М. Шмидт, А.В. Тищенко, А.Э. Серебряков и др.³¹⁹. Кружок ставил целью подготовку руководителей экскурсий для проведения «культурной

работы среди рабочих»³²⁰. Как признано в литературе, благодаря этому кружку в Петербурге зародилось экскурсионное дело. Деятельность кружка оказалась прервана начавшейся Первой мировой войной, но его члены после революции образовали ядро экскурсионистов Петрограда (что организационно было оформлено созданием Экскурсионного института, гуманитарный отдел которого возглавил профессор И.М. Гревс).

Часть кружковых организаций носила явно надфакультетский характер, будучи ориентированной на изучение той или иной местности или народности империи и тесно связанной с тем или иным студенческим землячеством. Среди кружков такого рода надо отметить Кружок для изучения польской словесности³²¹, Кружок украиноведения³²², Кружок для научного изучения Гродненской губернии³²³, Грузинский научный кружок³²⁴, Славянский научный кружок³²⁵, Русский кавказский научный кружок³²⁶, Кружок литоведения³²⁷, Белорусский научно-литературный кружок³²⁸, Кружок научного изучения Витебской губернии³²⁹ и ряд других.

К другому разряду по своему характеру «общеуниверситетских» кружков можно отнести кружки, которые объединяли студентов по тем интересам, которые не были представлены в университетской академической программе. Эти кружки уже нельзя в строгом смысле относить к «академическим» или «научным», уместнее их охарактеризовать как «кружки по интересам». Сюда можно отнести самые различные структуры от Воздухоплавательного кружка³³⁰ до Кружка изучения театра³³¹. Среди этого типа кружков³³² наибольшее значение для культурной и общественной жизни Петербурга, с нашей точки зрения, имел так называемый Музыкальный кружок Санкт-Петербургского университета, который возник в конце 1903 года, а в начале 1904 года был утвержден его устав³³³. Кружок (при формальном председательстве ректора университета) возглавлял студент Н.А. Саас-Тисовский (музыкант, композитор, дирижер, выпускник одновременно консерватории и юридического факультета

университета). В кружке были созданы оркестр и хор, сначала мужской, а в 1906 году и женский хор из вольнослушательниц университета, который возглавил студент Е.Л. Карнович (Карнавичюс)³³⁴. Кружок существовал вплоть до 1917 года, насчитывая в среднем до 200 членов³³⁵. Из их числа вышло несколько крупных композиторов — А.П. Гладковский, К.М. Аренков, М.О. Штейнберг и др.³³⁶. Кружок давал от одного до пяти больших симфонических концертов в год (они проходили в Большом зале консерватории, зале Петровского коммерческого училища, концертном зале Калашниковской биржи, Актовом зале университета). Кроме этого, кружок (хор и оркестр) давал частые небольшие концерты как в университете, так и в разных местах города — в Соляном городке, на Высших женских курсах, в залах Политехнического института и Тенишевского училища и др. Группы кружковцев также принимали участие в концертах, организованных профессиональными музыкантами, — в Малом зале Филармонии, в концертах Общества вокальной музыки. Многие концерты музыкального кружка носили благотворительный характер, будучи организованы студенческими землячествами в пользу недостаточных студентов. С началом Первой мировой войны кружком организуются специальные концертные группы для выступления в университетском и других лазаретах³³⁷. Кружок имел известную популярность в музыкальной среде; в числе композиторов, избранных почетными членами кружка и содействовавших его работе, были такие известные личности, как Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов, А.К. Лядов и др.³³⁸.

Студенческая общественная жизнь не ограничивалась только разного рода заседаниями, в которых развивались как академические, так и неакадемические формы общения, но и сопровождалась изданием довольно обширной по меркам своего времени печатной продукции — всего в период с 1905 по 1914 год, согласно наблюдениям известного библиографа и книговеда П.Н. Беркова, вышло семь студенческих сборников различного содержания³³⁹.

Таким образом, мы видим, что общественная активность университетского студенчества начала XX века была достаточно высокой, и в этом смысле молодое поколение вносило не меньший вклад в развитие научной и культурной жизни Петербурга, чем его учителя — представители преподавательской корпорации.

IV

«ХРАМ НАУКИ», «ЦЕНТР ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ» ИЛИ «БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ»?

Итак, университетские преподаватели и студенты принимали живейшее участие в разных формах социальной жизни города: прессе, общественных организациях культурного и просветительского характера. Однако обращение к этой теме заставляет нас хотя бы кратко остановиться на отношениях университетской корпорации как общественного института к институтам государственной и местной власти и задаться вопросом о том, насколько университетское сообщество было готово сотрудничать с ними и реагировать на социальный заказ с их стороны. В свою очередь эти вопросы неразрывно связаны с проблемой «автономии» университета, многократно рассмотренной в литературе³⁴⁰.

Напомним о том, какой была *формальная и фактическая* автономия Петербургского столичного университета в период с 1905 по 1914 год. С *формально-юридической точки зрения* автономия столичного университета, как и других университетов империи, носила весьма ограниченный характер, основываясь на Университетском уставе 1884 года³⁴¹, Временных правилах 1905 года³⁴² и Сенатском указе министру народного просвещения 1908 года³⁴³. Хотя, как отмечено выше, внутри университета главным органом принятия решений являлся профессорский Совет, который обладал правом свободного выбора членов

университетской корпорации (ректора, проректора, декана, профессора, приват-доцента), Министерство народного просвещения было вправе не утвердить выбор университета, назначить по своему усмотрению лицо на любую университетскую магистратуру. Любые изменения в составе университетских кафедр также утверждались министерством, им формировались государственные экзаменационные комиссии, регламентировались правила поведения для студентов и вольнослушателей, утверждались учебные планы, количество и время экзаменов, определялись размер платы за обучение, объем и порядок финансирования университетов и т.п. Все сношения с министерством университетские корпорации были обязаны осуществлять через попечителя соответствующего учебного округа³⁴⁴.

Нельзя, однако, сказать, что подобная ситуация отвечала настроениям и идейным устремлениям университетской элиты. Университеты виделись подавляющему ее большинству скорее как общественные, чем как государственные организации. Примером для организации русской университетской системы выступали западные университеты — прежде всего немецкие³⁴⁵, структура которых считалась образцом «автономии», необходимой для успешной учебной и научной деятельности высшего учебного заведения. Еще в ходе обсуждения в 1902 году проекта будущего устройства университетов столичный университетский Совет единодушно высказался за автономию профессорской коллегии, выборность ее членов, включая ректора, за восстановление штатных должностей доцентов (упраздненных университетским уставом 1884 года), за студенческое самоуправление (воссоздание деятельности Совета старост)³⁴⁶. Задача университетов виделась не столько в решении утилитарных запросов государства и общества, сколько в «просвещении» граждан³⁴⁷, вмешательство государства в университетскую жизнь представлялось совершенно недопустимым.

При рассмотрении истории борьбы университетов за «автономию» необходимо прежде всего учитывать, что в

основе противостояния власти и университетов начала XX века лежали давние либеральные традиции русского университетского образования³⁴⁸. Проблема университетской автономии имела в русском обществе значение, далеко выходящее за рамки высшей школы; само понятие автономии университета в России было неразрывно связано с русским освободительным движением. В начале XX века профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, по существу, являлся одним из основных ресурсов оппозиционной самодержавию кадетской партии. В этой ситуации предоставление университетам требуемой ими юридической автономии означало бы с точки зрения власти передачу системы высших учебных заведений под полный контроль оппозиции. Позиция университетской профессуры, радикально расходящаяся с точкой зрения правительства, являлась одной из главных причин того, почему новый устав в эпоху революции и третьеиюньской монархии так и не был принят.

В то же время *фактически* профессорские советы (в том числе Совет столичного университета) имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. Таким образом, *фактическая* автономия университетов была несравненно больше формальной. Любое вмешательство министерства (несмотря на его формально-юридическую обоснованность) в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало предельно жесткий отпор преподавательской корпорации. С этой точки зрения следует, на наш взгляд, рассматривать и участие преподавателей университета в так называемом освободительном движении, которое во многом шло под лозунгом борьбы за автономию высшей школы.

Надо отметить, что при этом в отношениях власти и преподавательской корпорации всегда присутствовало еще одно активное действующее лицо — студенчество, позиция которого, впрочем, определялась не столько корпоративными интересами, сколько влиянием на него определенных политических сил. Как известно, студенче-

ство столичного университета на протяжении рассматриваемого периода находилось в значительной степени под контролем радикальных (социалистических) политических сил — социал-демократов и эсеров³⁴⁹. При этом нельзя сказать, что эти левые организации отражали политические воззрения большинства студентов университета³⁵⁰. Между тем, они явно доминировали в среде тех социально активных студентов, которые участвовали в политических сходах и, следовательно, имели ведущие позиции в формируемых там органах студенческого самоуправления³⁵¹. Политика этих органов в целом соответствовала установкам тех левых партий, которые за ними стояли, превращая студенческое политическое движение второй половины 1900-х — начала 1910-х годов в движение революционное. Преподавательской корпорации в этих условиях приходилось отстаивать свои интересы, лавируя между властью и оппозиционным студенчеством. Попробуем схематично рассмотреть, как строилась эта политика — по нашему мнению, в рамках изучаемого периода ее можно условно разделить на четыре этапа.

На *первом этапе* (январь — октябрь 1905 года) Совет университета вполне осознанно принял серию мер, превративших университет, по словам генерал-губернатора Петербурга Д.Ф. Трепова, в арену «дерзкой и безнаказанной пропаганды революционных идей»³⁵². Примечательно, что в этот период решения Совета университета (или его своеобразного президиума — Советской комиссии) в ряде случаев прямо корреспондировались с решениями Совета студенческих старост, находившегося под контролем социалистических групп. Совет старост, в частности, организовывал революционные манифестации в стенах университета, которые к осени 1905 года (после их официального разрешения Советской комиссией) приняли общегородской характер. Только за первый месяц после этого разрешения в университете происходит 15 революционных сходов с участием тысяч «посторонних лиц», прежде всего рабочих³⁵³. Университетские профессора не только поощряли это студенческое движение, но и сами

приняли активное участие в деятельности либеральной оппозиции — сначала Академического союза и Союза союзов, а затем (с октября 1905 года) — кадетской партии³⁵⁴. Во многом благодаря их позиции в качестве неотъемлемой части либеральной программы демократических преобразований был выдвинут лозунг «автономии высшей школы»³⁵⁵. Позиция Совета столичного университета сыграла не последнюю роль в достижении университетами принципиальной уступки со стороны Министерства народного просвещения и верховной власти — указа 27 августа 1905 года о введении в действие новых правил управления университетами, предоставлявших профессорским советам фактическую автономию³⁵⁶. Тогда же был сформирован тот механизм принятия корпоративных решений, который существовал до Первой мировой войны. Характеризуя его, следует отметить, что почти все существенные решения, принятые профессорским Советом в этот период, предлагались и предварительно подготавливались либо его выборными органами (так называемой Советской комиссией или иными комиссиями, созданными по отдельным вопросам), либо непосредственно выборными ректором или проректором университета. Выборы же ректора, проректора, во все комиссии Совета, а также в профессорский дисциплинарный суд проходили в два тура рейтинговым голосованием, и такая система всегда гарантировала занятие этих магистратур представителями большинства — так называемой «левой»³⁵⁷, — «отсекая» во втором туре «консервативных» или «нейтральных» профессоров. «Левая» же, в свою очередь, была тесно связана с кадетской партией, представляя собой своеобразную «корпорацию» внутри корпорации; при этом вряд ли можно сказать, что партийные интересы всецело определяли корпоративные (скорее, уместнее говорить о том, что корпорация и партия народной свободы в этот период использовали возможности друг друга для пропаганды как либеральных политических идей, так и идеи автономии университета). Таким образом, *первый* выделенный нами *этап* полити-

ческой стратегии университета условно можно было бы охарактеризовать словами: «революция на службе корпорации».

Следующий этап хронологически можно определить как период с октября 1905-го по июнь 1907 года. В октябре 1905 года Министерство народного просвещения возглавляет граф И.И. Толстой, активный сторонник идеи университетской автономии, в лице которого корпорация находит деятельного союзника³⁵⁸; первоначально политику И.И. Толстого продолжает и его преемник на посту министра П.М. фон Кауфман³⁵⁹. Примечательно, что в этот период университетский Совет пытается использовать министерство и его директивы³⁶⁰ для борьбы со студенческим самоуправлением, которое вызывало беспокойство официальных университетских властей не столько радикальным характером тех политических сил, которые его контролировали, сколько притязаниями на вмешательство в важнейшие сферы жизни университета (прием студентов, распределение стипендий и т.п.). Для оценки *второго этапа*, таким образом, больше подходят слова «министерство на службе корпорации».

Вскоре после третьеиюньского переворота министр народного просвещения П.М. фон Кауфман и подчиненные ему попечители учебных округов в рамках нового политического курса издают ряд «охранительных» циркуляров, связанных со стремлением оградить университеты от политически неблагонадежных лиц³⁶¹, женщин³⁶² и евреев, и начинается с точки зрения нашей периодизации самый длительный по времени, *третий этап* политики профессуры по отношению к министерской власти (1907—1915; окончание министерства Кауфмана, министерства А.Н. Шварца и Л.А. Кассо). В этот период шло активное наступление министерства на университетскую «автономию», приведшее к настоящей «войне» между ним и профессорским Советом — «войне», в которой использовались все средства — юридические, полицейские, административные³⁶³. Особенно сложными для преподавательской корпорации выдались в этом смысле кризисы

1908³⁶⁴, 1910³⁶⁵ и 1911 годов³⁶⁶, в ходе которых корпорация вынуждена была «сдавать позиции» министерству. Так, профессорскому Совету не удалось отстоять систему студенческого самоуправления, которое он пытался использовать в качестве инструмента для контроля над ситуацией в студенческой среде³⁶⁷, и его влияние в ней существенно ослабло. Действительно, профессорская корпорация подвергалась в этот период давлению как со стороны революционно настроенного студенчества³⁶⁸, так и со стороны власти и пыталась лавировать между ними. На этом этапе незавидное положение корпорации можно охарактеризовать как «между министерством и революцией». Важно подчеркнуть, что патриотический подъем 1914 года не привел к существенному снижению уровня противостояния университетской корпорации и министерства Л.А. Кассо, кончина которого в ноябре 1914 года вызвала поистине восторженные отклики в либеральной прессе³⁶⁹. В частности, либеральная печать «патриотично» припомнила среди «заслуг» Л.А. Кассо «профессоров-назначенцев» немецкого происхождения и стажировки в Германии «под надзором немецких профессоров» молодых русских ученых. Как подчеркивал леволиберальный «День», характеризуя итоги «правления» Л.А. Кассо в Министерстве народного просвещения, «ненормально, когда русские ученые с мировым именем являются “изгоями” в нашем школьном деле, а в то же время на кафедры приглашаются иностранцы посредственных талантов и знаний»³⁷⁰. После смерти Л.А. Кассо обязанности министра временно исполнял товарищ министра – бывший профессор столичного университета барон М.А. Таубе, который имел репутацию не меньшего «реакционера», чем Л.А. Кассо³⁷¹.

В 1915 году отношения между Министерством народного просвещения и российским профессорским сообществом меняются в положительную сторону – министром назначается граф П.Н. Игнатьев, который позиционировал себя как сторонник университетской автономии. Профессура столичного университета во главе с ректо-

ром Э.Д. Гриммом принимает деятельное участие в разработке проекта нового устава. Активное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации. В этом смысле, имея в виду активное участие многих представителей преподавательской корпорации университета в новом оппозиционном движении, ориентированном на Прогрессивный блок и набиравшем силу как раз с 1915 года, правомерно говорить об элементе негласного «торга» Совета с министерством в этот *четвертый* и заключительный этап рассматриваемого нами периода, когда министерство вновь действовало в том направлении, в каком его подталкивала либеральная профессура.

Таким образом, очевидно, что основное содержание отношений с правительством и министерством для университета заключалось в отстаивании университетом идеи своей автономии, которая понималась как фактическая независимость от власти. В этих условиях, естественно, практически не было места для формирования позитивной программы сотрудничества власти и преподавательской корпорации. В то же время для понимания характера и степени институциональной вовлеченности университетской корпорации как института в общественную жизнь, ее способности реагировать на социальный заказ, особенно в рамках нашей темы, кажется важным кратко рассмотреть ее отношения не только с центральными, но и с региональными властями, которые в той или иной степени выражали местные общественные интересы и были социально «ближе» «университетскому миру», по крайней мере, в отличие от центральных властей не казались профессорскому сообществу источником постоянной «угрозы» университетской автономии.

В этой связи уместно напомнить, что представляла собой система городского управления. Система столичного городского управления в начале XX века как бы распадалась на две части — местная администрация, назначаемая «сверху», и городское самоуправление (или «городское общественное управление»). При этом реальным главой

города Петербурга был именно назначаемый Министерством внутренних дел градоначальник (или поставленный над ним генерал-губернатор)³⁷², контролировавший деятельность городского самоуправления и руководивший полицейскими силами. В интересующий нас период эту должность города занимали градоначальники И.А. Фуллон (1904–1905), В.А. Дедюлин (1905–1906), В.Ф. фон дер Лауниц (1906–1907), Д.В. Драчевский (1907–1914), А.Н. Оболенский (1914–1916) и генерал-губернатор Д.Ф. Трепов (с января по октябрь 1905 года)³⁷³.

Отношения с университетом складывались у градоначальников по-разному. После отставки И.А. Фуллона, на которого была возложена вина за события 9 января 1905 года, была учреждена должность генерал-губернатора, обладавшего чрезвычайными полномочиями. На нее был назначен Д.Ф. Трепов, который прославился знаменитым приказом «холостых залпов не давать, патронов не жалеть»³⁷⁴ и который видел в университете один из основных «рассадников революции» в столице; именно по его приказу на территорию университета в октябре 1905 года были введены войска. Особое раздражение Д.Ф. Трепова вызывала либеральная профессура, к массовому увольнению которой генерал-губернатор активно призывал³⁷⁵. Неудивительно, что университетское сообщество (и профессора, и младшие преподаватели, и студенты) воспринимало фигуру генерал-губернатора однозначно негативно. Не лучше складывались отношения университета и с его последователями В.А. Дедюлиным и В.Ф. фон дер Лауницем. Во время революционных беспорядков, проходивших в университете, Совет и Советская комиссия были вынуждены войти в сношение с градоначальником для расследования беспорядков³⁷⁶. Эта переписка на протяжении всего революционного времени шла весьма оживленно, отражая политические метания ректора и университетской элиты, а также взаимное недоверие, которое администрация университета и власть испытывали друг к другу³⁷⁷. Градоначальники периодиче-

ски «обвиняли» университетскую администрацию в сокрытии беспорядков.

Контакты между городской администрацией и университетом продолжились и после революционного подъема 1905—1907 годов, в эпоху градоначальника Д.В. Драчевского. Как ни парадоксально, отношения между новым градоначальником и университетом оказались значительно лучше прежних. Так, в критические дни января 1911 года (в момент наибольшего противостояния министерства Л.А. Кассо и университета) от шага, аналогичного шагу Совета Московского университета, коллективно подавшего в отставку в результате действий полиции, Совет Петербургского университета во многом удержала позиция петербургского градоначальника и полицмейстера В.Ф. Галле, которые если и не согласовывали с профессорами свои действия по наведению «порядка», то предупреждали администрацию университета обо всех более или менее крупных полицейских акциях. Как отмечал в разгар этих событий ректор Д.Д. Гримм, «полиция, которая вовсе не обязана сноситься с Ректором, на деле постоянно ведет переговоры с ним»³⁷⁸. Градоначальник, как правило, положительно реагирует на просьбы ректора освободить «невинных» студентов, арестованных в ходе полицейских облав первой половины 1910-х годов³⁷⁹. Лояльные отношения сохранялись даже несмотря на то, что градоначальник, как и его предшественники, делал периодические выговоры университету за революционную деятельность в его стенах.

Однако, как видим, контакты с назначаемой городской администрацией носили в целом «вынужденный» характер, и, по существу, их можно рассматривать в общем контексте отношений университета с центральными властями. Поэтому, как кажется, более важным для оценки вовлечения университетской корпорации в общественную жизнь является проблема ее взаимоотношений с так называемым «общественным управлением».

Напомним, что вплоть до 1917 года система городского самоуправления формировалась на основании Городо-

вого положения 1892 года. Выборы носили цензовый характер — состав избирателей и значение подаваемых ими голосов зависели от их имущественного положения. Согласно Городовому положению 1892 года, городская автономия была очень ограниченной. Компетенция думы была связана исключительно с вопросами городского благоустройства, общественного призрения и медицины. Лишь отчасти (в сфере организации и финансирования, но не регламентации деятельности) городская дума занималась вопросами народного образования (низшего и среднего) и безопасности (полиция и пожарная служба). Обсуждение политических вопросов для городских дум (равно как и земских собраний) было исключено. Согласно положению 1892 года, городской голова назначался правительственной властью из предложенных думой кандидатур, а члены городской управы, товарищи городского головы, председатели городской думы, будучи избираемы думой, также утверждались сверху. В 1903 году произошла реформа системы городского управления, закрепившая особое привилегированное положение Петербургской городской думы в сравнении с другими органами местного управления империи. В число столичных избирателей были включены квартиронаниматели, платившие достаточно высокий налог; круг решений думы, требующих министерского утверждения, был сужен, усовершенствован контроль за исполнительным органом местного управления; городской голова избирался думой, хотя и утверждался сверху³⁸⁰. В означенный период «городскими головами», избранными думой, были П.И. Лелянов (1898–1905), Н.А. Резцов (1905–1910), И.И. Глазнов (1910–1913), граф И.И. Толстой (1913–1915), затем опять П.И. Лелянов (1916–1917). В то же время и после нововведений избирательными правами пользовалось не более 0,8% населения города³⁸¹. Согласно обоснованному в литературе заключению, механизм правительственного контроля за действием общественного управления не столько содействовал лояльности местных органов самоуправления, сколько способствовал «разрыву между обще-

ством в лице его представительных органов и правительственную власть»³⁸². Как показано в историографии, ограничение компетенции думы и сферы ее деятельности со стороны центральных властей мешало осуществлению эффективного управления городским хозяйством³⁸³.

Учитывая консервативный состав избирателей и гласных городской думы, несудивительно, что долгое время органы городского общественного управления дистанцировались от всякого оппозиционного движения³⁸⁴. Однако на гребне революции в городском общественном самоуправлении резко усиливаются позиции «либералов», появляется целый ряд планов преобразований местного управления³⁸⁵. К началу XX века в Петербургской городской думе сформировались две партии: «стародумская» (П.И. Леяпов, С.А. Тарасов, И.И. Глазунов, И.И. Дернов, В.А. Тройницкий и др.) и «новодумская» (Е.И. Кедрин, П.А. Потехин, В.Д. Набоков, В.Д. Кузьмин-Караваев и др.). Однако постепенно, по мере развития революции, «стародумская» партия сдает свои позиции, а «новодумская» усиливается³⁸⁶; консерватора П.И. Леянова в 1905 году сменяет на посту городского головы знаменитый инженер, экономист, организатор российской бумажной промышленности Н.А. Резцов, политически близкий к «новодумцам».

С началом революции городская дума последовательно принимает участие в акциях «прогрессивного» характера (организация помощи жертвам 9 января, выработка программы либеральных реформ, приветствие Манифеста 17 октября, кампания призывов к отмене смертной казни, отмене законов об усиленной охране, участие в работе земско-городских съездов и т.п.)³⁸⁷. В 1906 году городская дума вырабатывает проект нового Городского положения, которое должно было принципиально расширить права общественного управления и минимизировать имущественный ценз для участия в местных выборах³⁸⁸. Этим планам и политической радикализации думы способствовала и гражданская активность горожан, в силу закона отстраненных от участия в муниципальной

деятельности, — с 1906 года во всех частях Петербурга создаются общества обывателей и избирателей, занимавшихся благоустройством города, тесно связанных с деятельностью думских гласных и принимавших активное участие в выборных кампаниях³⁸⁹.

Однако в целом политическая окраска думы заметно отличалась от прокадетской ориентации Совета университета. Цензовый характер выборов predetermined большее влияние в Петербургской думе консервативных сил³⁹⁰. Это проявилось еще на съезде земских и городских деятелей в ноябре 1905 года, где октябристски настроенные петербуржцы, отмечавшие необходимость общественного успокоения, оказались в меньшинстве³⁹¹. С началом спада революции эти настроения усиливаются как в среде основных избирателей, так и среди гласных, отражением чего стали думские выборы ноября 1906 года, на которых «новодумская партия» потерпела сокрушительное поражение³⁹². После же выборов 1909 года в думе усилилось правое крыло «стародумской партии», которое не могло простить «технократу» Н.А. Резцову его политики революционного времени. Вместо Н.А. Резцова городским головой был избран «стародумец» И.И. Глазунов, представитель известного издательского дома.

Однако «новодумцы» не смирились с поражением и вели ожесточенную борьбу за влияние на городских избирателей. После выборов 1909 года в качестве наследников «новодумцев» в думе формируется группа «Обновление», начавшая активную пропаганду против «стародумцев» в городском сообществе. В рамках этой кампании можно рассматривать, например, и начало издания двумя видными деятелями этой партии, гласными Л.А. Велиховым и М.П. Федоровым, журнала «Городское дело», имевшего всероссийский размах. Во вступительной статье к первому номеру журнала, выходившего с 1910 года, К.К. Арсеньев, сравнивая систему городского самоуправления в России и Пруссии, назвал основные пороки русской системы городского самоуправления —

узкий круг избирателей, ограниченность полномочий и полную зависимость от правительства³⁹³.

Итак, в послереволюционной городской думе основная борьба шла между так называемыми «стародумцами» (включавшими в себя правых депутатов, от черносотенцев до правых октябристов) и «обновленцами» (объединенными программой модернизации системы городского управления и хозяйства). На выборах 1912 года «обновленцам» удалось одержать относительную победу и провести в мае 1913 года на пост городского головы умеренного либерала, близкого к прогрессистам³⁹⁴, бывшего министра народного просвещения графа И.И. Толстого³⁹⁵. «Обновленцы», возглавляемые И.И. Толстым, продолжили выступать за расширение прав городского общественного управления. Естественно, что постепенно недовольство Министерства внутренних дел и градоначальника деятельностью городской думы и городского головы возрастало, усиливались давление на них и критика их работы в официозной прессе. При молчаливой поддержке центральной власти «стародумцы» вели политику по срыву заседаний общественного городского управления.

С началом Первой мировой войны дума и избранный ею городской голова сформулировали патриотическую платформу в заявлении, принятом 24 июля 1914 года. Тональность этого заявления была аналогична тональности тысяч таких же заявлений, принятых в эти дни в России (в том числе и Советом университета)³⁹⁶. Дума призвала к «внутреннему миру» во имя победы над опасным врагом³⁹⁷. В то же время для городского головы И.И. Толстого (как и для большинства городских депутатов) было характерно резкое возмущение теми «патриотическими акциями», которые переходили в шовинистические погромы (например, Германского посольства после начала войны); городской голова был категорически не согласен с переименованием столицы из Петербурга в Петроград, представлял интересы семей арестованных в столице германских подданных и т.д.³⁹⁸.

Таким образом, в чем-то положение «обновленной» городской думы в предреволюционные десятилетия было схоже с положением университетской корпорации. Дума, так же как и университет, вела борьбу за расширение собственной автономии за счет полномочий центральной власти³⁹⁹. С начала Первой мировой войны И.И. Толстой проводил политику «либерального патриотизма», которая, как мы увидим, была близка и Совету университета. В составе образованного в августе 1914 года Всероссийского союза городов Петроградское городское управление оказалось органичной частью оппозиционного общественного движения, ориентированного с 1915 года на Прогрессивный блок. Казалось бы, в этих условиях был бы уместен союз между городом (либеральным городским головой, лично знавшим большинство профессоров университета и с начала 1912 года являвшимся председателем Общества вспомоществования студентам Петербургского университета) и либеральным Советом университета⁴⁰⁰, тем более что несколько членов университетской корпорации в разное время являлись гласными думы, о чем свидетельствует нижеприведенная таблица.

Наибольшую известность из них в «революционной» думе имели профессор И.Я. Фойницкий, Н.И. Каресв, приват-доцент Л.В. Ходский⁴⁰², которые примыкали к левому крылу думы. Однако в новый состав думы в 1906 году они избраны не были.

Вообще, в думе 1904–1910 годов особое влияние имели приват-доцент юридического факультета Л.К. Дымша, который входил в большое количество комиссий (по юридическим вопросам; по вопросу о расходовании средств в больнице Марии Магдалины, о мерах по безопасности столичного населения, призрения нищих и др.), а в 1907 году был избран заместителем председателя думы⁴⁰³. Кроме Л.К. Дымши особое влияние имел приват-доцент юридического факультета И.М. Тютрюмов, который был одним из наиболее видных чиновных деятелей в составе корпорации. Будучи обер-прокурором

Таблица 5⁴⁰¹

**Преподаватели С.-Петербургского университета —
гласные городской думы**

Период полномочий	ФИО	Должность в университете	Факультет
1900—1906	Дерюжинский Владимир Федорович	Профессор	Юридический
1900—1906	Кареев Николай Иванович	Профессор	Историко- филологический
1900—1906	Ходский Леонид Владимирович	Приват-доцент	Юридический
1904—1910	Дымина Любомир Клеофасович	Приват-доцент	Юридический
1904—1910, 1910—1916, 1917	Тютрюмов Игорь Матвеевич	Приват-доцент	Юридический
1904—1910	Фойницкий Иван Яковлевич	Профессор	Юридический
1910—1916	Васильев Александр Васильевич	Приват-доцент	Физико- математический, математик
1907—1913	Иностранцев Александр Александрович	Профессор	Физико- математический, геолог
1910—1916	Кузьмин-Каравасв Владимир Дмитрисвич	Приват-доцент	Юридический
1913—1919	Ковалевский Максим Максимович	Профессор	Юридический
1910—1916	Пиленко Александр Александрович	Приват-доцент, профессор	Юридический

Продолжение табл. 5

Период полномочий	ФИО	Должность в университете	Факультет
1913–1919	Боргман Иван Иванович	Профессор	Физико-математический
1913–1919	Нечаев Василий Михайлович	Приват-доцент	Юридический

2-го департамента Сената, он в то же время занимал различные посты в городском общественном управлении (гласный городской думы, председатель постоянной Юридической комиссии при городской думе, заместитель председателя думы)⁴⁰⁴. Будучи членом Санкт-Петербургской городской комиссии по образованию, И.М. Тютрюмов также был попечителем 28 классов в начальных школах Санкт-Петербурга и двух профессиональных училищ⁴⁰⁵. Несколько меньшую активность проявлял профессор И.Я. Фойницкий, который возглавлял комиссию, подготавливавшую решения по регламентации времени «праздничного отдыха служащих в торговых и ремесленных учреждениях», а также представлял город в Комитете общества земледельческих колоний и ремесленных приютов⁴⁰⁶.

После 1909 года среди членов группы «Обновление» следует указать на университетских профессоров А.А. Иностранцева, А.А. Пиленко, М.М. Ковалевского. Среди лидеров «обновленцев» также были заместитель председателя думы в 1913–1916 годах В.Д. Кузьмин-Караваев – гласный думы, один из основателей партии демократических реформ; профессор Военно-юридической академии, приват-доцент университета и профессор Высших женских курсов В.М. Нечаев⁴⁰⁷. Одним из основных «агитаторов»-«обновленцев», которому эта «партия» в определенной степени обязана успехом на выборах

1912 года, стал профессор международного права университета А.А. Пиленко. Он даже написал книгу «Стародумцы и обновленцы» (1912), представлявшую «стародумскую партию» в прямо-таки анекдотическом свете. Особый упор автор делал на «дремучую» необразованность, крайнюю невежественность и отсталость «стародумцев»⁴⁰⁸. В 1912 году в число гласных городской думы избран и бывший ректор университета профессор И.И. Боргман, который благодаря этому избранию вновь активно включился в общественную деятельность на заключительном отрезке своего жизненного пути (он скончался в мае 1914 года). В думе И.И. Боргман стал членом больничной комиссии и в этом качестве попечителем Петропавловской больницы⁴⁰⁹. В думе он также примкнул к обновленцам, равно как и другой «новичок», коллега И.И. Боргмана по факультету, известный математик А.В. Васильев⁴¹⁰. Таким образом, представители университетской корпорации в городском общественном управлении без единого исключения присоединились к «обновленцам» и в этом смысле выражали в общественном управлении установки политического либерализма, свойственные университетскому сообществу.

В связи с довольно активным представительством университетской корпорации в городской думе, кажется неслучайным, что начиная с мая 1905 года в список первоочередных мер, представляемых городской думой на рассмотрение верховной власти и призванных политически оздоровить русское общество, наряду с традиционным набором «демократических свобод» вошли и меры, «гарантирующие широкое и правильное развитие образования, как высшего и среднего, так и низшего»⁴¹¹.

Однако, несмотря на высокий уровень личных контактов и связей между деятелями городского общественного управления и университета и вполне условия для взаимной корпоративной поддержки, мы вынуждены констатировать, что полноценного сотрудничества между городским общественным управлением и университетом ни в политическом, ни в общественно-профессио-

пальном смысле не состоялось. Изучение комплекса печатных и архивных материалов системы петербургского городского управления и университета (стенограммы заседаний городской думы, городские постановления, протоколы заседаний Совета и факультетов, делопроизводственная документация) показывает *спорадический* характер контактов между университетом и муниципальными властями как в 1905–1914 годах, так и в годы Первой мировой войны.

Укажем на некоторые примеры таких контактов и попытаемся понять, почему они не стали более масштабными. Так, в качестве примера добрых отношений общественного управления и университета можно отметить решение вопроса об увековечении памяти бывшего профессора университета – всемирно известного ученого Д.И. Менделеева. После письма городского головы Н.А. Резцова к ректору университета с выражением соболезнования университетской корпорации по поводу кончины Д.И. Менделеева родился проект городской управы по установке памятника ученому во дворе университета. Примечательно, что «конкурентом» университета за место установки памятника стал родной для Н.А. Резцова Технологический институт, и Совет университета считал необходимым выступить со специальным ходатайством в адрес городской управы, в котором обосновывался выбор места памятника в пользу университета, с чем согласились и городской голова, и дума. Впоследствии университет принял активное участие в сборе средств на сооружение памятника, организованном городским общественным управлением⁴¹². С другой стороны, по просьбе того же городского головы Н.А. Резцова университет в феврале 1906 года периодически предоставлял актовый зал университета для заседаний избирательной комиссии по выборам в Государственную думу⁴¹³ и для других нужд города.

К числу примеров гражданского взаимодействия между университетским сообществом и городскими властями можно отнести и контакты студенческого самоуправле-

ния с городской думой. Примечательно, что в условиях, когда полиция, подчиненная градоначальнику, в глазах лидеров студенческого движения выступала в качестве одного из организаторов контрреволюционных погромов, к городскому самоуправлению учащиеся высших учебных заведений относились с большим доверием. Так, после того как университетский Совет отказался выдать оружие «академическому легиону», студенты Петербургского университета на сходке (27 октября 1905 года), проведенной по инициативе социал-демократов, приняли решение направить делегацию в городскую думу с предложением организовать милицию для борьбы с массовыми убийствами, погромами и кровопролитием на улицах. При этом делегация заявила о «полной готовности стать первыми в ее ряды»⁴¹⁴. Одновременно делегация потребовала, чтобы городская дума незамедлительно отпустила для самозащиты «необходимое количество оружия и материальных средств для вооружения»⁴¹⁵. В советской историографии (вслед за соответствующей возмущенной резолюцией революционного Совета старост) подчеркивалось, что дума так и не вооружила студентов, «предоставив жизни тысяч молодых граждан России произволу подонков»⁴¹⁶. Это утверждение, конечно, является крайним преувеличением опасности для «молодых жизней» — ничего удивительного в том, что дума не раздала оружие студентам-социалистам, конечно, нет. Гораздо интереснее то, что городская дума в течение четырех дней обсуждала этот вопрос, затем (30 ноября 1905 года) создала комиссию по выработке мер по ограждению безопасности столичного населения⁴¹⁷. Комиссия эта, правда, ничего так и не решила, однако упразднена была только полгода спустя, в апреле 1906 года⁴¹⁸, когда уровень напряженности в городе снизился. Предложение студентов пришлось как нельзя кстати для прогрессивных депутатов думы, которые как раз в это время поднимали вопрос о создании «городской милиции» «взамен существующей правительственной полиции»⁴¹⁹. Впрочем, революционное студенчество в октябре 1905 года организу-

ет и вооружает собственные дружины самообороны без какой-либо санкции (но и без противодействия) со стороны городских властей.

Некоторые профессора выполняли собственные индивидуальные заказы, шедшие от городского общественного управления. Так, профессор восточного факультета В.Д. Смирнов обозревал в 1905 году по поручению городских властей народные школы в Германии, Бельгии и Австрии для выработки плана организации таких школ (типа *Hilfsschule*) в Петербурге⁴²⁰, однако эти случаи также были нечасты.

Единственная сфера, в которой университет в некоторой степени зависел от позиции городских властей, — это вопросы, связанные с освоением им под свои нужды городской территории. Например, в апреле 1907 года Совет по докладу ректора и по представлению физико-математического факультета постановил возбудить ходатайство перед С.-Петербургской городской думой о безвозмездной уступке участка земли для возведения на нем учебной и научной Астрономической обсерватории, на что последовала положительная реакция думы⁴²¹. В мае 1911 года последовало новое ходатайство Совета о передаче университету места, занимаемого Старым Гостиным двором (ныне здание факультета психологии)⁴²²; в сентябре того же года Советом было возбуждено дело о постройке Ботанического института⁴²³, которое, впрочем, постепенно заглохло. Однако понятно, что подобные контакты между университетской корпорацией и общественным самоуправлением в 1900-е — начале 1910-х годов возникают лишь по мере необходимости и носят в буквальном смысле единичный характер.

Следует подчеркнуть, что вступивший в должность в 1913 году новый городской голова И.И. Толстой, несомненно, обладал определенным доверием в университетской среде; в октябре 1914 года он был вновь переизбран председателем комитета Общества вспомоществования студентам университета⁴²⁴. В определенном смысле заслугой И.И. Толстого и ректора Э.Д. Гримма является то,

что с 1913 года в сравнение с предшествующим периодом сотрудничество между университетом и городом активизируется. Этому способствовало то, что И.И. Толстой, будучи городским головой, всегда выступал на стороне «прогрессивной профессуры» в отношениях с министерством. Весьма показательна та эпитафия, которой городской голова наградил (в своем дневнике) покойного министра народного просвещения Л.А. Кассо в ноябре 1914 года: «Вот потеря, о которой мало кто пожалеет: за 4 года управления министерством этот “истинно русский румын” сумел восстановить против себя решительно, кажется, всех, нанеся несомненный вред народному просвещению России и не удосужившись придумать ни единой плодотворной меры, не проявив ни малейшего положительного творчества: это был скептик и циник. <...> Поистине рыцарь печального образа, и со страхом и с упреком!»⁴²⁵ Крайне негативно относясь к Л.А. Кассо и его политике, И.И. Толстой, как искушенный в государственных делах чиновник, консультировал ректора относительно возможности «обойти» Министерство народного просвещения по вопросу поступления евреев в ряды студентов⁴²⁶.

Конечно, при характеристике отношений между городом и университетом необходимо учитывать, что вопросы высшего образования по закону были совершенно исключены из компетенции городской думы, а университетский устав просто не предусматривал возможности прямых контактов с городскими властями. Важно также то, что общественное управление столицы продолжало в большой степени зависеть от градоначальника, который пристально следил, чтобы городское общественное управление не выходило за пределы своих полномочий. Тем не менее нельзя не отметить, что петроградские муниципальные власти намного больше внимания уделяли таким учебным заведениям столицы, как Психоневрологический институт, Высшие женские (Бестужевские) курсы, Петроградский женский медицинский институт, Военно-медицинская академия, Политехнический инсти-

тут⁴²⁷. Городская дума также выделила денежное пособие Петербургскому обществу народных университетов, в работе которого, кстати, как мы упоминали, принимали активное участие такие деятели университетской корпорации, как М.И. Туган-Барановский, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, И.И. Боргман и др.⁴²⁸. Как видим, все эти институты занимались подготовкой медицинских, учительских и технических кадров, имевших практическое значение для города. Университет же изначально позиционировал себя как корпорацию, призванную решать глобальные задачи науки и просвещения, и в этом смысле не мог интересоваться общественным управлением в пределах тех полномочий, которые были ему даны в рамках «Положения...» 1903 года.

Экономический кризис, охвативший Петроград, создавал благоприятные условия для критики⁴²⁹ политики партии «обновления», которая проиграла «стародумцам» (выступавшим под именем «Деловой партии») на очередных выборах в феврале 1916 года⁴³⁰. И.И. Толстой, подавший в отставку по состоянию здоровья незадолго до этих выборов⁴³¹, анализируя причины слабости «обновленцев», отмечал политическую разнородность и связанные с ней противоречия внутри блока⁴³², в который входили люди как довольно консервативных, так и откровенно кадетских взглядов⁴³³. В результате власти считали их подозрительно «левыми», а оппозиционная общественность недостаточно «либеральными»⁴³⁴. После выборов новым городским головой был избран представитель «стародумцев» черносотенец П.И. Лебянов, и контакты университета и городского самоуправления оказались еще более затруднены. Не изменилась ситуация и после Февральской революции, когда Временное правительство приняло решение о перевыборах в городскую думу на основе всеобщего избирательного права. В результате только короткий период с марта по июнь 1917 года пост «временного городского головы» занимал бывший член группы «обновления» Ю.Н. Глебов, политически близкий университетским деятелям, но уже после выборов (июнь 1917) выяснилось, что подавляющее большинство

голосов получили левые партии, либералы же вновь остались в меньшинстве, и в июне того же года думу возглавил социалдемократ (меньшевик) А.А. Исаев, городским головой стал эсер Г.И. Шрейдер⁴⁸⁵. Таким образом, очевидно, что политические воззрения университетской профессуры на рубеже 1916—1917 годов значительно расходились как со взглядами «привилегированного меньшинства», голосовавшего за «Деловую партию», так и со взглядами большинства горожан, симпатизировавших левым.

V МОБИЛИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТА: ОБОРОНА СТРАНЫ ИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ КОРПОРАЦИИ?

Мировая война стала испытанием для всего русского общества. Университетские преподаватели вместе с другими представителями столичной интеллигенции в абсолютном большинстве были настроены патриотически, желая включиться в общую борьбу за победу. Однако насколько профессорская корпорация сама склонялась к выполнению «военного» социального заказа? Захотела ли она и смогла ли выполнить задачу «мобилизации» интеллекта для достижения победы? Удалось ли ей на этом пути достичь консенсуса с центральной властью, с общественным управлением и городской средой? Смогла ли она поступиться корпоративными целями ради общенациональных²⁴⁸⁶.

Следует подчеркнуть, что в годы войны университет продолжал оставаться важным центром городской общественной благотворительности, а его представители (и преподаватели, и студенты) принимали участие в разных сторонах жизни «воюющего» города.

Одним из отличий военного времени можно назвать бесконечные «кружечные сборы» на нужды раненых и пострадавших от военных действий. В стенах универси-

Мир
общес
гуман
солю
жел
соци
мало
она и
лекта
дости
ным у
посту
наста
След
Про
стес
пре
стор
Один
бес
постра

тета они проводились, начиная с 1914 года, равно как и в стенах других учебных заведений столицы, разными учреждениями и организациями – Обществом Красного Креста⁴³⁷, Комитетом по оказанию помощи раненым воинам русским, черногорским, сербским и их семействам и семействам убитых воинов⁴³⁸, Императорским Человеколюбивым обществом⁴³⁹, Всероссийским русско-черногорским благотворительным обществом⁴⁴⁰, Обществом помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям⁴⁴¹, Обществом для подачи врачебной помощи бедным женам, вдовам и сиротам воинов (Скобелевским)⁴⁴², Славянским благотворительным обществом⁴⁴³, Комитетом по сбору и распределению пожертвований на нужды войны⁴⁴⁴, Западно-Русским обществом⁴⁴⁵, Всероссийским национальным союзом⁴⁴⁶, Союзом для борьбы с детской смертностью в России⁴⁴⁷ и многими другими. Как и другие государственные и общественные учреждения, университет участвовал в организуемых городом благотворительных акциях в пользу солдат (подарки к Пасхе, сборы в помощь раненым)⁴⁴⁸. Министерство народного просвещения, которое организовывало эти мероприятия в подведомственных учебных заведениях, прислало в университет специально разработанный список, включавший в себя вещи, рекомендуемые к отправке в действующую армию (табак; сухари, хорошо высушенные; стеариновые свечи (небольшого калибра); средства от паразитов; столовая соль; сапожный починный товар и починные инструменты; кумачовые рубашки; толстые нитки, толстые иголки и т.п.)⁴⁴⁹. Среди благотворительных акций такого рода, по-видимому, наибольшее значение для университетской администрации имели те, которые были непосредственно связаны с благотворительной деятельностью высших учебных заведений. Так, в марте 1915 года в университете проводился сбор средств на устройство этапного лазарета петроградских высших учебных заведений⁴⁵⁰.

Кроме участия университета в деятельности Комитета и Исполнительной комиссии Петроградских высших учебных заведений отдельные члены университетской

корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в условиях военного времени. Например, профессор М.И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовавший сборы в пользу беженцев, в том числе и на территории университета⁴⁵¹. Ряд преподавателей Петроградского университета активно участвовали в деятельности Особого совещания по обороне, центрального аппарата Военно-промышленного комитета⁴⁵². Сразу две организации возглавлял приват-доцент юридического факультета В.В. Степанов: Особый отдел Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев и XII отдел Петроградского комитета Союза городов по оказанию помощи беженцам⁴⁵³. Ряд профессоров (например, Н.Я. Марр) принимали участие в деятельности известной Комиссии по изучению естественных и производительных сил России (КЕПС)⁴⁵⁴.

Однако более важным, чем участие в различных благотворительных мероприятиях и общественная работа отдельных деятелей университетского сообщества, представляется вопрос о политической позиции профессорской корпорации по отношению к ее задачам в условиях военного времени и о степени участия университета как института в решении задач национальной обороны.

О патриотической программе российских либералов (наиболее последовательно она была сформулирована представителями кадетов) написано довольно много. На первом этапе (до лета 1915 года) она включала в себя идею так называемого «внутреннего мира», то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями⁴⁵⁵. Идея «внутреннего мира» нашла выражение в заявлении ректора Э.Д. Гримма на экстренном заседании Совета университета⁴⁵⁶. Не менее патриотичен был и

«единодушно» принятый адрес Совета государю императору⁴⁵⁷. На протяжении всех военных лет университет продолжает демонстрировать этот официальный патриотизм, периодически организуя разного рода торжественно-патриотические мероприятия: избрание почетным членом университета бельгийского короля Альберта⁴⁵⁸, избрание великого князя Николая Николаевича почетным членом университета и приветственные телеграммы в его адрес⁴⁵⁹, избрание почетным членом университета председателя Государственной думы М.В. Родзянко⁴⁶⁰, участие в учреждении института исторических съездов имени Николая II⁴⁶¹ и т.п. Важной формой общественной активности и демонстрации профессорского патриотизма в годы войны было печатное слово⁴⁶². Как известно, русская либеральная общественность выступала в качестве одного из самых верных приверженцев Антанты⁴⁶³. В этом смысле ее органической частью выглядели и петроградские профессора. Будучи в большом количестве членами кадетской партии, они поддерживали политику, направленную на преодоление англофобской кампании в печати и критики позиции Англии со стороны правой части Государственной думы⁴⁶⁴. Петроградский университет выступает в качестве важного участника культурных контактов со странами Антанты. Особенно ярко эту роль университет играет в 1916 году, когда в Совете формируется программа сотрудничества российских ученых с интеллектуальной элитой Англии и Франции⁴⁶⁵. В декабре 1916 года почетным членом университета по предложению профессора В.А. Стеклова был избран посол Великобритании в России сэр Джордж Бьюкенен⁴⁶⁶. Здесь нельзя не отметить участие профессуры в деятельности многочисленных институтов, созданных с целью упрочения отношений союзников, – Общества сближения с Англией, Русско-английского общества, Французского института и т.п.⁴⁶⁷. Определенное значение также имели формальные (санкционированные властью) и неформальные⁴⁶⁸ контакты союзников с представителями либерального крыла интеллектуальной элиты.

Однако доктрина либерального патриотизма отнюдь не предполагала идеологической поддержки самодержавия. Характерно, что уже с самого начала войны профессора (впрочем, как и большинство столичной интеллектуальной элиты) выражали недовольство различного рода проявлениями шовинизма и германофобии⁴⁶⁹. В частности, это проявилось в позиции столичного университета в период так называемой войны «манифестов профессоров», в которой профессора и ученые враждующих государств обменивались взаимными обвинениями и настаивали, что именно их сторона в настоящей войне защищает «культурные ценности» от варваров⁴⁷⁰. Администрация столичного университета была вынуждена сознательно отказаться от составления ответа немецким профессорам (как это делали другие учебные заведения), поскольку было ясно, что единодушного одобрения от университетского Совета такое заявление не получит. Поэтому университетская администрация пошла по пути составления проекта всероссийского профессорского и академического манифеста от имени «группы профессоров» столичного университета, который впоследствии стал «всероссийским ответом» германским ученым⁴⁷¹ и по своей тональности не выходил за рамки парадигмы либерального патриотизма — поэтому под документом стоят подписи ряда членов кадетской партии. Однако и этот достаточно умеренный текст манифеста не подписали многие члены Совета университета (в том числе такие известные ученые, как А.И. Воейков, И.М. Гревс, А.А. Жижиленко, И.И. Лапшин, В.А. Стеклов, А.А. Шахматов, В.М. Шимквич и др.), не говоря уже о многих профессорах и академиках, преподававших в университете в качестве приват-доцентов⁴⁷². Такая осторожная национально-либеральная позиция университета в достаточной степени проявилась и в процессе «исключения» из состава почетных членов университета подданных вражеских государств. Вопреки прямому указанию Совета министров университетскому Совету удалось ограничиться исключением одного профессора, фон Листа, подпи-

савшего «Воззвание к культурному миру», являвшееся одним из наиболее агрессивных документов «войны профессоров»⁴⁷³.

Итак, позиция петроградской профессуры была достаточно осторожной, но далекой от национализма. Так же как и большая часть духовной элиты России, петроградские профессора воспринимали «отечественную войну» как «войну надежды для России»⁴⁷⁴ — войну, которая объединит нацию и правительство и подвигнет их к реформам. Безусловно, претензии на патриотизм у профессорской корпорации сочетались с ярко выраженной оппозиционностью. Ее близость к кадетской партии обусловило и то, что большинство петербургских профессоров поддерживали требования так называемого «прогрессивного блока» в Государственной думе, то есть стояли за введение так называемого «министерства народного доверия» — правительства, формируемого Думой, — поскольку полагали, что власть не способна эффективно вести войну и управлять страной⁴⁷⁵. В этом смысле петербургские профессора являлись органичной частью оппозиционного общества.

В этих условиях определить размеры помощи университету фронту довольно трудно, равно как и дать однозначную оценку ее значению, хотя бы потому, что во всех смыслах сложно отделить акции, которые позиционировались университетом как патриотические или имеющие оборонное значение, от «реальной» работы на победу.

В качестве заслуги университета следует отметить его участие (вместе с городом) в развертывании госпиталя («лазарет высших учебных заведений»⁴⁷⁶), организации санитарных курсов при физико-математическом факультете, работу университета вместе с представителями городской власти в рамках Комитета помощи пострадавшим от войны. В отчетах университета подчеркивалось, что в зданиях университета было открыто несколько госпиталей, размещен один из запасных полков, ряд студентов университета с первых дней отправились на фронт добровольцами или санитарами. В управлении лазарета

ми принимали участие жены профессоров и приват-доцентов университета⁴⁷⁷. Университетская корпорация постановила отчислять 3% жалования в пользу лазарета высших учебных заведений⁴⁷⁸.

Еще в августе 1914 года ректор получил письмо из министерства, адресованное всем университетам по поводу помощи фронту высших учебных заведений в деле изготовления лекарств. Проблема заключалась в том, что в Петроградском университете не было медицинского факультета. В связи с этим его обязанности были возложены на физико-математический факультет, который имел химическую лабораторию. Однако возможности ее изначально, по признанию ректора, были слишком малы¹⁷⁹. Впрочем, физико-математический факультет действительно оказался (в ряду существовавших еще историко-филологического, юридического и восточных языков) наиболее приближенным к практическим потребностям военного времени. В лабораториях факультета изучались способы борьбы с «удушливыми средствами», разрабатывались взрывчатые вещества⁴⁸⁰. Отчасти благодаря «военному фактору» сначала в 1914 году было образовано химическое отделение факультета (идея которого существовала и раньше)⁴⁸¹, а в 1915 году — химико-фармацевтическая группа⁴⁸². Еще в сентябре 1914 года один из профессоров факультета (Х.Я. Гоби) поставил вопрос об организации при факультете санитарно-бактериологических курсов⁴⁸³, однако реальная возможность их открытия появилась только в 1917 году⁴⁸⁴. С самого начала войны профессорская корпорация Петербурга выступила с призывом к преодолению зависимости от Германии в ряде научных и технологических сфер (особенно велика была зависимость России от Германии в естественных дисциплинах, химии и медицине)⁴⁸⁵. В апреле 1915 года группа петроградских профессоров (в том числе университетских) обратилась в министерство с запиской, в которой указывалось, что теперь наступило время «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». С этой целью

авторы записки желали основать в Петрограде четыре научных журнала: по зоологии, ботанике, гистологии и бактериологии⁴⁸⁶; в апреле 1916 года к ним прибавился и план организации журнала по физиологии⁴⁸⁷. В министерстве к этим замыслам отнеслись сочувственно, однако в большинстве своем проекты так и остались проектами. Впрочем, понятно, что идеи подобного рода, поскольку по ним запрашивалось государственное финансирование, отражали скорее не столько «патриотические чувства» профессоров, сколько желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию. Так, например, министерство согласилось по ходатайству профессоров финансировать журнал «Зоологический вестник», «но с тем, чтобы и университет пошел навстречу данному начинанию назначением соответствующего пособия из своих специальных средств» и, после того как в министерство была представлена смета журнала, вновь подняло вопрос о софинансировании⁴⁸⁸ и получило ответ, что об этом не может быть и речи «ввиду чрезвычайного увеличения цен на ремонтные работы, топливо и проч. — смета специальных средств в текущем году и, возможно, — в будущем, по всему вероятно, будет заключена с дефицитом»⁴⁸⁹. В результате журнал издавался только на министерские деньги, но в ограниченном объеме⁴⁹⁰.

Особенно показательна для характеристики практической деятельности университета попытка организации в его составе «практического» медицинского факультета. В течение четырех лет, с 1913 по 1917 год, университет, по существу, игнорировал предложения городского общественного управления. Еще в марте 1913 года на заседании городской думы гласный Г.А. Фальброк (кстати, один из лидеров близкой университету группы «Обновление») возбудил ходатайство по поручению «некоторых уездных городов и земств северных губерний» об организации медицинского факультета или расширении Петроградского женского медицинского института⁴⁹¹. Дело было передано в комиссию «о пользах и нуждах общественных», которая назначила по этому вопросу совещание, к

работе которого был привлечен широкий круг лиц, включая целый ряд представителей университета во главе с ректором Э.Д. Гриммом. Совещание, созванное в марте, проходило под председательством Г.А. Фальброка. Совещание, а вместе с ним и комиссия, пришли к выводу о необходимости для нужд города организации медицинского факультета университета, причем аргументы в пользу создания факультета были «весьма многочисленны»⁴⁹². В то же время уже на самом совещании со стороны физико-математического факультета звучали возражения против этого плана, которые были обозначены в постановлении депутатской комиссии весьма неопределенно как связанные с «печальным состоянием» уже существующих естественно-научных учреждений университета и «соображениями внутренней университетской жизни временного преходящего характера». Для того чтобы «подсластить» решение, заставляющее физико-математический факультет (как наиболее близкий по профилю) заниматься организацией медицинского факультета для нужд города, депутатская комиссия составила представление в министерство, по которому должны были строиться общие здания и лаборатории для физико-математического и медицинского факультетов. Общий объем депутатского проекта составил огромную сумму в 11 млн руб., правда, депутаты были согласны за счет города только выделить участок земли, проект же предлагалось профинансировать правительству⁴⁹³. Примечательно, что в Министерстве народного просвещения, возглавлявшемся «ретроградом» Л.А. Кассо, проект принципиальных возражений не вызвал (и также получил положительное заключение Государственной думы, согласной открыть его финансирование), однако университет по представлению физико-математического факультета это предложение городской думы все равно отверг (история вопроса об организации медицинского факультета изложена в протоколах заседания комиссии по реформе высшей школы)⁴⁹⁴. С особой резкостью против создания медицинского факультета выступил академик В.А. Стек-

лов. Особенно интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к идее создания факультета) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета установить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций»⁴⁹⁵. Интересно, что сам городской голова граф И.И. Толстой (прекрасно представлявший как расклад сил в университетской корпорации, так и бюрократическую практику Министерства народного просвещения) изначально относился к плану Г.А. Фальброка скептически, прогнозируя, что «все это пустое и ничего на практике не выйдет... все кончится пуфом и скандалом для городской думы»⁴⁹⁶.

По-видимому, дело об образовании медицинского факультета при университете так бы и «заглохло»⁴⁹⁷, если бы не кризисная кадровая ситуация, сложившаяся в ходе войны, которая в конце концов поставила вопрос о подготовке врачей снова со всей остротой⁴⁹⁸. В условиях нехватки врачей в 1916 году Петроградский женский медицинский институт сначала получил право присуждать ученые степени и звания лицам мужского пола, а затем, с 1917 года, начал прием студентов-мужчин⁴⁹⁹. В этой ситуации Министерство народного просвещения предпринимает попытку повлиять на Петроградский университет и побудить его создать новый факультет. Поскольку дух проектируемого П.Н. Игнатьевым университетского устава⁵⁰⁰ не позволял прямо «навязать» университету новый факультет сверху, министр выбирает иной путь, связанный с организацией в июне 1916 года Пермского отделения Петроградского университета, которое планируется впоследствии преобразовать в самостоятельный университет⁵⁰¹. При этом как в Перми, так и в Петрограде открывается сначала сроком на четыре семестра так называемая «медицинская группа» физико-математического факультета⁵⁰². Официально предполагалось, что ее выпуск-

кники по окончании курса должны быть переведены на медицинские факультеты в другие университеты. Однако, по-видимому, министерство подводило физико-математический факультет и университет к необходимости организации полноценного медицинского факультета⁵⁰³. Впрочем, реализации этих планов помешали как революционные потрясения 1917 года, так и твердая позиция университетской профессуры, полагавшей, что «включение в цикл преподаваемых в университете дисциплин предметов узко-практического характера, вхождение в состав университета большого числа профессоров-клиницистов, то есть представителей чисто практических профессиональных знаний и т.п. — все это не может не нарушить научной жизни и духа университета»⁵⁰⁴.

Эпизод с попыткой создания медицинского факультета вполне отражает не только качество отношений университета с муниципальными и центральными властями, но также в более широком смысле ситуацию с отношением университетской корпорации к общественным нуждам военного времени. В то же время, на наш взгляд, наиболее важным является то обстоятельство, что сама практика университетского преподавания не была ориентирована на выполнение конкретного социального заказа. Представления об «университетской автономии», господствовавшие в среде профессуры, не способствовали такой постановке вопроса. Можно констатировать, что серьезного воздействия на практику преподавания и научной деятельности абсолютного большинства кафедр университета война не оказала. Изучение отчетов университета и факультетских «обзрений» преподавания показывает почти полное отсутствие каких-либо корректив в университетской программе, которые можно связать с войной. Идеал университета — как своеобразной «башни из слоновой кости», — который независим от политических и социальных бурь, ярко представил, например, последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм. По его словам, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче

образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было ненаучным целям»⁵⁰⁵.

Таким образом, анализируя подход университетской корпорации к событиям военного времени, можно констатировать, что при всем «патриотизме» профессоров война воспринималась прежде всего как инструмент реализации определенных как политических, так и корпоративных ценностей, важных для профессуры. Такова, на наш взгляд, была стратегия профессорского патриотизма. Как соотносилась она со студенческим патриотизмом?

В литературе многократно, хотя и по-разному, описывался патриотический подъем петербургского студенчества в начале войны⁵⁰⁶. Действительно, вплоть до марта 1915 года в столице периодически проходили манифестации патриотически настроенной молодежи, включая и студентов Петроградского университета⁵⁰⁷. Наиболее масштабный характер носила студенческая патриотическая манифестация 8 октября 1914 года, продолжавшаяся шесть часов и собравшая несколько тысяч человек⁵⁰⁸. Вплоть до 1917 года в Петрограде активно действовал Объединенный студенческий комитет, представлявший разные вузы города и поставивший задачу организации студенческой помощи фронту. Эта работа прежде всего заключалась в сборе книг и вещей для солдат⁵⁰⁹. В 1914 году в Петрограде возникают такие патриотические студенческие издания, как «Вспни воды» и «Северный гуслир»⁵¹⁰. Вскоре после начала замятий, в сентябре 1914 года, в Петроградском университете распространялось патриотическое воззвание студентов, под которым в короткое время было собрано несколько сот подписей⁵¹¹. Студенчество университета активно включилось в «интеллектуальную войну», которую развернули профессорские корпорации. В этом смысле характерна тональность резолюции, принятой сходкой студентов 3 октября 1914 года. Она уже значительно отличается от «ответа профессоров» на «Воззвание к культурному миру» повышенным уровнем национализма⁵¹².

И.И. Толстой также шел навстречу администрации университета и в другом вопросе — в широком привлечении городской управой студентов в общественные организации, образованные в связи с войной. Речь, в частности, идет о таких организациях, как Всероссийский земский союз, лазарет «Русского учительства», Комитет памяти Пирогова, Городской лазарет, Российское общество Красного Креста, Всероссийской союз городов и т.п.⁵¹³. По словам городского головы, для ректора Э.Д. Гримма это было весьма важно прежде всего для того, чтобы «отвлечь» студентов от политики, «так как Кассо угрожает в случае малейшего движения в университете закрыть его и предоставить здание под постой войск»⁵¹⁴. И.И. Толстой также соглашается на проведение студенческих сходок для обсуждения вопроса о помощи раненым вне университета (поскольку ректор опасался, что на нее «косо посмотрит» министр народного просвещения) — в стенах подведомственных ему учреждений — в студенческой столовой (курировалась Обществом вспомоществования студентам) и здании городской думы.

Но насколько глубокой была солидарность студенчества с фронтом? Профессор П.И. Новгородцев в статье, в целом построенной как своеобразный гимн российской высшей школе в годы войны, вынужден был признать, что у многих русских студентов, особенно «петехнических специальностей», просто не было возможности проявить свой патриотизм и большинство продолжало жить обычной университетской жизнью⁵¹⁵. В качестве примера «патриотической акции» гуманитарного студенчества можно упомянуть деятельность организованного в 1915 году Кружка балкановедения, которая, впрочем, большого успеха не имела⁵¹⁶.

Интересно, что патриотические порывы университетского студенчества, равно как проявление *самодельности* учащихся других учебных заведений города, также казались министерству опасными. После одной из акций студентов в октябре 1914 года в университет (равно как и в другие учебные заведения) пришел возмущенный цир-

куляр попечителя, который указывал на незаконность подобного рода акций и предупреждал начальников учебных заведений о недопустимости организации подобных не санкционированных правительством демонстраций⁵¹⁷.

В литературе присутствует точка зрения о якобы массовых призывах студенчества в армию в связи с постановлением Совета министров империи от 30 сентября 1914 года⁵¹⁸. Однако в действительности мобилизация студентов, и особенно студентов университетов, долгое время носила весьма ограниченный характер⁵¹⁹. Ситуация начала постепенно меняться только весной 1916 года. Особенно ярко это проявилось в Петроградском университете. Если до апреля 1916 года на военную службу было призвано всего несколько десятков студентов (главным образом те, кто по возрасту не имел права на отсрочку), то в течение апреля–октября 1916-го в действующую армию или в военные училища было призвано около половины обучавшихся в университете⁵²⁰. С нашей точки зрения, именно в этом заключается одна из основных причин того (на что обращали внимание многие исследователи), что в Петрограде, как и во всей империи, к 1916 году студенческий патриотизм сменился студенческой усталостью⁵²¹ или пацифизмом⁵²². Другой причиной, конечно, было отчаянное в экономическом отношении положение студентов (жизнь впроголодь, отсутствие жилья, денег на обучение)⁵²³. Следует также учитывать, что с 1915 года резко активизируется деятельность радикальных политических групп внутри студенчества⁵²⁴. Можно сказать, что студенчество стали массово отправлять на фронт не тогда, когда оно в целом было лояльно правительству, а в пору его массового перехода в оппозицию. Именно студенты часто выступали в роли революционных пропагандистов в среде солдат⁵²⁵.

Таким образом, студенчество, будучи в значительной своей части в начале войны настроено патриотически и в подавляющем большинстве лояльно по отношению к власти, к 1917 году оказалось сильно подвержено пацифистским влияниям, став одним из активных участников

Февральской революции. В этом смысле изменения позиций студенчества в своей тенденции отражали перемены российского общественного мнения в целом и отличались от настроений преподавательского сообщества⁵²⁶. Показательно, что большинство профессуры (как и в целом российской интеллектуальной элиты) в основном поддерживало политику Временного правительства и линию «надклассового патриотизма», связанную с продолжением войны, в то время как большинство населения было настроено явно антимилитаристски⁵²⁷.

После Февральской революции либеральной профессуре казалось, что ее цели достигнуты не только в политическом, но и в корпоративном смысле. «Консерватора» Н.К. Кульчицкого сменил опальный бывший ректор (уволенный в 1911 году Л.А. Кассо) кадет А.А. Мануйлов, а выполнять обязанности его заместителя было поручено бывшему «либеральному» ректору Петроградского университета Д.Д. Гримму (также в 1911 году ушедшему со своего поста под давлением министерства); вместо «консервативного» М.К. Любавского ректором Московского университета избирается бывший заместитель А.А. Мануйлова М.А. Мензбир⁵²⁸ и т.п. Одним из первых распоряжений нового министра было распоряжение о восстановлении на службе преподавателей, отстраненных от нее прежним режимом за политическую деятельность⁵²⁹. После июльского кризиса Временного правительства и отставки А.А. Мануйлова министром стал признанный идеолог русского либерализма, член и непременный секретарь Академии наук, бывший профессор Петроградского университета С.Ф. Ольденбург (также член кадетской партии). Хотя общий устав университетов и не был принят, отдельные акты, изданные Временным правительством, устанавливали ту систему искомой почти полной университетской автономии, за которую боролось не одно поколение профессоров⁵³⁰.

Но уже вскоре с установлением большевистского режима начался процесс постепенного демонтажа прежней системы российского высшего образования. Эта полити-

ка, естественно, вызвала протест и противодействие со стороны профессуры. Столкнувшись первоначально с бойкотом со стороны высших учебных заведений⁵³¹, новая власть вынуждена была действовать осторожно, ведя с университетскими корпорациями определенную игру, включив профессуру в обсуждение планов преобразований высшей школы⁵³². Когда же планы власти навязать высшим учебным заведениям свой вариант устава завершились провалом — на июльском и сентябрьском совещаниях 1918 года по реформе высшей школы, на которых тон задавали представители старой профессуры, они были категорически отвергнуты, — Наркомпрос переходит в решительное наступление. Один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающие прежние «права университетов», — декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней (1 октября 1918 года)⁵³³, закон, принятый ВЦИК в ноябре того же года под названием «Положение о единой трудовой школе»⁵³⁴, ряд других⁵³⁵. В то же время новая власть действует постепенно, понимая, что мгновенной советизации высшей школы достичь невозможно. В конце 1918 года Наркомпрос объявляет всероссийский конкурс по замещению кафедр в высших учебных заведениях. Так же как и в других вузах, в Первом Петроградском университете (как теперь именовался бывший Императорский университет) на должности преподавателей были переизбраны те же дореволюционные профессора — Ф.Ф. Зелинский, А.А. Шахматов, И.М. Гревс, В.М. Шимкевич, В.А. Стеклов, Н.Я. Марр, А.С. Догель, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Н.И. Карсев и др.⁵³⁶. Наркомпрос не пытался этому противодействовать; для него было важно, что профессура своим участием в выборах согласилась с предложенными ей правилами игры. Некоторые авторы усматривают определенную непоследовательность политики большевиков относительно университетской корпорации и университетской автономии, имея в виду, что режим периодически шел на уступки то профессорам, то студентам⁵³⁷. С нашей точки зрения, речь идет скорее о *за-*

игрывании власти с опасными для нее социальными акторами. При этом общее направление политики, имеющее целью установление контроля над университетами, оставалось неизменным.

Такая умелая политика позволила новой власти то, что не могла, а в некотором смысле и не хотела делать прежняя власть, — *сломать* университетскую корпорацию, советизировать ее, сделать составной частью государственной машины. Эта политика заигрывания маскировала коренную перестройку высшей школы в 1918—1922 годах, связанную с наплывом в студенческую среду полуобразованных масс, отъездом, арестами и высылкой ряда профессоров, реформированием программ и всей системы высших учебных заведений⁵³⁸. В июле 1922 года Совнарком принял новое Положение о высших учебных заведениях, лишая их даже призрака автономии. К началу 1923 года Петроградский университет (равно как и другие университеты страны) превратился уже в чисто советское учреждение. А его новый ректор профессор Н.С. Державин, назначенный советской властью, оправдывал практику назначения профессоров и доцентов властью и в пафосном стиле заявлял о том, что в нынешних условиях сам лозунг «автономии» высшей школы является контрреволюционным⁵³⁹.

* * *

Мы видели, что столичный университет начала XX века, с одной стороны, создавал цепь общественных структур, без которых было немыслимо существование городского культурного сообщества, с другой стороны, университетские преподаватели составляли значимую часть ряда внеуниверситетских общественных организаций Петербурга. Важно, что и преподавательская, и студенческая части университета способствовали созданию множества общественных образований, которые вполне допустимо рассматривать в контексте развития гражданского общества в России. Идея общественного служения, характерная для российской интеллигенции, подвигала

деятелей университетской корпорации к участию в различных социальных и образовательных проектах, да и сам университет в эти годы, приоткрыв свои двери для публики, являлся крупным просветительским центром города. В этом видится суть той социальной роли, которую университет играл в городском сообществе.

В то же время очевидно, что университетский мир начала XX века представлял собой весьма сложную социальную структуру, различные элементы которой в разной степени испытали воздействие бурных общественно-политических, социальных и культурных процессов, происходивших в столице Российской империи в 1905–1907 годах. Политические и социальные трансформации наибольшее воздействие оказывали на студенчество, в мировоззрении и гражданской позиции которого как в зеркале отражались идеологические и социальные битвы начала XX века, разворачивавшиеся в России. В среде студенчества менялись традиции политического радикализма и шла социальная демократизация; материальный достаток большинства студентов снижался. Преподавательский мир в не меньшей степени, чем студенческий, был захвачен политическими баталиями, однако влияние разворачивающихся событий на жизненный уклад преподавательской корпорации было не столь значительно. Отчасти это положение объясняется стабильностью ее административного устройства, базирующегося на университетском уставе 1884 года. В то же время неизменность устава 1884 года в условиях резкого роста числа студентов предопределила нарастание кризисных явлений и внутри преподавательской корпорации, в первую очередь противоречия между «младшими» и «старшими» преподавателями. Однако, как было отмечено, специфической чертой Петербургского университета, выделявшей его среди других российских университетских сообществ, было представление о преподавательском сообществе как едином целом, включавшем в себя как профессоров, так и приват-доцентов, что придавало ему особую сплоченность. Несмотря на это, основу универси-

тетской корпорации продолжала составлять именно профессура, в отличие от приват-доцентов имевшая право решающего голоса в выработке позиции университета по тому или иному вопросу его «внутренней» и «внешней» политики.

В центре внимания профессорской корпорации в революционную эпоху часто оказывались отнюдь не академические, а политические проблемы. Однако, как кажется, такое внимание к политическим вопросам для большинства профессоров (не имевших собственных политических амбиций) все же имело в своей основе не столько желание непосредственного участия во власти, сколько стремление посредством политических инструментов обеспечить свои академические и корпоративные интересы. При этом эти интересы во многом опирались на идеальные представления об университете как «храме науки», независимом от утилитарных интересов государства и общества. Именно поэтому важнейшей задачей корпорации было достижение университетской автономии, которая виделась ей как важный инструмент для реализации ее идеальных представлений. Не вызывает сомнений то, что кадетская профессура являлась интеллектуальной базой и одним из важных инструментов влияния кадетской партии как на власть, так и на студенческие массы. Однако при этом университетская «левая» никогда не связывала себя напрямую с деятельностью кадетской партии, а руководство партии предпочитало не связывать профессоров определенными директивами. Таким образом, связь университетской корпорации как с кадетами, так и с освободительным движением в целом ни в коей мере не ограничивала ее действий, направленных на защиту собственных корпоративных интересов и представлений об «идеальном» университете.

Все это давало возможность корпорации в разные моменты опираться на различные политические силы и институты, фактически сохраняя свою независимость от них. Студенческое движение на протяжении всего рассматриваемого периода в нужный момент использовало

лось корпорацией для борьбы с правительством за «автономию», для той же цели в 1905 году использовался и союз с «младшими преподавателями». Министерство народного просвещения (в эпоху И.И. Толстого, а затем и П.Н. Игнатьева) использовалось для утверждения «автономии» и одновременно для ослабления «захватившего» в какой-то момент «слишком много власти» студенческого самоуправления. Студенческое представительство (до 1908 года), а затем и студенческая кадетская организация (эпоха А.Н. Шварца и Л.А. Кассо) использовались для контроля над студенческим движением, а сама партия «народной свободы» и контролируемая ею печать — для борьбы с министерством и пропаганды корпоративных интересов. С началом «второй отечественной войны» в 1914 году университетская трибуна использовалась для пропаганды «либерального патриотизма», а сама доктрина «либерального патриотизма» становилась инструментом борьбы за ценности, близкие профессорской корпорации.

Как видно, в этом ряду социальных акторов, выступавших в роли партнеров Петербургского университета, объективно не находилось места тем общественным институтам, которые в рамках существовавшей экономической и политической ситуации не могли ничего сделать для университетской корпорации и ее автономии. К числу таких институтов можно отнести и петербургское общественное управление, от решений которого университет практически не зависел. Отношения университета с городским сообществом, таким образом, показывают, что в определенной степени идея автономии университетов от государства в российских условиях, в ситуации отсутствия прочных гражданских институтов, превращалась в идею автономии университетов от общества, игнорирования социального заказа. В то же время бюрократизация, тотальная регламентация со стороны государства сковывала и университет, и местное самоуправление, лишая их реальной инициативы, создавала почву не для

совместной работы, а для совместной фронды по отношению к центральной власти.

Таким образом, складывается очевидное на первый взгляд противоречие между ролью университета как крупнейшего в столице культурного, просветительского и общественного центра начала XX века и его ролью как общественной корпорации, замкнутой на собственных интересах, — своеобразной «башни из слоновой кости». Надо, впрочем, помнить, что противоречие это внешнее — именно ситуация фактической свободы и академической автономии способствовала культурной притягательности университета для петербургской интеллигенции. Другое дело, что эта ситуация имела и обратную сторону — с изменением политического режима после революции 1917 года и краха «башни из слоновой кости» неизбежному разгрому должен был подвергнуться и Петроградский университет. В 1920-е годы произошла ликвидация не только «университетской автономии», но и почти всех общественных структур, созданных при университете в начале XX века.

¹ *Ерман Л.К.* Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; *Лейкина-Свирская В.Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981; *Ушаков А.В.* Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895—1904. М., 1976; *Абросимова Т.А.* Интеллигенция и политические партии в начале XX века // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 29—55, и др.

² *Ганелин Р.Ш., Нардова В.А.* Первая мировая война и петроградская оппозиционность // Феномен Петербурга: Труды Международной конференции, состоявшейся 3—5 ноября 1999 г. во Всероссийском музее им. А.С. Пушкина. СПб., 2000. С. 189—208; *Лимонов Ю.А.* Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология: Материалы Российской научной конференции. СПб., 1999, и др.

³ *Жаба С.* Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу: доклад студента Петроградского университета С.П. Жаба, представленный Второму съезду российских эмигрантских студенческих

ких организаций. Paris, [б.г.]; *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108–127; *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999; *Иванов А.Е.* Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Морфиси С.* Между патриотизмом и радикализмом: Петроградские студенты в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб., 1999; *Марков А.Р.* Что значит быть студентом. М., 2005, и др.

⁴ Из очерков историографии вопроса см.: *Борисенко М.В.* Участие студенчества Петербургского университета в революционном движении в 1907 – феврале 1917 г. (историография вопроса) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Т. 5. С. 136–150; *Вахтерова О.А.* Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. Из работ наиболее существенными, на наш взгляд, можно считать следующие труды: *Борисенко М.В.* Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984; *Ганелин Р.Ш.* Петербургский университет и правительственная политика (из истории студенческого движения) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 6. С. 112–135; *Гусятников П.С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971; *Завадский Н.Г.* Революционное студенчество Петербурга в 1907–1914 годах: Проблемы взаимоотношений с политическими партиями России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991; *Олесич Н.Я.* В.И. Ленин и революционное студенчество России. М., 1982; Петербургский университет и революционное движение в России / Отв. ред. Н.Г. Сладкевич. Л., 1979; *Рогозин Н.И.* Политическая борьба за молодежь России. 1903–1917. М., 1989; *Савельева В.Г., Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1908 г. в Петербургском университете // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 168–174; *Яковлев В.П.* Студенческая забастовка 1911 г. и Петербургский университет // Вестник ЛГУ. 1983. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1. С. 14–19; *Трайнин А.С.* Деятельность большевистской партии по организации и воспитанию молодежи в период подготовки и проведения буржуазно-демократической революции в Рос

сии (1903 — февраль 1917) // Уч. зап. СПбИ. Ставрополь, 1965. Т. 22; Баранова А.Н. Борьба большевиков за демократическое студенчество в период реакции (1907—1910). М., 1974; Круглова З.С. Из истории студенческого движения в России накануне Первой мировой войны (Петербург и Москва) // Уч. зап. Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. № 229. Материалы и исследования по истории СССР. С. 182—206; Комыза М.А. Исторический опыт деятельности КПСС по руководству студенческим движением в период демократической революции в России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974; Студенческая молодежь России в борьбе против самодержавия: Сб. статей / Отв. ред. М.И. Матвеев. Тамбов, 1981; Кручковская В.М. Политические настроения российского студенчества: 1905—1917 гг. // Интеллигенция и российское общество в начале XX века. СПб., 1996. С. 98—113; Morrissey S.K. Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. NY., 1991, и др.

⁵ Кручковская В.М. Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986; Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX в. СПб., 1994; Макаревич М.Л. Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904—1907 гг: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005, и др.

⁶ Думцова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; George M. Liberal Opposition in Wartime Russia: A Case Study of the Town and Zemstvo Unions // Slavonic and East European Review. London, 1987. № 65. P. 371—390; Стокдейл М. Russian Liberals and the Contours of Patriotism in the Great War // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы: Материалы международной научной конференции. Москва. 1998. М., 1999. С. 283—291.

⁷ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 28. Ср.: Гусятников П.С. Указ. соч. С. 215.

⁸ См.: McClland J.C. Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia. Chicago; London, 1979; Brower D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia. Ithaca; London, 1975; Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia / Ed. E.W. Clowes, S.D. Kassow, J.L. West Princeton, 1991, и др.

⁹ Wartenweiler D. Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905—1914. Oxford, 1999.

¹⁰ *Kassow S.D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989.*

¹¹ Кроме отмеченных выше работ, связанных с историей студенческого движения, см.: *Сладкевич Н.Г. Петербургский университет в 1905 г. // Вестник ЛГУ. 1955. № 3; Яковлев В.П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1980. № 2. История, языкознание, литература. Вып. 1; Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты в годы реакции (1907–1911) // Вестник ЛГУ. 1972. № 8. История, языкознание, литература. Вып. 2. С. 42–50; Он же. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905–1910) // Вестник ЛГУ. 1969. № 2. Вып. 1. С. 157–164; *Павлицкая Н.И. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник ЛГУ. 1948. № 11, и др.**

¹² См., например: *Линник Ю.В., Смирнов В.И. и др. Математика в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1970; История преподавания и развития статистики в Петербургском-Ленинградском университете (1819–1917 гг.) / Под ред. В.И. Сиповской и И.П. Сулова. Л., 1972; Востоковедение в Ленинградском университете: Сборник статей / Отв. ред. А.А. Кононов. Л., 1960; *Куликова А.М. Становление университетского востоковедения в Петербурге. М., 1982; Левенштейн Е.А. Из истории преподавания иностранных языков в С.-Петербургском-Ленинградском университете (1819–1962). Л., 1963; Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете / Под ред. Н.А. Мещерского. Л., 1971; *Иванов В.В., Максимова Т.М. Летопись университетской астрономии. СПб., 1999; Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004, и др.***

¹³ Впрочем, один из парадоксов современной историографии также заключается в том, что существует обильная литература, посвященная провинциальному общественному управлению (*Новичкова Н.Ю. Развитие городского хозяйства в российской провинции в конце XIX – начале XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005; Марасанова В.М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1999), но крайне незначительна литература, связанная с изучением роли столичного городского управления. Действительно, в огромной*

литературе, посвященной истории Петербурга начала XX века, история как формируемой сверху городской администрации, так и органов самоуправления (см.: *Макаревич М.Л.* Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904—1907 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук) занимает периферийное положение. Причина этого, по нашему мнению, заключается в том, что в Петербурге местные власти пребывали одновременно и в тени «верховой власти», и в тени столичной интеллигенции и политической элиты, а следовательно, и изучение «местной» социально-политической истории находилось в «тени» изучения общих проблем социально-политической истории Российской империи.

¹⁴ См.: *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы России конца XIX — начала XX в. // История СССР. 1990. № 5. С. 74.

¹⁵ См., например: *Лейберов И.П.* Революционное студенчество Петроградского университета накануне и в период Первой мировой войны (март 1914 — февраль 1917 г.) // Очерки по истории Ленинградского университета... Л., 1968. Т. 2. С. 4.

¹⁶ Подробное изложение ленинских работ на эту тему см., например, в издании: *Пешников В.В.* В.И. Ленин и студенческое движение в России: Учебное пособие. М., 1973.

¹⁷ См.: История высшей школы в СССР, ее развитие и совершенствование: Библиографическая информация. М., 1971—1973. Вып. 1—3; *Шехурина Л.Д.* История Санкт-Петербургского-Ленинградского университета: библиографические заметки // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998. Вып. VII. С. 195—211; *Шевченко Н.А.* Юбилейная универсиада. 1998—1999 // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / Сост. Г.А. Тишкин. СПб., 2003. С. 509—534.

¹⁸ См., например: Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945; История Ленинградского университета: Очерки. 1819—1969 / Отв. ред. В.В. Мавродин. Л., 1969; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет / Сост. Г.Л. Соболев, И.Л. Тихонов, Г.А. Тишкин. Летопись 1724—1999. СПб., 1999.

¹⁹ См.: *Марголис Ю.Д.* Петербургский университет 1905—1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905—1907 гг. в России. Л., 1989. С. 18—27.

²⁰ Характеристику архивных фондов по истории университета можно найти в издании: Материалы по истории Ленинградского университета. 1819—1917 гг. / Под ред. С.Н. Валка. Л., 1961.

²¹ *Марголис Ю.Д.* Указ. соч. С. 19.

²² См. прежде всего: Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3 т. / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1982. Т. 2: Петербургский-Ленинградский университет. 1895–1917.

²³ Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб.[Пг.], 1906–1916.

²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11356–11370.

²⁵ В советской историографии известное исключение составляет работа Н.Г. Сладкевича (*Сладкевич Н.Г.* Указ. соч. С. 23–35), в которой автор использует журналы заседаний Совета, однако делает это весьма своеобразно – без указания дат протоколов Совета.

²⁶ См.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. СПб.[Пг.], 1906–1915.

²⁷ Из мемуарной литературы значительную ценность в этом смысле имеют, в частности, издания: *Вересаев В.В.* Воспоминания // *Вересаев В.В.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1961; *Засохов П.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг. Записки очевидцев. Л., 1991; *Сорокин П.А.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991; *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994; *Григорьев М.А.* Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое / Сост., вступ. ст. и коммент. Л.С. Овэс. СПб., 2005 и др.

²⁸ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3: Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895–1817 / Отв. ред. Б.М. Кочаков. С. 560.

²⁹ См.: *Йогансен М.В.* История здания 12 коллегий во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 184–199.

³⁰ *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания в пяти книгах. М., 1993. Кн. 1–3. С. 634–635.

³¹ *Вересаев В.В.* Указ. соч. С. 196.

³² См.: *Ежов В.А., Марголис Ю.Д., Яковлев В.П.* Предисловие // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 18.

³³ *Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 635.

³⁴ См., например: *Ендольцев Ю.А.* Санкт-Петербургский государственный университет: Нестандартный путеводитель. СПб., 1999. С. 17–158. См. также: Санкт-Петербургский государственный университет в пространстве и времени / Отв. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2004.

³⁵ См.: Григорьев М.А. Указ. соч. С. 65.

³⁶ См., например, хронологическую и территориальную роспись деятельности культурных учреждений столицы в книге: Лурье Ф.М. Петербург 1703—1917: История и культура в таблицах. СПб., 2003. С. 14—137.

³⁷ См.: Санкт-Петербург: 300 лет истории / Отв. ред. В.М. Ковальчук. СПб., 2003. С. 162.

³⁸ Ендольцев Ю.А. Указ. соч. С. 72—79.

³⁹ Там же. С. 229—230.

⁴⁰ Так, в 1914 году почти все профессора университета проживали на Васильевском острове (см.: Общий список лиц, состоящих в Императорском Санкт-Петербургском университете, которые на основании ст. 81—88 Учреждения судебных установлений могут быть присяжными заседателями по гор. СПб. и его уезду в 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10837. Л. 4—8).

⁴¹ См., например: Ендольцев Ю.А. Указ. соч. С. 67—68.

⁴² Юхнева Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь в старом Петербурге // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы. СПб., 2002. С. 64.

⁴³ Григорьев М.А. Указ. соч. С. 67.

⁴⁴ Ленинград: Историко-географический атлас. М., 1977. С. 53.

⁴⁵ Померанец К.С. Три века петербургских наводнений. СПб., 2005. С. 121; Москаленко И.Г. Наводнения // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М., 2004. С. 557; Ленинград: Историко-географический атлас... С. 58.

⁴⁶ Юхнева Н.В. Этнические группы и их общинная жизнь... С. 65.

⁴⁷ Численность наличного населения, 1764—2002 гг. // Санкт-Петербург: 1703—2003: Юбилейный статистический сборник. СПб., 2003. Вып. 2. С. 16.

⁴⁸ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX: Царствование императора Александра III. 1884 год. Стб. 985—1026.

⁴⁹ Там же. Стб. 1001—1004.

⁵⁰ Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905—1914 гг.

⁵¹ См.: Временный штат Императорских российских университетов, управляемых по общему для них уставу // Сборник постановлений Министерства народного просвещения... Стб. 1027—1030.

⁵² Таблица составлена по данным «Отчетов университета» (Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг.).

⁵³ Ассистенты, прозекторы, препараторы.

⁵⁴ Астроном-наблюдатель и заведующий Мурманской биологической станцией.

⁵⁵ См.: Обозрения преподавания наук на историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1904–1914 гг.] и весеннем полугодии [1905–1915 гг.]. СПб.[Пг.], 1904–1914; Обозрения преподавания наук на юридическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1904–1914 гг.] и весеннем полугодии [1905–1915 гг.]. СПб.[Пг.], 1904–1914; Обозрения преподавания наук на физико-математическом факультете Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1904–1914 гг.] и весеннем полугодии [1905–1915 гг.]. СПб.[Пг.], 1904–1914; Обозрения преподавания наук по восточному факультету Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета в осеннем полугодии [1904–1914 гг.] и весеннем полугодии [1905–1915 гг.]. СПб.[Пг.], 1904–1914.

⁵⁶ См.: Устав Императорских Российских университетов 1884 г. ...; Временный штат Императорских российских университетов...; Журналы [Протоколы] заседаний Совета Императорского С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг.

⁵⁷ См.: Обозрения преподавания наук на историко-филологическом факультете...

⁵⁸ Крачковский И.Ю. Впервые оппонентом на диссертации // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 140.

⁵⁹ См.: Журнал заседания Совета Московского университета. 2 января 1906 г. // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 249. Д. 97. Л. 1–2; Проект университетского устава, выработанный Советом Императорского Московского университета // Там же. Л. 20–27; Зацепина Г. Пасынки университета. Материалы о положении в университете младших преподавателей. М., 1907; Колызов Н. К университетскому вопросу. М., 1909.

⁶⁰ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 31 октября 1905 г. // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 174.

⁶¹ См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 12 ноября 1905 г. // Там же. С. 181—182.

⁶² См.: Журнал заседания Совета СПб. университета. 17 декабря 1905 г. // Там же. С. 174.

⁶³ Журнал заседания Совета СПб. университета. 21 декабря 1905 г. // Там же. С. 224.

⁶⁴ См., например: [Обращение общего собрания младших преподавателей С.-Петербургского университета 18 октября 1905 г.] // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г.... С. 170—171.

⁶⁵ Делегаты Петербургского университета активно выступали за предоставление прав членов Совета председателям «младших преподавателей» на совещании председателей университетской профессуры, проходившем в январе 1906 года под руководством министра народного просвещения, но эти предложения совещанием поддержаны не были (см.: Труды совещания профессоров, образованного при министерстве народного просвещения под председательством министра графа И.И. Толстого в январе 1906 г. СПб., 1906. С. 175—214).

⁶⁶ См., например, данные по личному составу университета в 1911 году: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. / Под ред. экстраорд. проф. Н.А. Булгакова. СПб., 1912. Отдел XI: Личный состав. С. 1—52.

⁶⁷ Лосский Н.О. Воспоминания... С. 129.

⁶⁸ Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Л., 1980. С. 125.

⁶⁹ Лосский Н.О. Воспоминания... С. 129.

⁷⁰ Вересаев В.В. Указ. соч. С. 202.

⁷¹ См., например: Ростовцев Е.А. Дневник Н.Н. Платоновой (Шамоиной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: Сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панейха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 55.

⁷² См.: Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890—1917 гг. Словарь. М., 2004 («Бродячая собака». С. 32).

⁷³ Егоров И.В. Указ. соч. С. 123.

⁷⁴ Послесловие. Последние дни М. Ковалевского. Смерть. Похороны. Отклики общества и прессы // Максим Ковалевский. Пг., 1918. С. 259—260.

⁷⁵ См., например: Хильдермайер М. Общество и общественность на заре Царской империи. Некоторые размышления о новых пробле-

мах и методах // Страницы российской истории: проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 216–223; *Ляровский А.Б.* Частная и общественная жизнь петербургской интеллигенции 1907–1914 гг.: Проблема самоидентификации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 12–15.

⁷⁶ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 413.

⁷⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1906 год, составленный И.И. Кауфманом. СПб., 1907. С. 127–128, 133; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1907 год / Под ред. В.А. Стеклова. СПб., 1908. С. 180–182.

⁷⁸ На этом посту М.М. Ковалевский в 1909 году сменил М.М. Стасюлевича, тоже, кстати, бывшего профессора Петербургского университета (*Арсеньев К.К.* М.М. Ковалевский // Максим Ковалевский... С. 57–58).

⁷⁹ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. СПб., 1907. С. 90.

⁸⁰ Там же. С. 168.

⁸¹ Там же. С. 127.

⁸² *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм (Задачи городского хозяйства). СПб., 1906. См. также другую его книгу той же тематики: *Курчинский М.А.* Муниципальный социализм и развитие городской жизни. СПб., 1907.

⁸³ Во всяком случае, отчеты целого ряда научных обществ в «Отчетах университета» либо не публиковались, либо публиковались нерегулярно (см.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. ...).

⁸⁴ См.: Обзор деятельности Императорского С.-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетие его существования (1868–1893). СПб., 1893.

⁸⁵ Очерки истории Ленинграда... Т. 3. С. 610.

⁸⁶ См. материалы отчетов университета: Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1905 год, составленный и.д. экстраординарного проф. Б.М. Мелиоранским. СПб., 1906. С. 67–69, 83–85; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 153–157; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. С. 110, 200–203; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за

1908 год / Под ред. ординарного проф. Н.А. Медникова. СПб., 1909. С. 206—211; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1909 год / Под ред. и.д. ординарного проф. А.И. Введенского. СПб., 1910. С. 213—218, и др.

⁸⁷ См.: Правила о премиях заслуженного профессора А.Н. Бекегова при Императорском С.-Петербургском Обществе естествоиспытателей // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1914. № 68. С. 114—117.

⁸⁸ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 203.

⁸⁹ Там же; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. С. 210.

⁹⁰ См. материалы отчетов университета: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. СПб., 1906. С. 86—100; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 137—153; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 197—200; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 190—206; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. С. 194—207; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1910 год / Под ред. заслуженного проф. И.А. Ивановского. СПб., 1911. С. 222—231, и др.

⁹¹ См.: *Чугаев Л.А.* Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 14—20.

⁹² История Ленинградского университета: Очерки... С. 122.

⁹³ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 199.

⁹⁴ 275 лет... Летопись 1724—1999. С. 270.

⁹⁵ См.: *Макареня А.А., Филимонова И.Н.* Д.И. Менделеев и Петербургский университет. Л., 1969. С. 98—107.

⁹⁶ См. материалы отчетов университета: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. ... С. 100—101; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 157; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 204—205; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 211—212; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 221—222; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. С. 233—234; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1911 г. СПб., 1912. С. 133—135; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1912 год / Под ред. орд. проф. Ф.И. Щербатского. СПб., 1913. Отдел VIII. С. 5—7; Отчет о состоянии и деятельности Импера-

торского С.-Петербургского университета за 1913 год / Под ред. и.д. экстраординарного проф. И.Д. Андреева. СПб., 1914. С. 268–269; Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1914 год / Сост. заслуженный орд. проф. А.Х. Гольмстен. Пг., 1915. С. 254–255, и др.

⁹⁷ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 204.

⁹⁸ См. материалы отчетов университета: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. ... С. 101–102; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 157–158; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 129–131; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 3–5; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1913 г. СПб., 1914. С. 264–267; Отчет Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1915. С. 252–254, и др.

⁹⁹ Труды Русского Антропологического общества. СПб., 1907–1914. Т. I–IV.

¹⁰⁰ Из писем к Веселовскому: Д.С. Мсрежковский / Публ. М.Ю. Корневой // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 341.

¹⁰¹ См.: *Шруба М.* Указ. соч. Неофилологическое общество. С. 136.

¹⁰² См.: Записки романо-германского отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1888. Вып. 1; Записки Неофилологического отделения Филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892–1915. Вып. 2–8.

¹⁰³ См.: *Кононова Н.Н.* Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 2. С. 138–151; *Слюпинский А.Г.* Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Уч. зап. ист. ф-та Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1974. Вып. 1; *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 43–44; *Погодин С.Н.* «Русская школа» историков: Н.И. Карссь, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. С. 180–182; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. СПб., 1999. Вып. I. С. 132–136.

¹⁰⁴ Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 // Историческое обозрение за 1915 год. Пг., 1915. Отд. II. Т. 20. С. 206–212.

¹⁰⁵ *Хартанович М.Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX в. Исторические очерки. СПб., 2006. С.169—176.

¹⁰⁶ *Акулинин В.Н., Самылов О.В.* Философское общество при Санкт-Петербургском университете (1897—1923). Новосибирск, 1994; Летопись русской философии. 862—2002 / Редактор-составитель А.Ф. Замалеев. С. 219—221.

¹⁰⁷ См. материалы отчетов университета: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 132, 133, 134; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 18, и др.

¹⁰⁸ См.: Состав Императорского Русского исторического общества за пятидесятилетний период его существования // Императорское Русское историческое общество. 1866—1916. Пг., 1916. С. 139—164.

¹⁰⁹ См.: Императорское Русское историческое общество. 1866—1916... О деятельности РИО см. также: *Камардина О.В.* Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности (1866—1916 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.

¹¹⁰ См.: *Назин С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России (I съезд губернских архивных комиссий) // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 26—37.

¹¹¹ См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1958. С. 300—301.

¹¹² См.: Памятники древней письменности. СПб., 1878—1925. Вып. 1—190.

¹¹³ *Шибанов А.П.* Друзья книги // Книга: Исследования и материалы. М., 1973. Сб. 27. С. 155—156.

¹¹⁴ См., например: *Жебелёв С.А.* Введение в археологию. Пг., 1921. С. 118—119; *Степанский А.Д.* Указ. соч. С. 49—50.

¹¹⁵ Записки Восточного отделения. СПб., 1887—1921. Т. 1—25; Записки Классического отделения. СПб., 1904—1917. Т. 1—9; Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб., 1906—1913. Т. 1—2; Записки Отделения Русской и славянской археологии. СПб., 1851—1887, 1903—1918. Т. 1—12.

¹¹⁶ См.: *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1991. С. 197.

¹¹⁷ *Флоровский Г.П.* Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 470—471.

¹¹⁸ *Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 148.

¹¹⁹ См.: *Мейер А.А.* Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 107—115.

¹²⁰ См., например, сборник «Интеллигенция в России» (СПб., 1910).

¹²¹ Записки религиозно-философских собраний (1902–1903 гг.), СПб., 1906; Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества. СПб., 1908–1916. Вып. 1, 2, 4, 6.

¹²² См.: Ковалевский М.М. К 150-летию юбилею ВЭО // ВЕ. 1915. Кн. 12. Вольнос экономическое общество. С. 73.

¹²³ Ковалевский Е.П. Черты из жизни Максима Максимовича Ковалевского по семейным и личным воспоминаниям // Максим Ковалевский... С. 39; Арсеньев К.К. М.М. Ковалевский... С. 58.

¹²⁴ См.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. ...

¹²⁵ См. об этом, например: *Wartenweiler D.* Op. cit.

¹²⁶ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 133.

¹²⁷ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 152, 153.

¹²⁸ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 154.

¹²⁹ Там же. С. 90–91.

¹³⁰ Там же. С. 96.

¹³¹ Там же. С. 167.

¹³² Там же. С. 132–133.

¹³³ Там же. С. 168.

¹³⁴ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 152.

¹³⁵ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 160, 167.

¹³⁶ Там же. С. 115.

¹³⁷ Там же. С. 145, 176. См.: Отчет о лекциях профессоров Императорского Санкт-Петербургского университета, устроенных при университете С.-Петербургским педагогическим обществом взаимной помощи // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. СПб., 1908. № 63. С. 208–209.

¹³⁸ Там же. С. 208; Расписание лекций на курсах для учителей средней школы // Там же. С. 209–211.

¹³⁹ 275 лет... Летопись 1724–1999. С. 273; Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. СПб., 1910. № 65. С. 142.

¹⁴⁰ Протокол заседания Совета университета 15 февраля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. СПб., 1911. № 66. С. 23.

- ¹⁴¹ 275 лет... Летопись 1724—1999. С. 277.
- ¹⁴² Протокол заседания Совета университета 19 мая 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. Пг., 1916. № 70. С. 48.
- ¹⁴³ Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета: Отчет за 1915 год. Пг., 1916. С. 9—14.
- ¹⁴⁴ Список членов // Отчет о деятельности Общества вспомоществования Высших женских курсов в С.-Петербурге с 1 сентября 1911 по 1 сентября 1912 г. СПб., 1912. С. 22—24.
- ¹⁴⁵ Список членов Общества // Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии при Императорском Петроградском историко-филологическом институте. Пг., 1915. С. 22—25.
- ¹⁴⁶ Отчет Правления Общества вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии... С. 10.
- ¹⁴⁷ Отчет секретаря за 1914—1915 гг. // Общество вспомоществования учащимся Императорского женского педагогического института и Константиновской женской гимназии. Отчет за время с 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. Пг., 1915. С. 6—7.
- ¹⁴⁸ Список членов Общества // Там же. С. 12—16.
- ¹⁴⁹ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лапшо-Данилевский и петербургская историческая школа... С. 83—84.
- ¹⁵⁰ См.: Список членов // Отчет о состоянии и деятельности Общества вспомоществования студентам Петроградского политехнического института Императора Петра Великого за 1914/15 учебный год. Пг., 1915. С. 10—12.
- ¹⁵¹ *Лейкина-Свицкая В.Р.* Указ. соч. С. 133—134.
- ¹⁵² Там же. С. 134—135.
- ¹⁵³ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 158.
- ¹⁵⁴ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 134.
- ¹⁵⁵ См., например: Состав Российского общества защиты женщин // Российское общество защиты женщин в 1912 г. (Год тринадцатый). СПб., 1913. С. 100—104.
- ¹⁵⁶ *Бов А.Д.* Петербургская городская дума в биографиях ее представителей. 1904—1910. СПб., 1904. С. 76.
- ¹⁵⁷ *Ястребов Н.В.* Обзор деятельности Общества охраны материнства и грудных детей в Царском Селе за первый период его существования с 29 апреля 1913 г. по 1 сентября 1914 г. // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 5. С. 333—337.

¹⁵⁸ *Мамаев Я.В.* Исторический очерк возникновения и деятельности Общества благотворения в память 19 февраля 1861 года под девизом: «Чти в памяти, благодари в сердце Царя Освободителя» за 1901–1911 гг. СПб., 1912. С. 31.

¹⁵⁹ См., например: *Занозина В.Н., Адаменко Е.А.* Благотворительность и милосердие. СПб., 2004. С. 18–203.

¹⁶⁰ Благотворительность в России. СПб., 1906. Т. II: Список благотворительных учреждений. Ч. II: Санкт-Петербургская губерния. С. 1–161; Дополнительный список благотворительных учреждений. С. 35–38.

¹⁶¹ См.: *Гогель С.К.* Всероссийский союз учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 1–9.

¹⁶² Устав Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному призрению // Труды первого съезда русских деятелей... С. 10.

¹⁶³ Деятельность Всероссийского союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призрение и благотворительность в России. № 8/10. Стб. 893.

¹⁶⁴ См.: Труды первого съезда русских деятелей...; Первый съезд русских деятелей по общественному и частному призрению. 8–13 марта 1910 г. СПб., 1910. С. 3–11.

¹⁶⁵ *Матвеев В.Ф.* Основная первоначальная единица организации общественного призрения // Труды первого съезда русских деятелей... Ч. 2. С. 1–24.

¹⁶⁶ *Гогель С.К.* Городские попечительства о бедных в провинциальных городах России // Там же. С. 293–304.

¹⁶⁷ *Кулишер И.М.* О приискании средств на покрытие расходов местных союзов на общественное призрение // Там же. С. 187–195.

¹⁶⁸ *Сиринцов М.А.* Земские и городские финансы как источники покрытия расходов по обязательному общественному призрению // Там же. С. 197–209.

¹⁶⁹ См., например: *Люблинский П.И.* О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 6/7. С. 484–495; Новое законодательство Норвегии о правах внебрачных детей и материнстве // Призрение и благотворительность в России. 1917. № 2/3. С. 137–149; *Швигтгау Г.Г.* [Рец.] Трудовая помощь в России.

- ц. 1—2: 1915 // Призвание и благотворительность в России. 1916. № 1/2. С. 110—111 и др.
- ¹⁷⁰ Трудовая помощь. СПб., 1897—1918.
- ¹⁷¹ См.: Деятельность Всероссийского союза учреждений обществ и деятелей по общественному и частному призрению // Призвание и благотворительность в России. № 8/10. Стб. 906—908.
- ¹⁷² *Кауфман А.Е.* Писательские общества и кружки // Шруба М. Указ. соч. С. 284.
- ¹⁷³ Санкт-Петербургское литературное общество // Шруба М. Указ. соч. С. 194.
- ¹⁷⁴ См.: *Лейкина-Свицкая В.Р.* Указ. соч. С. 145—146.
- ¹⁷⁵ См.: *Шруба М.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 197.
- ¹⁷⁷ Сологуба воскресенья // Там же. С. 222—223.
- ¹⁷⁸ Головина среды // Там же. С. 45.
- ¹⁷⁹ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 95; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 152.
- ¹⁸⁰ *Шруба М.* Указ. соч. С. 35, 110, 197—198.
- ¹⁸¹ Таблица составлена по материалам отчетов университета. См.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905—1914 гг. ...
- ¹⁸² Включая старообрядцев и единопверцев.
- ¹⁸³ В отчетах университета обозначены как «сврси».
- ¹⁸⁴ Буддисты, конфуцианцы, ламаиты, молокане, менониты, «сектанты» и т.п.
- ¹⁸⁵ О распространенности той или иной религии среди разных этнических групп, проживавших в столице, см., например: *Юхнева Н.В.* Этнические группы и их общинная жизнь... С. 73—141.
- ¹⁸⁶ Такого рода тактика являлась довольно распространенной практикой в условиях государственного антисемитизма начала XX в. См.: *Лурье Я.С.* История одной жизни. СПб., 2004. С. 54—55.
- ¹⁸⁷ *Юхнева Н.В.* Многонациональная столица империи // Многонациональный Петербург... С. 6. Ср. близкие, но все-таки отличные от приведенных данные, выполненные по иной методике подсчета: Санкт-Петербург. 1703—2003... Вып. 2. С. 47.
- ¹⁸⁸ *Матвеев М.И.* Высшие учебные заведения царской России и состав их студентов // Студенческая молодежь России... Вклсйка. Таблица 8:

Распределение студентов Петербургского университета по сословиям и группам населения.

¹⁸⁹ В подсчетах М.И. Матвеева отсутствуют данные за 1906/07 и 1911/12 учебные годы.

¹⁹⁰ Для 1905/06 учебного года, включая купцов второй гильдии.

¹⁹¹ Для 1905/06 учебного года, исключая купцов второй гильдии.

¹⁹² Матвеев М.И. Указ. соч. Вклейка. Таблица 8: Распределение студентов Петербургского университета...

¹⁹³ Там же. С. 35.

¹⁹⁴ Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 2. С. 73.

¹⁹⁵ См.: Матвеев М.И. Указ. соч. С. 37.

¹⁹⁶ Засохов П.А., Пызин В.И. Указ. соч. С. 159.

¹⁹⁷ Сорокин П.А. Указ. соч. С. 56.

¹⁹⁸ Уровень жизни // Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 3. С. 9.

¹⁹⁹ См.: Правила для студентов и сторонних слушателей Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1902. С. 9.

²⁰⁰ Изменение реальной заработной платы фабрично-заводского рабочего, 1914–1923 гг. // Санкт-Петербург. 1703–2003... Вып. 3. С. 24.

²⁰¹ Засохов П.А., Пызин В.И. Указ. соч. С. 159–161. Ср.: Социальная история Санкт-Петербурга / Под ред. В.Н. Соловьева. СПб., 2005. С. 158–160.

²⁰² Засохов П.А., Пызин В.И. Указ. соч. С. 159.

²⁰³ Шкловский В.Б. Жили-были. Воспоминания. Мемуарные записи. М., 1966. С. 91.

²⁰⁴ См.: Прейскурант. Обмундирование гг. студентов // Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб. университета. СПб., 1908. С. 1.

²⁰⁵ Рождественский В.А. Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников... Т. 2. С. 146.

²⁰⁶ Рождественский В.А. О себе // Рождественский В.А. Избранное. М.; Л., 1965. С. 4–5.

²⁰⁷ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 185.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Засохов П.А., Пызин В.И. Указ. соч. С. 160–161.

²¹⁰ Егоров И.В. Указ. соч. С. 93.

²¹¹ Засохов П.А., Пызин В.И. Указ. соч. С. 161.

²¹² Егоров И.В. О Указ. соч. С. 94.

- ²¹³ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 185.
- ²¹⁴ Очерки истории Ленинграда... Т. 3. С. 562.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ См., например: Переписка по запросам разных лиц и учреждений об успехах и поведении студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 32.
- ²¹⁷ См., например: Переписка с разными учреждениями и прошения студентов по вопросу денег, поступивших с вечеров и концертов в пользу землячества и отдельных студентов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 128. Л. 1—435.
- ²¹⁸ См., например: Опросный лист // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 128. Л. 31—32.
- ²¹⁹ Социальная история Санкт-Петербурга... С. 160.
- ²²⁰ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 186.
- ²²¹ Там же. С. 184.
- ²²² См.: Санкт-Петербург: 300 лет истории... С. 306—307.
- ²²³ См. «Отчеты университетского врача» в Отчетах университета: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905—1914 гг. ...
- ²²⁴ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1912 г. ... С. 161.
- ²²⁵ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 247; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 277; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1911 г. ... С. 229; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1912 г. ... С. 156.
- ²²⁶ См. «Отчеты университетского врача» в Отчетах университета: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905—1914 гг. ...
- ²²⁷ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 192.
- ²²⁸ Там же. С. 186; Путеводитель по С.-Петербургу. СПб., 1903. С. 314.
- ²²⁹ Егоров И.В. Указ. соч. С. 94.
- ²³⁰ См.: Перепись беженцев в Петрограде. Пг., 1916. С. 26.
- ²³¹ См.: Переписка с разными учреждениями и прошения студентов по вопросу Татианинского комитета помощи беженцам и списки студентов на пособие // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 142. Л. 189 а—602 об.
- ²³² Проректор университета — В.В. Никитину, 3 мая 1916 г., № 1030 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 17. Д. 142. Л. 70.
- ²³³ Кузнецов С.С. Профессор и препаратор // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 2. С. 117.

²³⁴ См.: *Тихонов И.Л.* Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005. С. 68.

²³⁵ *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 165–178.

²³⁶ Там же. С. 165.

²³⁷ Там же. С. 170.

²³⁸ Там же. С. 171.

²³⁹ *Романов Б.А.* А.С. Ланно-Данилевский в университете (Две речи) // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 184–185. Ср.: *Панель В.М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 29–30.

²⁴⁰ Ректор Санкт-Петербургского университета – попечителю С.-Петербургского учебного округа, 25 января 1914 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10964. Л. 60.

²⁴¹ А.Е. Пресняков – жене, 18 сентября 1908 г. // Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневник. 1889–1927 / Рук. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2005. С. 614.

²⁴² См.: Циркуляр МНИ от 15 февраля 1903 г. № 5291 // Предложения г. управляющего С.-Петербургским учебным округом г. Ректору С.-Петербургского университета (Предложение г. упр. СПб. Уч. округом от 27 августа 1902 г. № 23120). Приложение к журналу заседания Совета С.-Петербургского университета 16 сентября 1902 г. // Журналы заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1902 г. СПб., 1903. С. 47.

²⁴³ См.: Студенческие корпорации // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9906, 9612.

²⁴⁴ См.: Устав корпорации «Дружба» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. СПб., 1909. № 64. С. 54–55.

²⁴⁵ См.: Устав корпорации «INGRIA» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 122–125.

²⁴⁶ Протокол заседания Совета Университета 23 ноября 1909 г. [Утверждение Устава корпорации «Fraternitas Nuperborgea»] // Там же. С. 139

²⁴⁷ См.: Устав корпорации «Эстетика» // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 27–31.

- ²⁴⁸ См.: Устав корпорации «Денница» // Там же. С. 157–159.
- ²⁴⁹ См.: Устав корпорации «Единение» // Там же. С. 161–163.
- ²⁵⁰ Устав корпорации «Дружба»... С. 55; Устав корпорации «Денница»... С. 157.
- ²⁵¹ Устав корпорации «Эстетика»... С. 27.
- ²⁵² Устав корпорации «Sarmatia»... С. 82.
- ²⁵³ Устав корпорации «Единение»... С. 163.
- ²⁵⁴ Устав корпорации «Дружба»... С. 55; Устав корпорации «Эстетика»... С. 31; Устав корпорации «Денница»... С. 158; Устав корпорации «Единение»... С. 162.
- ²⁵⁵ Устав корпорации «Sarmatia»... С. 81.
- ²⁵⁶ Устав корпорации «INGRIA»... С. 125.
- ²⁵⁷ Устав корпорации «Дружба»... С. 54.
- ²⁵⁸ Устав корпорации «Sarmatia»... С. 78.
- ²⁵⁹ Устав корпорации «Эстетика»... С. 27.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ Там же. С. 29.
- ²⁶² Устав корпорации «Денница»... С. 158.
- ²⁶³ См.: Переписка по делу об организации Кассы взаимопомощи // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10964. Л. 2, 53, 55.
- ²⁶⁴ Проект нормального устава землячеств // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 230–232.
- ²⁶⁵ Там же. С. 230.
- ²⁶⁶ Там же. С. 231.
- ²⁶⁷ Там же. С. 232.
- ²⁶⁸ См., например: Переписка с разными учреждениями и прошения студентов о пособии по вопросу денег, поступивших с вечеров, концертов и проч. землячествам и отд. студентам... Л. 1–435.
- ²⁶⁹ *Алиенков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. С. 55–56.
- ²⁷⁰ Устав кассы взаимопомощи при физико-математическом факультете С.-Петербургского университета с книжным магазином // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 82.
- ²⁷¹ См.: Переписка по делу об организации Кассы взаимопомощи...; Переписка с попечителем Петербургского учебного округа об организации кассы взаимопомощи // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 55. Л. 1–3 об.

²⁷² См., например: *Юхнева Н.В.* Студенческое движение в Петербургском университете и первые демонстрации 1901 года // *Очерки по истории Ленинградского университета...* Т. 1. С. 129–139.

²⁷³ Протокол заседания Совета университета 23 ноября 1909 г. // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ...* С. 139; *Устав Художественно-драматического кружка студентов* // Там же. С. 159.

²⁷⁴ В январе 1908 года профессорский Совет не только единогласно отклонил ходатайство Студенческого отдела Союза русского народа о его легализации при университете, но, согласно протоколу заседания, «просил Ректора разъяснить подателям прошения всю непристойность внесенных ими в Совет бумаг, подобных поданной». См.: *Протокол заседания Совета СПб. университета. 28 января 1908 г.* // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. ...* С. 12–13. Речь шла о программе Отдела, поданной в Совет вместе с прошением его руководителями, студентами Г. Шенкеным и А. Малеевым. Кроме антисемитских пассажей, содержащихся в программе, замечания о ее непристойности со стороны Совета могли вызвать и пункты, связанные с обвинением современной профессуры в «политиканстве», и указание на то, что «существующая автономия» является «источником нарушения нормальной академической жизни». Примечательно, что по смыслу постановления Совета в числе непристойных бумаг оказалась и телеграмма Отдела в адрес Николая II с выражением верноподданнических чувств, на которой император собственноручно начертил: «...искренно тронут и благодарен». См.: *Прошение Совета Студенческого отдела Союза русского народа при СПб. Императорском университете в Совет профессоров императорского С.-Петербургского университета* // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ...* С. 19; *Программа Студенческого отдела Союза русского народа при Императорском СПб университете* // Там же. С. 20–22.

²⁷⁵ *Устав общества «Русская академическая корпорация» студентов Императорского СПб. университета* // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. ...* С. 305–313.

²⁷⁶ *Устав Санкт-Петербургского студенческого университетского общества* // *Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ...* С. 253–255.

²⁷⁷ Протокол заседания Совета университета 28 сентября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 106; Устав Союза русских студентов // Там же. С. 125—129; Протокол заседания Совета университета 12 апреля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 79; Устав Союза русских студентов // Там же. С. 109—112.

²⁷⁸ Устав общества «Русская академическая корпорация»... С. 311.

²⁷⁹ Там же. С. 305.

²⁸⁰ Устав Санкт-Петербургского студенческого университетского общества... С. 253.

²⁸¹ [Письмо членов-учредителей Санкт-Петербургского студенческого университетского общества в Совет университета] // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 257.

²⁸² Протокол заседания Совета СПб университета 28 сентября 1909 г. ... С. 106; Устав Союза русских студентов // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 125—129.

²⁸³ Протокол заседания Совета СПб университета 12 апреля 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 79.

²⁸⁴ Устав Союза русских студентов // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 109—112.

²⁸⁵ См., например: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 121, 125, 141.

²⁸⁶ См.: *Иезутова Л.А., Скофцова Н.В.* Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 4. С. 76.

²⁸⁷ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 43—44.

²⁸⁸ *Валк С. Н.* Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 190—191.

²⁸⁹ *Анциферов Н.И.* Из дум о былом... С. 205. См. также: Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 278, 282—289.

²⁹⁰ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 129, 131.

²⁹¹ *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной)... С. 270–318.

²⁹² *Валк С.И.* Воспоминание ученика... С. 197–198.

²⁹³ Бороздина среды // Шруба М. Указ. соч. С. 31.

²⁹⁴ *Фомин А.Г.* С.А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинский сборник памяти проф. Семена Афанасьевича Венгерова. М.; Пг., 1922. С. XXVII–XXVIII.

²⁹⁵ Цит. по: *Лурье Я.С.* Указ. соч. С. 50.

²⁹⁶ *Андреев А.И.* Краткий очерк деятельности кружка по составлению каталога частноправовых актов допетровской Руси // Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лапю-Данилевскому. Пг., 1916. С. 1–7.

²⁹⁷ *Валк С.И.* 1) Воспоминание ученика...С. 189–199; 2) [Рец.:] Лапю-Данилевский А.С. Очерк русской дипломагики частных актов // РИЖ. 1922. № 8. С. 244–258.

²⁹⁸ См.: *Анциферов Н.И.* Из дум о былом... С. 157–159.

²⁹⁹ *Панях В.М.* Указ. соч. С. 28.

³⁰⁰ Журнал заседания Совета университета за 20 октября 1903 г. // Журналы заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1903 г. СПб., 1904. С. 78.

³⁰¹ Примерный устав студенческих научных и литературных кружков (Составленный комиссией, избранной Советом СПб. университета, и одобренный в заседании Совета 20 октября 1903 г.) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 39.

³⁰² В примечании к «Примерному уставу» специально оговаривалось, что «предполагаемый устав огнюдь не имеет обязательной силы» и что «студенты, желающие образовать кружок, при составлении проекта устава, предоставляемого в надлежющий факультет, могут и не руководствоваться примерным уставом» (Там же. Л. 3).

³⁰³ См.: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 111.

³⁰⁴ См.: Отчеты Санкт-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. ...; Журналы [Протоколы] заседаний Совета С.-Петербургского [Петроградского] университета за 1905–1914 гг. ...; Студенческие научные кружки // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819.

³⁰⁵ См.: Устав студенческого «Кружка ориенталистов» при Императорском С.-Петербургском университете (под рук. орд. проф. В.В. Бартольда) // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 167–169.

³⁰⁶ Среди основных кружковых организаций, связанных с физико-математическим факультетом, надо указать на Астрономический кружок, Студенческий ботанический кружок, Географический кружок, Физический кружок, Кружок философии природы, Биологический кружок, Кружок геологии и минералогии, Математический кружок студентов С.-Петербургского университета.

³⁰⁷ Особенно много постоянно действующих кружковых организаций было связано с юридическим факультетом: Кружок философии права (во главе с Л.И. Петражицким), Студенческий кружок (римского и) гражданского права, Кружок для изучения государственного права, Кружок для изучения основ конституционного права, Кружок истории русского права, Кружок для изучения истории польского права, Кружок финансового права, Кружок административного права, Кружок по изучению земельной ренты прив.-доц В.В. Светловского, Кружок для изучения вопросов эмиграции и колонизации, Кружок для изучения судебной медицины, Кружок по изучению профессионального и кооперативного движения, Кружок экономистов для изучения экономических и общественных наук, Кружок по аграрному вопросу, Кружок для изучения истории хозяйственного быта, Кружок политической экономии, Кружок для изучения догмы русского права, Кружок изучения уголовного, Кружок философии государства, Кружок по изучению судебного ораторского искусства (под рук. А.Г. Тимофеева), Кружок популяризации юридических знаний.

³⁰⁸ Научно-литературное общество, секция классической филологии (Студенческое общество классической филологии); Лингвистический кружок студентов и вольнослушателей историко-филологического и восточного факультетов; Студенческий библиографический кружок; Кружок археологии; Кружок для изучения поэзии (ист-филол. фак.); Литературно-художественный кружок (под рук. прив.-доц. С.А. Венгерова).

³⁰⁹ См. переписку по поводу учреждения кружка и проект его устава, представленный студентом А.Ф. Малиновским (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 83—87). См. также: Устав кружка изящной словесности при историко-филологическом факультете Императорского С.-Петербургского университета // Журналы заседаний Совета Императорского СПб. университета за 1903 г. ... С. 118—124.

³¹⁰ *Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В.* Указ. соч. С. 72–73; *Микитич Л.Д.* Литературный Петербург, Петроград. М., 1991. С. 252.

³¹¹ Правда, к этой оценке роли университета А.А. Блок поспешил добавить, что «высшее образование дало, во всяком случае, некоторую умственную дисциплину и известные навыки, которые очень помогают мне и в историко-литературных, и в собственных моих критических опытах, и даже в художественной работе... С годами я оцениваю все более то, что мне дал университет в лице моих уважаемых профессоров — А.И. Соболевского, И.А. Шляпкина, С.Ф. Платонова, А.И. Введенского и Ф.Ф. Зелинского» (*Блок А.А. Автобиография // Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 95*).

³¹² Там же. С. 93.

³¹³ См.: «Кружок молодых» // Шруба М. Указ. соч. С. 81–82.

³¹⁴ Протокол заседания Совета СПб. университета 23 ноября 1909 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 139.

³¹⁵ Романо-германский кружок // Шруба М. Указ. соч. С. 183.

³¹⁶ *Адамович Г.В.* Мои встречи с Анной Ахматовой // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 165.

³¹⁷ Кружок изучения поэтов // Шруба М. Указ. соч. С. 78.

³¹⁸ См.: *Конечный А.М., Кумпан В.А.* Петербург в жизни и трудах Н.П. Анциферова // Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». СПб., 1991. С. 7.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

³²¹ См.: Устав кружка для изучения польской словесности // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 249–251.

³²² См.: Устав Кружка украиноведения // Там же. С. 290–292.

³²³ См.: Устав Кружка для научного изучения Гродненской губернии // Там же. С. 294–296.

³²⁴ См.: Устав Грузинского научного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1908 г. ... С. 59–61.

³²⁵ См.: Устав Славянского научного кружка // Там же. С. 289–290.

³²⁶ См.: Устав Русского кавказского научного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 165–167.

³²⁷ См.: Устав Кружка литоведения // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 129–131.

³²⁸ См.: Устав Белорусского научно-литературного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. ... С. 42–44.

³²⁹ См.: Устав Кружка научного изучения Витебской губернии // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. Пг., 1915. № 69. С. 137–139.

³³⁰ Устав Воздухоплавательного кружка // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1909 г. ... С. 120–122.

³³¹ Устав Кружка изучения театра // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1912 г. ... С. 72–73.

³³² К числу «кружков по интересам» можно, например, отнести Студенческий кружок художников, Критико-литературный кружок, Кружок развития искусства красноречия и спора, Кружок для изучения языка эсперанто (Кружок студентов-эсперантистов), Литературный кружок «Грядущий день», Студенческий фотографический кружок при Физическом институте в СПб. университете, Кружок любителей природы и охоты, Кружок литературы и искусства и пр.

³³³ См. переписку по поводу учреждения кружка (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9819. Л. 119–140). См. также: Устав музыкального кружка при Императорском С.-Петербургском университете // Журналы заседаний Совета Императорского Санкт-Петербургского университета за 1903 г. ... С. 128–135; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. ... С. 103; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 162.

³³¹ *Никольцева Г.Д., Шилов Л.А.* Из истории музыкальной жизни Петербургского университета // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1982. Т. 4. С. 131.

³³⁵ Там же. С. 131.

³³⁶ Там же. С. 135.

³³⁷ Там же. С. 133–134.

³³⁸ Рядом с деятельностью музыкального кружка следует поставить деятельность «Collegium musicum», в котором с 1907 года вел занятия приват-доцент А.Ф. Каль. Занятия в «Collegium musicum» шли параллельно с читаемым А.Ф. Калем курсом по истории музыки и заключались в исполнении студентами, вольнослушателями и вольнослушательницами.

тельницами вокальных и музыкальных произведений, относящихся к исторической эпохе, рассматриваемой на читаемом курсе, причем, как правило, исполнялись произведения редкие или никогда еще не исполнявшиеся (см.: Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 122–123, 210).

³³⁹ *Берков П.Н.* Из ранней истории научных и литературных сборников студентов Петербургского университета (со сведениями о последующих сборниках) // Очерки по истории Ленинградского университета... Т. 1. С. 101–102.

³⁴⁰ См., например: *Мафков А.Р.* Указ. соч. С. 57–68; *Иванов А.Е.* Университетская политика самодержавия в конце XIX – начале XX в. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; *Воробьева Ю.С.* Общество и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 10–49; *Яковлев В.П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971; *Wartenweiler D.* Op. cit., и др.

³⁴¹ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. ...

³⁴² Временные правила об управлении университетами // ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отделение I. С. 658–659.

³⁴³ Указ Сената министру народного просвещения 28 ноября 1908 г. // Право. 1908. 7 декабря. Стб. 2738–2739.

³⁴⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. ... Стб. 986.

³⁴⁵ См.: *Паульсен Ф.* Германские университеты. СПб., 1904; *Грибовский В.М.* Прошедшее и настоящее русских и западноевропейских университетов. СПб., 1905, и др. Ср.: *Ляхович Е.С., Ревнушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 43–53.

³⁴⁶ Такая позиция профессорского сообщества нашла отражение в материалах многочисленных правительственных комиссий, занятых разработкой нового университетского устава в период с 1901 по 1916 год (Сводная записка о материалах, поступивших в Министерство народного просвещения по вопросу о желательности изменения в устройстве российских университетов. СПб., 1902; Труды высочайше учрежденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений. СПб., 1903. Вып. 1–5; Объяснительная записка к проекту общего устава императорских российских университетов. СПб., 1906; Труды совещания профессоров...; Об уставе и штатах Императорских

российских университетов. СПб., 1910; Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов. Пг., 1916 и др.). Составление правительственных проектов сопровождалось масштабным общественным обсуждением готовящихся преобразований (см.: *Гревс И.М.* Временные правила 27 августа 1906 г. об управлении университетами и освобождении науки // *Право*. 1905. 1 сентября. Стлб. 2933, 2938; *Менделеев Д.И.* Заведные мысли Д. Менделеева. СПб., 1904; *Сергеевич В.И.* Реформа университетского преподавания. СПб., 1908; *Кауфман П.М.* Новый университетский устав. СПб., 1909; *Чирьев С.И.* Проекты преобразования высших и средних учебных заведений. Киев, 1905; *Эйхельман О.* Проект для нового устава Императорских Российских университетов. Киев, 1909; *Симоненко Г.Ф.* Возможно ли возрождение наших университетов при сохранении в них нынешней системы преподавания. [СПб., б.г.]; Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* Об основах университетской реформы // *Вернадский В.И.* О науке. СПб., 2002. Т. II: Научная деятельность и научное образование. С. 115–143; *Багалей В.И.* Экономическое положение университетов. М., 1916, и др.).

³⁴⁷ См., например: *Финкель С.* Организованная профессура и университетская реформа в Советской России (1918–1922) // *Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquiuma.* СПб., 2003. С. 174–175.

³⁴⁸ См.: *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг.: Документы и материалы.* М., 2001; *Иванов А.Е.* Профессорско-преподавательский корпус высшей школы... С. 64–66; *Kassow S.D.* Op. cit. P. 214–219.

³⁴⁹ См., например: *Гусятников П.С.* Указ. соч. С. 118–137.

³⁵⁰ В выборах так называемого Совета студенческих старост традиционно принимало участие меньше половины студентов (см.: *Справочная книжка для студентов, вольнослушателей и вольнослушательниц СПб. университета.* СПб., 1908. С. 10).

³⁵¹ *Энгель Г.А.* 1905 г. и студенческое движение в Петербурге // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 79; *Бондаревская Т.П.* Большевицкая организация университета в революции 1905–1907 гг. // *Петербургский университет и революционное движение в России.* Л., 1979. С. 67–80.

³⁵² Цит. по: *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 190.

³⁵³ Павлицкая Н.И. Указ. соч. С. 146. Для характеристики социального состава участников этих митингов и атмосферы, царившей на них, приведем запись одного из хроникеров революционных событий, посвященную митингу 5 октября, проходившему в университете: «Преобладающим элементом были, конечно, рабочие, ввиду чего интеллигенции было предложено выйти из актового зала, предоставив его в полное распоряжение рабочих. Часть интеллигенции, согласившись с этим предложением, организовала свой митинг в одной из больших аудиторий» (Д[ьяконов]А. 1905 и 1906 гг. в Петербургском университете. Сходки и митинги (хроника). Совет старост (очерк). СПб., 1907. С. 54).

³⁵⁴ См., например: *Wartenweiler D.* Op. cit. P. 220–226; *Иванов А.Е.* В преддверии кадетской партии: всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // *Власть и наука, ученые и власть...* С. 202–212. По подсчетам В.В. Шелохаева, 22 (40,7%) члена первого ЦК кадетской партии представляли высшую школу (*Шелохаев В.В.* Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 310–320).

³⁵⁵ См.: Программа конституционно-демократической партии, выработанная учредительным съездом партии 12–18 октября 1905 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии, 1905–1920 гг.: В 3 т. М., 1997–2000. Т. 1: 1905–1907. С. 40. Эта позиция была близка не только кадетам, но и представителям других либеральных партий — см., например: Программа партии мирного обновления // *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Документы и материалы. 1906–1916.* М., 2002. С. 68.

³⁵⁶ Временные правила об управлении университетами...

³⁵⁷ О формировании в университетском Совете «левой» партии см.: *Кареев Н.И.* Возвращение в университет // *Ленинградский университет в воспоминаниях современников...* Т. 2. С. 102.

³⁵⁸ См., например, воспоминания об И.И. Толстом его личного друга, члена кадетской партии, профессора, впоследствии проректора университета, С.А. Жебелёва (*Жебелёв С.А.* 1) Граф Иван Иванович Толстой: 1858–1916. Пг., [б.г.]; 2) Основные моменты деятельности графа И.И. Толстого [*Нейхардт А.А.* И.И. Толстой: ученый, человек, гражданин (Штрихи к портрету.) Прил. IV. 1] // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга.* СПб., 1999.

С. 367–374) и дневник самого И.И. Толстого (*Толстой И.И. Дневник. 1906–1916.* СПб., 1997).

³⁵⁹ См.: Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 283; *Толстой И.И. Дневник...* С. 38.

³⁶⁰ См., например: Протокол Совещания по вопросу о возобновлении занятий в высших учебных заведениях. [16 августа 1906 г.] // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11457. Л. 118–120.

³⁶¹ Министр народного просвещения – ректору СПб. ун-та. 1 августа 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 194–195.

³⁶² Там же. С. 201–202.

³⁶³ См., напр.: *Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты...* С. 42–50.

³⁶⁴ См.: *Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1908 г. ...* С. 168–174.

³⁶⁵ Наиболее эмоциональным было первое заседание Совета в 1910 году (Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 18 января 1910 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1910 г. ... С. 1–18).

³⁶⁶ *Савельева В.Г., Яковлев В.П. Студенческая забастовка 1911 г. ...* С. 14–19.

³⁶⁷ О подготовке так называемых «Правил 11 июня», на основании которых было запрещено общестуденческое представительство, и об их значении в университетской жизни см.: *Яковлев В.П. Самодержавие и российские университеты...* С. 42–43; *Савельева В.Г. Положение Совета министров 11 июня 1907 г.* // ВИД. Л., 1974. Т. 6. С. 283–294.

³⁶⁸ *Круглова З.С. Студенческая забастовка 1911 г. и ее политическое значение* // Уч. зап. Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. История СССР. М., 1964. Вып. 8. Т. СХХХV. С. 36.

³⁶⁹ См.: † Л.А. Кассо // Раннее утро. 27 ноября 1914 г.; Москва, 27 ноября // Русские Ведомости. 27 ноября 1914 г.; *Кончина Л.А. Кассо* // Московский листок. 27 ноября 1914 г.; Смерть Л.А. Кассо // Современное слово. 27 ноября 1914 г.; † Л.А. Кассо // Зауральский край. 28 ноября 1914 г.; Отзыв печати к кончине Л.А. Кассо // Саратовский листок. 29 ноября 1914 г.; Левая печать о Л.А. Кассо // Земщина. 28 ноября 1914 г., и др.

- ³⁷⁰ Петроград, 28 ноября // День. 28 ноября 1914 г.
- ³⁷¹ См., например: Общественное намерение // День. 17 февраля 1915 г.
- ³⁷² О различных модификациях названий должностей назначасмого начальника местного управления (губернатор, генерал-губернатор), разграничении полномочий между ним и местным самоуправлением см.: *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 121–134.
- ³⁷³ См.: Градоначальники. Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург / Автор-составитель Д.В. Митюрин. СПб., 2003. С. 525–580; *Длуголенский Я.И.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга–Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники. СПб., 2001. С. 371–384.
- ³⁷⁴ *Голь Н.М.* Первоначальствующие лица: История одного города. СПб., 2001. С. 319.
- ³⁷⁵ *Kassow S.D.* Op. cit. P. 230.
- ³⁷⁶ Журнал заседания Совета СПб. университета. 3 октября 1905 г. ... С. 109–111; Журнал экстренного заседания Совета СПб. университета. 17 октября 1905 г. ... С. 132.
- ³⁷⁷ Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 февраля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 63–68.
- ³⁷⁸ Протокол заседания Совета СПб. университета. 17 января 1911 г. ... С. 42.
- ³⁷⁹ См., например: Ректор – градоначальнику. 22 февраля 1912 г. № 1945 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 47. Л. 4–5.
- ³⁸⁰ Высочайше утвержденное 8 июня 1903 г. Положение об общественном управлении г. Санкт-Петербурга. СПб., 1903. См.: *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы... С. 133, 155.
- ³⁸¹ См.: *Сухорукова А.С.* Петербургская городская дума начала XX в. // Петербургские чтения. Петербург и Россия: Материалы научной конференции. 13–15 апреля 1994 г. С. 113.
- ³⁸² См.: *Нардова В.А.* Российское правительство и проблема выборности руководящего состава органов городского самоуправления (1870–1914 гг.) // Страницы российской истории... С. 122.
- ³⁸³ *Сухорукова А.С.* Петербургская городская дума и проблемы градостроительства в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 11.

³⁸⁴ *Нардова В.А.* Парастание оппозиционности органов городского самоуправления в канун первой российской революции 1905—1907 гг. // Новое о революции 1905—1907 гг. в России. Л., 1989. С. 99—100.

³⁸⁵ *А.Б. (Лукомский А.Б.)*. Городское самоуправление в России. М., 1905; *Богданов А.А.* Городское самоуправление в России. М., 1906; *Бубнов И.М.* К вопросу о преобразовании нашего городского самоуправления. Киев, 1905; *Данилов Ф.А.* Взгляды социалистических партий на общественное управление. М., 1906; *Озеров И.Х.* Большие города, их задачи и средства управления. М., 1906; *Тотомиянц В.Ф.* Задачи городского самоуправления: Краткий очерк муниципального социализма. СПб., 1906, и др.

³⁸⁶ См.: *Макаревич М.Л.* Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904—1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 157.

³⁸⁷ См.: Там же.

³⁸⁸ Проект нового Городового положения // Известия С.-Петербургской Городской Думы. 1906. Февраль. Т. 161. № 4. С. 720—739.

³⁸⁹ См.: *Сухорукова А.С.* Петербургская городская дума и проблемы градостроительства... С. 14.

³⁹⁰ Оценку консерваторов Петербургской думы состава 1906—1909 гг. см.: *[Старый петербуржец.]* Городская Дума и Городская Управа. СПб., 1906.

³⁹¹ Общероссийский съезд земских и городских деятелей. 6—13 ноября 1905 г. Москва // Либеральное движение в России... С. 435—508. Ср.: *Макаревич М.Л.* Городская дума г. Санкт-Петербурга в 1904—1907 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. С. 172—173.

³⁹² Там же. С. 178; Личный состав гласных городской Думы // Отчет Санкт-Петербургского городского общественного управления за 1907 г. СПб., 1908. Ч. II. С. 1—19.

³⁹³ *Арсеньев К.К.* [Вступительная статья] // Городское дело. 1910. № 7. С. 4—9.

³⁹⁴ *Шевырин В.М.* Живое прошлое (По страницам Дневника и мемуаров гр. И.И. Толстого) // Отечественная история. 2000. № 4. С. 139—148.

³⁹⁵ *Беляев С.Г. И.И. Толстой — столичный городской голова (1913—1916)* // Петербургские чтения. СПб., 1999. С. 301—304. Несомненно, И.И. Толстой пользовался популярностью в русском обществе. В первые месяцы войны И.И. Толстой, по замечанию известного искусствоведа и приват-доцента университета Н.П. Кондакова, был знаме-

нем, к которому «стекаются пожертвования и на которое устремлены все взоры в городе и даже за пределами города» (цит. по: Там же. С. 303).

³⁹⁶ О патриотическом подъеме представителей разных сословий российского общества см., например: *Lincoln W.B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution. 1914-1918. N.Y.: Oxford, 1994. P. 41-59.*

³⁹⁷ Заявление это было многократно растрогажено. В нем провозглашалось: «Германия подняла меч на славянство. Германизм Средней Европы бросил вызов славянской идее, бросил вызов первому выразителю славянства, великой нашей родине, России. Удар принят. Удар принят со спокойствием, с тем достоинством и сознанием чести, с которым всегда отвечало в тяжелую, великую минуту паше отечество. Мы все охвачены одними мыслями, одними чувствами, одними желаниями. Монарх сказал: «Да кончатся внутренние распри». Этих распрей, различия во мнениях, и желаниях, и суждениях — их уже между нами нет. Люди всех классов, всех состояний слились в одну русскую душу, их нет, этих распрей, между национальностями, населяющими наше отечество. Среди нас нет теперь ни национальностей, ни партий, ни различий мнений. Россия предстала перед германизмом как один великий человек, а этот великий человек носит великое имя «русский». Мы воодушевлены чувствами, но мы воодушевлены и сознанием величия переживаемой минуты. Нам надо работать, нам надо ответственно работать той громадной работой, которая предстоит и всему городскому населению...» (см., например: *Очерк деятельности Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 14-15.*)

³⁹⁸ См., например: *Толстой И.И. Дневник... С. 526, 532-533, 539, 540, и др.*

³⁹⁹ *Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Указ. соч. С. 189-208.*

⁴⁰⁰ Судя по Дневнику И.И. Толстого, близкие (и, можно сказать, даже дружеские) отношения у него были с такими известными представителями университетской корпорации, как М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, С.Ф. Ольденбург, Н.П. Кондаков, достаточно теплые — с братьями Э.Д. и Д.Д. Гриммами (см.: *Толстой И.И. Дневник...*).

⁴⁰¹ Составлено по: *Б-ов А.Д. Указ. соч.; Личный состав гласных городской Думы... С. 2-19; Городская Дума // Справочная книжка по С.-Петербургскому городскому общественному управлению на 1908 г.*

СПб., 1908. С. 3-24; Список гласных С.-Петербургской городской думы на 1 апреля 1912 г. СПб., 1912; Списки гласных Петербургской городской думы 1897, 1904, 1913 г. // Петербургская городская дума. 1846-1918 / Под ред. В.А. Нардовой. СПб., 2005. С. 460-509.

⁴⁰² *Б-ов А.Д. Указ. соч. С. 95-96, 231-232, 234.*

⁴⁰³ Личный состав гласных городской Думы... С. 6; Городская Дума... С. 3.

⁴⁰⁴ Личный состав гласных городской Думы... С. 17.

⁴⁰⁵ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 134; Отчет Санкт-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 188.

⁴⁰⁶ Городская Дума... С. 65.

⁴⁰⁷ Петроградская городская Дума в 1913-1915 гг. (Деятельность группы Обновления). Пг., 1915. С. 245-252.

⁴⁰⁸ *Пилеико А.А. Стародумцы и обновленцы. СПб., 1912.*

⁴⁰⁹ [*Хвольсон О.Д.*] Иван Иванович Боргман // Отчет Петроградского университета за 1914 г. ... С. 61.

⁴¹⁰ Петроградская городская дума в 1913-1915 гг. ... С. 246.

⁴¹¹ Известия С.-Петербургской городской думы. 1905. Май. № 16. С. 1079.

⁴¹² Письмо городского головы Н.А. Резцова, адресованное ректору И.И. Боргману, в частности, заключало в себе следующие выражения: «СПб. Городская Дума, как представительница города, в котором протекала вся научная деятельность покойного Дмитрия Ивановича, заслушав в заседании 24 января скорбную весть о кончине великого ученого, почтила его память общим вставанием и единогласно постановила выразить соболезнование тем высшим учебным заведениям, которым покойный посвятил свои силы. Имея в виду, что покойный Дмитрий Иванович в лучшие годы его научной деятельности состоял профессором химии в Императорском С.-Петербургском университете, из стен которого вышла целая плеяда талантливых учеников великого учителя, я от имени Городского Общественного Управления прошу Ваше Превосходительство передать С.-Петербургскому Университету выражение искреннего и глубокого сожаления» (Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. ... С. 19). См. также: *Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1907. Т. 165. № 9; Протокол заседания Совета СПб. университета. 16 октября 1906 г. ... С. 19.*

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

- ⁴¹³ См.: Там же. С. 22.
- ⁴¹⁴ Цит. по: *Рогозин Н.И.* Указ. соч. С. 27. См. также: Известия С.-Петербургской городской думы. 1905. Декабрь. Т. 160. № 33. С. 1711.
- ⁴¹⁵ *Д[ьяконов] А.* Указ. соч. С. 146–147. Ср.: *Рогозин Н.И.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴¹⁶ Там же.
- ⁴¹⁷ Известия С.-Петербургской городской думы. 1905. Декабрь. Т. 160. № 36. С. 2247.
- ⁴¹⁸ *Рогозин Н.И.* Указ. соч. С. 27.
- ⁴¹⁹ Известия С.-Петербургской городской думы. 1905. Ноябрь. Т. 160. № 28. С. 518–519.
- ⁴²⁰ Отчет Санкт-Петербургского университета за 1905 г. ... С. 81.
- ⁴²¹ Протокол заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1907 г. ... С. 116. Этому решению предшествовали негласные переговоры проф. С. П. фон Глазенапа с городским головой Н.А. Резцовым, который заявил о возможности для университета «получить в собственность участок земли на Васильевском острове за Смоленским театром, площадью около двух десятин» (см.: С.П. фон Глазенап – в физико-математический факультет Императорского С.-Петербургского университета [Прил. 6 к протоколу заседания Совета СПб. университета. 30 апреля 1907 г.] // Там же. С. 140–141).
- ⁴²² 275 лет... Летопись 1724–1999. С. 273.
- ⁴²³ Там же. С. 276.
- ⁴²⁴ См.: Академическая жизнь // *День.* 1914. № 270 (712). 5 октября. С. 4. Уже в качестве городского головы И.И. Толстой в 1915 г. сделал распоряжение о выдаче из городского бюджета в пользу возглавляемого им комитета 5000 рублей (из общей суммы в 25 000, ассигнованной городским общественным управлением для помощи нуждающимся студентам высших учебных заведений) – см.: Высшая школа. Экономическое положение учащихся высшей школы // *Школа и жизнь.* 1915 № 48. 30 ноября. С. 9 (стб. 1172); Отчет казначей // Общество вспомоществования студентам Императорского Петроградского университета... С. 4, 8. О деятельности И.И. Толстого в качестве руководителя Общества вспомоществования студентам см.: *Толстой И.И.* Дневник... С. 424, 500–501, 503.
- ⁴²⁵ *Толстой И.И.* Дневник... С. 572. Ср.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 478.

⁴²⁶ Толстой И.И. Дневник... С. 541.

⁴²⁷ См.: Известия С.-Петербургской городской думы. 1913—1917; Стенограммы заседаний 1913—1915, 1917 // ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10315—10318, 10311.

⁴²⁸ Wartenweiler D. Op. cit. P. 179—180.

⁴²⁹ См.: Перед выборами в городскую думу. От «Деловой» партии. Пг., 1916; Дов Л. Обновленцы «ошиблись» на пять миллионов рублей // Петербургский листок. 1916. № 17. 18 (31 января). С. 2.

⁴³⁰ Победа оппозиции // Петербургский листок. 1916. № 47. 17 февраля (8 марта). С. 4. См. также: Кручковская В.М. Центральная городская дума... С. 15—18.

⁴³¹ После отставки против И.И. Толстого была развернута пропагандистская кампания из-за его оппозиции «стародумцам» — «людям русского образа мыслей» (см.: Ганелин Р.Ш., Нардова В.А. Указ. соч. С. 199).

⁴³² Толстой И.И. 1) Записки городского главы // Звезда. 1994. № 9. С. 183—184; 2) Дневник... С. 692—693. См. также: Толстая Л.И. Дневник и воспоминания Петербургского городского главы И.И. Толстого (1913—1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1991. Т. XXII. С. 117—130.

⁴³³ Кадеты составляли примерно треть группы, см.: Думова Н.Г. Указ. соч. С. 38.

⁴³⁴ Толстой И.И. Записки городского главы... С. 183.

⁴³⁵ Кручковская В.М. Центральная городская дума... С. 26.

⁴³⁶ Ряд сюжетов, затронутых в этом разделе работы, в более развернутом виде представлен в публикациях: Rostovcev E.A. The Capital University in a Time of War. Saint Petersburg/Petrograd 1914—1917 // Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer. Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006. S. 177—188; Ростовцев Е.А. Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отчественная история / Под ред. А.Н. Кашеварова, С.Б. Ульяновой: Сб. статей. СПб., 2007. С. 72—117.

⁴³⁷ См.: Попечитель — Начальникам высших и средних учебных заведений, председателям Педагогических советов женских гимназий и прогимназий С.-Петербургского учебного округа, 6 сентября 1914 г., № 262 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 54.

⁴³⁸ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 17 сентября 1914 г., № 285 // Там же. Л. 64.

⁴³⁹ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 12 октября 1914 г., № 326 // Там же. Л. 69.

⁴⁴⁰ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 18 ноября 1914 г., № 371 // Там же. Л. 80.

⁴⁴¹ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 11 декабря 1914 г., № 397 // Там же. Л. 83.

⁴⁴² Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 8 января 1915 г., № 9 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 3.

⁴⁴³ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 10 февраля 1915 г., № 44 // Там же. Л. 17.

⁴⁴⁴ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 27 февраля 1915 г., № 66 // Там же. Л. 26.

⁴⁴⁵ Центральный Комитет по организации сбора Русскому Пахарю в Западной Руси, в Холмской Руси, Галицкой Руси — ректору университета, 27 февраля 1915 г. // Там же. Л. 27, 28.

⁴⁴⁶ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 5 апреля 1915 г., № 116 // Там же. Л. 40.

⁴⁴⁷ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 27 апреля 1915 г., № 154 // Там же. Л. 38.

⁴⁴⁸ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 4 октября 1914 г., № 310 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 67; Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и директору народных училищ Петроградской губ., 8 ноября 1914 г., № 357 // Там же. Л. 73. См., например, о пасхальных сборах 1915 года в Петербурге: *Казакевич А.Н.* Москва и Петроград фронту в пасхальные дни 1915 года // Петербургские чтения—97. СПб., 1997. С. 315—317.

⁴⁴⁹ Список вещей, которые было бы желательно послать от имени учащихся в действующую армию в качестве подарков // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 22.

⁴⁵⁰ Попечитель — начальникам учебных заведений, председателям педагогических советов женских гимназий и прогимназий, заведующим частными учебными заведениями с правами для учащихся гор. Петрограда и его окрестностей и директору народных училищ Петроградской губ., 9 марта 1915 г., № 84 // Там же. Л. 32.

⁴⁵¹ Комитет «Петроград — беженцам» по сбору в пользу беженцев — ректору университета, 10 сентября 1915 г., № 57 // Там же. Л. 78.

⁴⁵² В качестве примера укажем на деятельность приват-доцента юридического факультета М.А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой комитета, будучи редактором его «Известий» (см.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие»... С. 121).

⁴⁵³ Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в г. Петрограде: Справочная книжка. СПб., 1915. С. 13–14, 19.

⁴⁵⁴ См.: *Кальцов А.В.* Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил в России: 1914–1918 гг. // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 128–139.

⁴⁵⁵ См. об этом, например: *Шелохаев В.В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 127–140; *Он же.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 355–366.

⁴⁵⁶ Речь ректора была выдержана в подобающих случаю патетических тонах: «Одна за другой две соседние державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации», «Россия приняла этот вызов, сильная величественным единением Царя и народа. Нет в нашем отечестве ни одной народности, нет ни одного общественного слоя, который не был бы готов положить все свои силы и средства, все напряжение ума и воли на защиту родины», это «решительный час для русской и всей европейской жизни. Да развеется ненавистный кошмар, нависавший с каждым годом все тяжелее над всей Европой, над всем славянством, над Россией... Не имея в своем составе медицинского факультета и клиник, Петроградский университет, к его глубокому прискорбию, не может сделать всего того, что сделают его более счастливые братья. Но вот уже много дней наш университет с радостью предоставляет свои помещения под надобности военного времени. За истекшее время через него прошли, пользуясь его гостеприимством, несколько десятков тысяч запасных, в нем нашли приют воины, отправляющиеся на поле брани. И с радостью университет и впредь уступит им свои помещения и все, в чем могут нуждаться офицеры и солдаты, готовые стать на защиту родины» (Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. ... С. 72–73).

⁴⁵⁷ См.: Там же. С. 74–75.

⁴⁵⁸ В октябре 1914 года (см.: Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028).

⁴⁵⁹ В марте 1915 года, после взятия Перемышля русскими войсками, главнокомандующим которых был Николай Николаевич. См.: Дело Совета об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029. Характерно, что университет продолжал посылать приветственные телеграммы Николаю Николаевичу и тогда, когда он был «сослан» командовать Кавказским фронтом и являлся одним из лидеров дворцовой оппозиции (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11137. Л. 70, 71).

⁴⁶⁰ Само собой разумеется, что единогласное избрание в декабре 1916 года «по предложению Правления» почетным членом университета М.В. Родзянко, председателя в тот момент крайне оппозиционной по отношению к правительству Государственной думы, красноречиво свидетельствовало о политических симпатиях университетской корпорации (см.: Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.).

⁴⁶¹ См.: *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи... С. 106–107.

⁴⁶² О русской интеллектуально-патриотической печати периода Первой мировой войны см.: *Maurer T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf «An die Kulturwelt» // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 2004. № 1. S. 221–247.

⁴⁶³ См., например: *Ковалева А.С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // *Первая мировая война. История и психология...* С. 106.

⁴⁶⁴ См.: *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 42–52.

⁴⁶⁵ См.: Дело Совета Императорского Петроградского университета о мерах к установлению более тесных сношений между английскими и русскими учеными // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11199; Протокол Совета Петроградского университета от 23 мая 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 32 об.–33 об.; Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // Там же. Л. 92 об. – 93; Положение вопроса о культурном сближении России с дружественными державами к началу 1917 г. // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3 об.

⁴⁶⁶ Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. ... Л. 82 об.

⁴⁶⁷ См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа... С. 204–205; *Тараторкин Ф.Г.* А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания «Истории России» на английском языке (1915–1918) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 270–273, *Медушевский А.Н.* Становление политической антропологии: Французский институт в Петрограде // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 4–6 февраля 1997 г. М., 1997. С. 157–160, и др.

⁴⁶⁸ См., например: *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 214–216.

⁴⁶⁹ См., например: *Ганелин Р.Ш., Нардова В.А.* Указ. соч. С. 189–193.

⁴⁷⁰ См. об этом, например: *Дмитриев А.Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 196–235; *Maurer T.* Op. cit. S. 221–247, и др.

⁴⁷¹ Ответ германским ученым // *День.* 1914. № 347 (789). 21 декабря. С. 3.

⁴⁷² См.: *Ростовцев Е.А.* Университетская корпорация столицы Российской империи... С. 78–80.

⁴⁷³ См.: Там же. С. 103–105.

⁴⁷⁴ См.: *Носков В.В.* «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война... С. 326–339.

⁴⁷⁵ См., например: Резолюция съезда профессоров и преподавателей высших учебных заведений о необходимости коренной политической реформы строя России, февраль 1916 // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2742. Л. 1.

⁴⁷⁶ Всего для медицинских нужд университет предоставил четыре помещения в комплексе на Васильевском острове. В них было организовано два казенных (созданных на деньги городского управления) и два частных городских лазарета (организованные в том числе и на средства преподавателей университета). Понечителем двух из них был ректор университета Э.Д. Гримм, двух других — профессора Д.И. Рихтер и В.И. Срезневский (См.: Очерк деятельности Петроградской

городского комитета Всероссийского союза городов. Пг., 1916. Вып. I. С. 88—89; Всероссийский Союз городов: Справочная книжка Петроградского городского и областного комитетов. Пг., 1916. С. 116, 117, 119). Примечательно, что один из лазаретов (Биржевая лип., д. 6) был организован в столовой Общества вспомоществования студентам, возглавлявшегося городским главой (Очерк деятельности Петроградского городского комитета... Вып. I. С. 166).

⁴⁷⁷ Отношение к настоящей войне // Отчет Петроградского университета за 1914 г. ... С. 91—93.

⁴⁷⁸ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 29 июля 1914 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. ... С. 75.

⁴⁷⁹ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 г. // Там же. С. 82.

⁴⁸⁰ Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. Пг., 1916. С. 114—115.

⁴⁸¹ Представление декана факультета В.М. Шимкевича и переписка об учреждении химического отделения // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11056.

⁴⁸² Заключение физико-математического факультета по вопросу организации химико-фармацевтической группы // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11058.

⁴⁸³ Школа и война. В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. № 38. 22 сентября. С. 7 (стб. 998).

⁴⁸⁴ Переписка об организации врачебно-санитарных курсов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 76.

⁴⁸⁵ См. об этом, например: *Novgorotsev P.J. Universities and Higher Technical Schools // Russian Schools and Universities in the World War. New Haven, 1929. P. 174—175.*

⁴⁸⁶ См.: Высшая школа // Школа и жизнь. 1915. № 17. 27 апреля. С. 6. (стб. 424).

⁴⁸⁷ См.: Там же. 1916. № 15. 13 апреля. С. 8 (стб. 375)

⁴⁸⁸ Департамент народного просвещения, Разряд учен. учреждений и высших учебных заведений — Понечителю Петроградского учебного округа, 7 июля 1915 г., № 30230 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 3.

⁴⁸⁹ Ректор — Понечителю Петроградского учебного округа, 21 июля 1915 г., № 2538 // Там же. Л. 7 — 7 об.

⁴⁹⁰ Зоологический вестник. Пг., 1916–1918. Т. I–III.

⁴⁹¹ Журнал заседания Петербургской городской думы. Заседание 6 марта 1913 г. // Известия С.-Петербургской городской думы. 1913. Т. 190. № 24. С. 1055.

⁴⁹² Свообразным сводом аргументов в пользу учреждения в Петрограде медицинского факультета, высказывавшихся в обществе, может служить работа доктора Льва Бергенсона «Необходим ли Петрограду медицинский факультет и ощущается ли в России нужда во врачах?» (Пг., 1916).

⁴⁹³ См.: Журнал заседания Петербургской городской думы. Заседание 21 марта 1913 г. // Известия С.-Петербургской городской думы. 1914. Т. 194. № 22. С. 2315–2339.

⁴⁹⁴ См.: Журнал 28-го заседания Комиссии по реформе высшей школы. 23 августа 1917 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 277. Л. 52 об. – 53. В мае 1913 года Совет Петербургского университета принял решение «отложить обсуждение вопроса о необходимости открытия при С.П.Б. университете медицинского факультета» (см.: Протокол заседания Совета СПб. университета. 13 мая 1913 г. // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1913 г. ... С. 103–104). См. также: Материалы об организации медицинского факультета при Петроградском университете // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

⁴⁹⁵ Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7 – 8 об.

⁴⁹⁶ Толстой И.И. Дневник... С. 432.

⁴⁹⁷ В определенной степени позиция, заявленная университетом, «спасла» частный Психоневрологический институт (его медицинский факультет был образован в 1912 году), который Министерство народного просвещения, возглавляемое консерватором Л.А. Кассо, намеревалось первоначально закрыть по политическим причинам. В условиях отсутствия факультета в университете правительство вынуждено было утвердить за институтом статус высшего учебного заведения, единственного готовящего в столице мужчин-врачей гражданского профиля (см.: Зимин И.В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... доктора ист. наук. СПб., 2004. С. 207–216).

⁴⁹⁸ См.: *Зимин И.В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX — начало XX в.). СПб., 2004. С. 35. Еще в 1915 году было решено открыть медицинский институт в Ростове-на-Дону (см.: *Воробьева Ю.С.* Указ. соч. С. 45.) В июле 1916 года министр П.Н. Игнатьев выступил с широкой программой открытия медицинских факультетов в университетах или медицинских институтах в Воронеже, Тамбове, Вильно, Минске, Перми, Иркутске, Владивостоке, Ташкенте и Ярославле (Высшая школа // Школа и жизнь. 1916. № 28. 13 июля. С. 7 (стб. 694)).

⁴⁹⁹ *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти. Л., 1984. С. 16.

⁵⁰⁰ См.: Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов...

⁵⁰¹ См.: Отчет об открытии Пермского отделения Петроградского университета и деятельности его в 1916—1917 уч. году (по 1 июля 1917 года). Пермь, 1918. С. 2—3; Пермское отделение 1916—1917 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15256.

⁵⁰² См.: Временная медицинская группа при Императорском Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15254.

⁵⁰³ См.: Дело Совета Императорского университета об организации медицинской и основной группы при Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11220. Л. 1—64.

⁵⁰⁴ См. также: Представление физико-математического факультета об организации медицинского отделения на факультете // ГАРФ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 13—14 об.

⁵⁰⁵ *Гримм Э.Д.* Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 111.

⁵⁰⁶ *Моррис С.* Указ. соч. С. 288—293.

⁵⁰⁷ См.: Манифестации // День. 1914. № 282 (724). 17 октября. С. 1; День патриотических манифестаций // Петербургский листок. 1915. № 67. 10 марта. С. 3.

⁵⁰⁸ См.: *В.И.* Заметки петроградского обывателя // Русская старина. 1915. Т. 161. Январь—февраль—март. С. 216—217.

⁵⁰⁹ См., например: *Novgorotsev P.J.* Op. cit. P. 172—173.

⁵¹⁰ См.: *Саатиков С.* Студенческая печать с 1755 по 1915 г. (Журналы, газеты, сборники и альманахи) // Путь студенчества: Сб. статей. С. 245.

⁵¹¹ «В настоящий исторический момент, когда Родина паша подвергается тяжелым испытаниям, когда на поле брани решаются вопросы

о бытии целых народов, когда, наконец, каждый гражданин Великой России отдает все свои силы, здоровье и знание Родине, мы, студенты, принуждены бездействовать. Нормально ли это? Нормально ли, чтобы нас, молодых и сильных духом, отвлекали от святой работы на пользу Родины? Тысячи студентов сейчас поставлены перед дилеммой – либо, бросая носильно начатую работу на пользу отечества, идти в университет и держать экзамены для выполнения минимума, либо продолжать благотворную работу, по порвать связь с университетом. Какие могут быть в настоящее время серьезные экзамены? Кто из нас, студентов, может добросовестно и спокойно готовиться к такому, когда все наши помыслы, интересы и желания сосредоточены там, на войне, где борются и гибнут за славное дело сотни наших близких и товарищей. Студенты университета просят ректора исходатайствовать об отмене производства курсовых испытаний и перенесении их на более спокойное и благоприятное время и не считаться с минимумом для зачета семестра» (Высшая школа. Война и высшие учебные заведения // Школа и жизнь. 1914. № 37. 15 сентября. С. 8. Стб. 975).

⁵¹² «В течение столетий в западноевропейской, в особенности в немецкой, науке невозбранно разрабатывались историко-философские теории, стремившиеся доказать расовое и психологическое превосходство прочих европейских национальностей над славянскими. Результатом таких и подобных усилий является, с одной стороны, широко распространенное на Западе воззрение на славян, в частности, на нас, русских, как на неспособный к истинной культуре элемент человечества, а с другой – не подобающая русскому народу национальная приниженность даже на территории нашей страны. Последние события мировой жизни направляют наши взоры на необходимость здорового национального самопознания, от которого мы ждем материального и духовного возрождения нашей Родины и почетного места для нее в истории и науке. Да здравствует великий, могучий русский народ!» (Школа и война. В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. № 41. 13 октября. С. 5. Стб. 1066).

⁵¹³ См.: Отпуска студентов в действующую армию // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15215. Л. 2–56.

⁵¹⁴ Толстой И.И. Дневник... С. 547.

⁵¹⁵ См.: *Novgorotsev P.J.* Op. cit. P. 183–184.

⁵¹⁶ См.: Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1915 г. Пг., 1916. С. 180–181; Отчет о состоянии и деятель-

ности Петроградского университета за весеннее полугодье 1916 г. ... С. 157.

⁵¹⁷ Начальникам учебных заведений Петроградского учебного округа, 1 ноября 1914 г., № 348 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10838. Л. 72.

⁵¹⁸ См., например: *Иванов А.* Студенты в окнах // *Родина*. 1993. № 8/9. С. 150—152.

⁵¹⁹ См.: Дело Совета Императорского Петроградского университета ЦГИА СПб об «участниках войны 1914 г. из числа учащихся и других лиц Университета» // ЦГИА СПб. Ф.14. Оп.1. Д. 11019.

⁵²⁰ Школа и война // *Школа и жизнь*. 1916. № 38/40. 5 октября. С. 11. Стлб. 942.

⁵²¹ *Nougorotsev P.J.* Op. cit. P. 205.

⁵²² См., например: *Иванов А.* Студенты в окопах... С. 151—152.

⁵²³ *Nougorotsev P.J.* Op. cit. P. 204—208.

⁵²⁴ См., например: *Лейберов И.П.* 1) Борьба большевиков за руководство революционным студенческим движением в Петрограде в период Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (июнь 1914 — февраль 1917 г.): Авторсф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. С. 16—17; 2) Сергей Иванович Петриковский // *Петербургский университет и революционное движение в России*. Л., 1979. С. 184—191; *Олесич Н.Я.* Борьба партии большевиков за студенчество в трех российских революциях: Авторсф. дис. ... доктора ист. наук. Л., 1984. С. 37—39.

⁵²⁵ Эта ситуация в целом объясняет положение с призывом в армию радикальной российской интеллигенции, которую пытались призвать в первую очередь, однако в результате, вместо того чтобы «обезопасить» тыл, правительство только способствовало разложению армии (см.: *Смирнов Н.Н.* Война и российская интеллигенция // *Россия и Первая мировая война*... С. 262—263). Путь студенчества от патриотизма к радикализму в историографии традиционно очерчивался как революционный, однако, как кажется, не лишен смысла и другой взгляд — с нашей точки зрения, патриотическая волна 1915 года привела к гражданской активизации студенчества, использованной затем радикальными лидерами (Ср.: *Nougorotsev P.J.* Op. cit. P. 215—216).

⁵²⁶ В литературе выделяется три периода развития патриотических настроений в российском обществе: первый (август 1914-го — апрель 1915 года) — нарастание национально-патриотических настроений, консолидация сословий; второй (май 1915-го — сентябрь 1916 года) —

растерянность и начало упадка патриотического воодушевления; третий (с октября 1916 года) — доминирование антивоенных и антимо-пархических настроений (*Лейберов И.П.* Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В.С. Дякина и Ю.Б. Соловьева. СПб., 1999. С. 498; *Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 48; *Тютюкин С.В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: Пролог XX века... С. 243, и др.).

³²⁷ См.: *Знаменский О.Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–октябрь 1917 г.). Л., 1988. С. 239–241.

³²⁸ Указы Временного правительства Правительствующему сенату // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7/8. Распоряжения Временного правительства. С. 7. О политическом значении этого назначения см., например: *История Московского университета*. М., 1955. Т. 1. С. 555–556.

³²⁹ О допущении к преподавательской деятельности устранившихся за политическую деятельность // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 5. Распоряжения Временного правительства. С. 18–19.

³³⁰ О порядке замещения профессорских кафедр // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 6. Распоряжения Временного правительства. С. 49–50; О приеме студентов в университеты // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7/8. Распоряжения Временного правительства. С. 69–73; О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 9. Распоряжения Временного правительства. С. 23–27; Отмена некоторых распоряжений прежних министров народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 7/8. Распоряжения Временного правительства. С. 73–75; О порядке замещения вакантных должностей профессоров высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 9. Распоряжения Временного правительства. С. 23–27; Об отмене некоторых статей уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1917. № 10. Распоряжения Временного правительства. С. 70–

71; Об учреждении в российских университетах должностей доцентов // Там же. С. 73—75; Об изменении некоторых узаконений, касающихся Российских университетов // Там же. С. 75—76.

⁵³¹ В конце октября — начале ноября 1917 года заседание директоров высших учебных заведений Петрограда приняло решение не вступать ни в какие контакты с советскими комиссарами и СНК не признавать (см.: *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 33). См. также более позднюю работу этого автора: *Купайгородская А.П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917—1922) // Власть и наука, ученые и власть... С. 185—201.

⁵³² Декретом ЦИК 9 ноября 1917 года было принято решение «об учреждении Государственной комиссии по просвещению» (Декреты советской власти. М., 1964. Т. I. С. 59—62), поставившее целью перестройку всей системы образования в России. Образование комиссии затянулось до февраля 1918 года. 31 марта Государственная комиссия избрала комиссию по реформе высшей школы, которая, по существу, продолжила деятельность комиссии М. Новикова в новых условиях. Уже в феврале 1918 года Государственная комиссия заявила о праве отдела высших учебных заведений Наркомпроса вмешиваться в дела высшей школы (см.: *Лебедева М.В.* Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917 — феврале 1921 гг. (опыт управления): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 26—28). Приглашенные к участию в работе комиссии «буржуазные профессора» пытались отстоять проекты автономии университетов (см.: Сообщение бюро по организации совещания по реформе высшей школы — о ходе рабочей комиссии по составлению проекта положения о российских университетах // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2749; Проект положения о российских университетах, составленный в связи с изменением государственного строя // ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2750).

⁵³³ Декреты Советской власти... Т. III. С. 381—382.

⁵³⁴ Народное просвещение (Приложение к Известиям ВЦИК). 1918. № 17. 14 сентября. С. 1.

⁵³⁵ *Fitzpatrick S.* The Commissariat of the Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky. October 1917—1921. Cambridge, 1970. P. 68—88.

⁵³⁶ *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 49.

⁵³⁷ *Марков А.Р.* Указ. соч. С. 76.

⁵³⁸ См. обширную литературу: *Fitzpatrick S.* Op. cit. P. 68—88; *Купайгородская А.П.* Высшая школа Ленинграда... С. 29—66; *Кейрим-Маркус М.Б.*

Государственное руководство культурой. Строительство паркомпроса (ноябрь 1917 – середина 1918 гг.). М., 1980. С. 38–78; *McClland J.C.* Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia. 1917–1921. New Jersey, 1970; *Финкель С.* Указ. соч. С. 173–184; *Алексеев П.В.* Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 67–136, и др.

⁵³⁹ Основным аргументом против «автономии» была посылка о том, что «при нынешнем положении вещей, при тесной традиционной связи нынешней Высшей школы со старою, при все еще господствующем в массе работников Высшей школы мелкобуржуазном настроении, самоуправляющаяся Высшая школа станет достоянием буржуазии и явится в ее руках хорошим орудием в борьбе за власть с рабочим классом» (*Державин Н.С.* Высшая школа и революция. М.; Иг., 1923. С. 38).